

18+

Гутиева Ханзарифа

Осколки

Ханзарифа Дахцикоевна Гутиева

Осколки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28327937

SelfPub; 2020

Аннотация

Воспоминания нашей мамы, которая часто повторяла, что она "бьётся в этой жизни". Тут собраны некоторые подробности этого Боя, в котором она не теряла чувства юмора и невероятной честности. Большая часть событий разворачивается в Москве 70-х и 90-х годов.

Содержание

Книга 1	5
Будни	5
Из программистов в трактаристы	5
Блохи подземелья	11
Картонные пирамиды	23
Мы бяки буки	28
Щит и Меч	32
Протокол	35
ГРЭП баттл	43
Сухостой большой ценой	47
Возьмите Черта домой	49
Туляевы	53
Про Начальников и людей	62
Повестки	68
Всевышняя страховка	72
Бедное безбедное существование	79
«Дима, уходя, захлопни дверь»	96
Неужели Антуан Вагто?	106
Книга 2	114
Портреты	114
Портрет 4	126
Портрет 5	131
Портрет 6	134

Портрет 7	147
Портрет 8	153
Портрет 9	160
Книга 3	166
Школа. Институт. Работаы	166
Александра Дмитриевна vs Елена Ивановна	166
В пионеры	174
Суд Соломона	177
Страты	180
Кому математика?	181
Антропология МИФИ	182
Воронков	195
Одиночество	197
Саша Селезнев	198
Мишина	202
Бурлаков	209
Талантливый Женька	220
Сомнамбула	228
Маринка	235
Херувим в логове гориллы	238

Книга 1

Будни

Из программистов в трактаристы

Тяжёл переход от заваленного программами стола, сосредоточенной тишины и психологической предсказуемости каждого рабочего дня к неформализуемому труду с расплывчатой перспективой результата, часто от тебя не зависящего.

Было непонятно поначалу желание работников ГРЭП'а сваливать вину друг на друга перед начальством, а не искать истинную причину оказии и пути её решения.

На заседании Правительства происходит что-то подобное – распекание, выволочка, грозные предупреждения вместо поиска решения возникших проблем. И все министры сидят и молчат.

ГРЭП – слепок с государственной системы управления.

Не понимая, что происходит, я всегда по старой привычке пыталась анализировать ситуацию. Если гнев обрушивался, с готовностью брала всё на себя, чем здорово обескураживала всю взбудораженную компанию. Не встречая сопротивле-

ния, упреки немедленно смолкали.

И пригвождение к кресту теряло свою прелесть.

Почти все сотрудники администрации конторы не имели высшего образования, или оно носило номинальный характер. Это отнюдь не относилось к их интеллектуальному уровню. Люди там собрались умные, энергичные, прошедшие рано свои жизненные университеты. Просто так сложилась их судьба.

Сметливая Дусина говорила мне, что с детства только и знала крестьянский труд, а с двенадцати лет таскала на себе тяжёлые мешки картошки. Она пила и умерла рано.

В Ковалевской пропал артистический талант. Её импровизации поражали своей экспрессией, брызжущим остроумием и образностью. Неустроенный быт в полуподвальной комнатухе и полное одиночество всё больше и больше погружало её душу в психическую мглу.

Рябова, помимо потрясающей природной красоты, удивляла своей вёрткостью – она могла выскочить сухой из любой ситуации. А однажды подсказала решение нестандартной головоломки. Она пережила трагедию, расставшись с любимым мужем.

Чернышёва вообще отличалась мужским умом и деловой хваткой. Пошла на решительный шаг – родила дочь от женатого, воспитывала её сама. Сама же и обрастала бытом – квартирой, дачей. Всё-всё делала сама.

Ирина Георгиевна – ума палата – могла разрулить любую

ситуацию. Когда надо было, ныряла одна в любой загаженный подвал или лезла для инспектирования на тёмный чердак. Ничего не боялась. Её поклонникам было несть числа. Не успевал распрощаться один, как в дверь входил другой. Контору это чрезвычайно потешало, а она небрежно расшвыривала воздыхателей, ибо была по уму на голову выше их всех.

Один из них, уже немолодой мужчина весьма солидной внешности, приходил, садился напротив, и трогательно молчал часами, глядя на неё, пока она что-то писала, писала, писала...

Отнюдь не болтливая и обычно сдержанная, Ирина Георгиевна однажды в порыве весёлого откровения вспомнила об эпизоде далёкой молодости: «Ну вот уже всё, всё, всё было готово. Но в последний момент я его пнула ногой. Он как-то мне в одну секунду разонравился».

Ещё у нас были два притких и вёртких инженера-кудесника. Им удалось изобрести такие дрожжи, что пироги всходили на глазах и каким-то чудодейственным образом превращались в машины и прочие блага цивилизации. Природу рецепта дрожжей, раскиснув от моих восхищенных похвал, добрые малые не стали держать в секрете, а даже предложили заняться с ними вместе увлекательной кулинарией. Моё неопределённое мычание было воспринято как согласие.

Через несколько дней моего молчания у них началась паника. Проходила она медленно, как тяжёлая болезнь. А я не

спешила успокаивать, ехидно забавляясь их тревогой. Больше они со мной не откровенничали.

Мне они вполне были симпатичны, ибо «...ворюга мне милей, чем кровопийца...».

А были умны. Один блестяще учился в аспирантуре, но надо было кормить семью, и он аспирантуру бросил. А другой, в прошлом геолог, долгое время вкалывал на Севере.

Многих девяностые ткнули носом в землю.

О нашей начальнице Косиновой отдельный разговор. Бешеный темперамент, быстрый ум и решительный характер приводили меня в состояние гипнотического шока. Её природный артистический дар из любого собрания лепил неповторимый импровизированный спектакль с чётко распределёнными ролями, где главным героем и режиссером была она сама. Спектакль мог быть сокрушительным, но всегда интересным.

Приехали они из разных уголков России. Кто из городов, кто из отдалённых деревень и посёлков.

Перечень можно продолжать очень долго. Ответственно могу сказать, что государство, в котором такие люди не смогли профессионально реализоваться, – большое.

Моему, как им казалось, элитарному образованию сначала тихо завидовали, стараясь меня подколоть.

Как-то Сергей Иванович, бывший десантник, молодой мужчина, работавший у нас главным инженером, ехидно спросил после очередного распекания, и чего только я дела-

ла на предыдущей работе. Упрек незаслуженный, и его ревнивый мотив был очевиден.

Растерявшись, я неожиданно для себя тихо выдавила: «Искала истину».

После этого ко мне по поводу моего образования никто не приставал.

А потом и вовсе успокоились, ибо по характеру я – тудяга и без понтов.

Женская часть коллектива конторы – слепок неблагополучия государства. Именно в их неустроенных судьбах, срывающихся в истерику спорах и визгах, в привычном мате, лихо разбавляющем любую беседу, слышалась неизбывная русская несчастливость.

Молодости у многих в обычном понимании слова не было.

Свой медовый месяц Лосинова, ещё будучи дворником, провела в дворницкой на мётлах. Потом она с мужем рассталась, так и не став матерью до конца своей жизни. Больше замуж эта энергичная женщина не вышла. Кому нужна бедная девушка. А потом стало поздно, да и стоящие мужики все уже были заняты. Знакомая картина, не так ли?

Этот же путь повторился в судьбах и других женщин конторы – кто остался один с ребенком, кто вообще не нашёл своей половины, а кто вынужден был тащить семейную лямку с пьяницей или ничтожеством. Счастливых среди нас не было.

– Как вы можете работать с такими? – спросила меня как-

то одна знакомая по двору – Вы, интеллигентная, не долго выдержите в этой помойке.

– А знаете, зря вы так. Они ничуть не хуже, – чуть было не сказала: «вас», – нас с вами.

Стерильная особа поджала губы и потеряла с этих пор ко мне интерес.

Ну как ей объяснить, что заграничные вояжи её мужа и возможность научных потуг дочери, материальное благополучие семьи и чистый, спокойный, устроенный быт есть следствие многочисленных уступок, компромиссов и просчитанных ходов, усилий по завязыванию нужных связей, книксенов и приседаний разного рода в нужное время и в нужном месте.

Всё то, что называется психологической несвободой.

А там внизу человеческие страсти не прикрыты лицемерной кисеёй, и люди ежедневно вынуждены жить и выживать за счет исключительно собственного труда. Ну не повезло им родиться в рубашке, и судьба не подарила шанс для накатанной, предсказуемой карьеры.

Первое время меня очень смущала одна из моих служебных обязанностей – инспектировать мусорные контейнеры. Привыкла. И от осторожного заглядывания перешла к активному ворошению их содержимого. Нельзя было допускать наличие строительного мусора – контейнер становился неподъёмным. Тогда мусорщик просто поутру выбрасывал его вместе с рассыпавшимся содержимым на асфальт. Затем

ехала комиссия, штраф мне и дворнику, – и месячное голодание с детьми обеспечено.

И вот однажды, вытащив свою голову из контейнерной помойки, я поймала на себе взгляд интеллигентного пожилого человека, полный ужаса и глубочайшего сочувствия.

Видимо он решил, что вполне прилично одетой тётке приходится рыться в поисках пищи.

Ещё почему-то непривычно было залезать в грузовые самосвалы для разездов по участку.

Но очень скоро и контейнеры, и прыжки в самосвал перестали меня смущать.

Впереди ждали испытания куда более страшные, о которых даже сейчас без содрогания не могу вспоминать. Пришло, пришло время, когда я задумалась о Провидении и об Ангеле-хранителе каждого из нас. Хотя особой набожностью никогда не страдала. Но об этом позже.

Блохи подземелья

На моём участке из восьми улиц стояли многочисленные старые дома с чердаками и подвалами, просторными, грязными и опасными. Никто из идущих в густом потоке, спешащих или праздно гуляющих людей и не подозревал о наличии за вполне приличными фасадами зданий таких зловонных клоак, такого чрева с многолетней слежавшейся грязью

прямо в центре столицы. Для их полной очистки нужна была целенаправленная работа, денежные средства и специальные рабочие бригады. И воля.

Но вся неподъёмная, неблагодарная работа ложилась на плечи всё тех же бессловесных отверженных и забытых.

Вот эти улицы: Большая Никитская, Романов переулок, Большой , Средний , Малый и Нижний Кисловские переулки , Калашный переулок , Суворовский бульвар (ныне Никитский).

Все жилые дома, все ведомства, дворы и закоулки, переходы, проходы и подворотни перечисленных улиц требовали ежедневного контроля.

Не оставляли меня в покое ни днём, ни ночью непредсказуемые ЧП всего жилого и расположенного на этих улицах ведомственных фондов.

Как и его обитатели, среди которых находились люди не вполне адекватные.

Один такой житель с Суворовского бульвара побежал жаловаться начальству из-за выброшенного нашей бригадой хлама.

Несусветный хлам был набит в никому не принадлежавшую нишу лестничной площадки чёрного хода. Мы выбросили его, не подозревая, что у него есть хозяин и как он дорог его плюшкиному сердцу.

В каких драматических красках этот склочник описал наше вероломство, не знаю, но мне целый месяц пришлось го-

лодать с детьми.

Дня через три после инцидента он шёл мне навстречу и как ни в чём не бывало широко улыбался, как своей старой знакомой.

И сказал: « Мы с вами подобно двум одиноким сердцам в уютной лодке среди бушующих волн житейского океана!»

Короче – псих с поэтической душой.

Сколько приходилось тратить сил и времени на всякие разборки между жильцами и на их жалобы по разным поводам – бегать по залитиям от текущих труб и кранов, по затоплению с гнилых крыш, на очистку комнат от вещей умерших. К этому добавлялся и контроль за ведомствами перечисленных улиц.

Поднимали меня и ночью.

В наследство от предыдущего техника досталась валявшаяся в ящике стола перепутанная связка ключей от чердаков и подвалов. Стершиеся адреса засаленных бирок из линолеума, устаревшие ключи от уже не существующих или сбитых замков требовали немедленной инвентаризации.

Когда дело было сделано, на огромной доске, прибитой к двери подсобки, на каждом гвозде с номером висел ключ с алюминиевой биркой. Отдельно к этому хозяйству была тетрадь, где по номеру бирки указывался адрес для ключа, – и никто не мог взять ключ без росписи.

Одновременно на ушки для висячих замков подвалов и чердаков участка были приварены цилиндры чугунных труб,

чтобы нерадивые слесаря для доступа к объекту не выламывали замки, лентясь обратиться за ключом.

По окончании работы я насчитала на доске до трехсот ключей, аккуратно висящих на гвоздиках с чистыми бирками. Была проделана большая работа.

Сначала работники ГРЭП'а надо мной смеялись. Но потом из-за потерь слесарями ключей-дубликатов с диспетчерской потянулись ко мне. У меня не пропал ни один ключ, потому что в тетради каждый расписывался прежде, чем его получить.

Отсутствие в нашем национальном характере тяги к порядку с упорным постоянством отражалось в каждом штрихе грэповской деятельности.

Чердаки и подвалы на моём участке теперь были закрыты наглухо. Это очень важно, и вот почему.

В девяностых в СМИ маленькой заметкой промелькнуло известие о мученической смерти молодой девушки от рук маньяка. Он затащил её глухим вечером в открытый подвал дома 12 Суворовского бульвара, арендуемого музеем Народов Востока. Рядом располагалась дверь моего подвала, к тому времени уже прочно закрытая. В противном случае, возможно, он затащил бы её туда.

Трагедия проживавшей в этом злополучном доме несчастной семьи продолжилась – отец от горя спился и умер, а мать, продав квартиру, уехала навсегда подальше от жутких воспоминаний.

Говорят, американский джаз возник, когда отработавшие на похоронах музыканты возвращались домой. Для поднятия настроения они исполняли свои искромётные импровизации, чтобы снять стресс.

Нам это тоже было нелишне.

В первый день своей работы в конторе мне пришлось организовывать очистку двора дома 5 по Романову переулку. Когда увидела, как подневольные работяги набросились с лопатами на гору слежавшегося мусора, меня охватил стыд. По правилам я должна была стоять в стороне и следить за ходом работ. Лопаты взлетали в полном молчании, без остановки, без передышки. Люди прыгали на вершине кучи с остервенением и, не разгибая спин, спешили поскорее закончить.

А я, как положено начальнику, стояла в стороне. Схватив лопату, присоединилась к ним.

И тут вредная и въедливая дворник Нина Григорьевна Василенко, которая, как мне сказали позже, метила на место техника, сказала вполголоса: «Будете сами лопатой махать, ничего у вас в работе не получится. Это не ваша работа». Я в растерянности замерла и после преподанного урока больше никогда не копала.

Однажды жильцы дома 8 по Суворовскому бульвару пожаловались на невыносимый запах в квартирах, несущийся из подвала дома. Дом располагался впритык к злочным ту-совкам Арбата, где в 90-х целыми днями пили и кололись всякие подозрительные личности. Так что надо было быть

готовым ко всему.

И мы пошли выносить грязь.

Не успел внук знаменитого революционера Нариняна нырнуть туда, как на него набросились блохи. Они жили припеваючи и размножались там на залежах всякого дерьма ещё с боевых времён его деда, спрятавшись от всех революционных бурь. Страну всю вычистили, а про блох забыли.

Володя, покусанный, выскочил с ужасом и категорически отказался спускаться в подвал.

Мы уныло побрели в контору объясняться с начальством.

Зычным голосом боевая баба Танька Косинова приказала лезть к блохам и немедленно очищать подвал. В принципе такой настойчивостью можно обладать в двух случаях: либо ты сама не знаешь, что это за напасть, либо, напротив, так привыкла к ним, что даже спишь с ними.

Не знаю, как в её случае, но меня бог миловал от второго, а гнать людей на пир для блох невыносимо. Я сначала пришла в остолбенение, а потом впала в истерику прямо у неё на глазах.

И тут сердобольная секретарша Галя Копылова сказала: «Что вы плачете? Ведь не вам же лезть в подвал, а дворникам».

И при этом все верующие. Чуть что, бегали к местному батюшке отцу Георгию за наставлениями и келейно прыскались святой водой. А он – бывший слесарь с окладистой бородой, – бывало, выставит огромное пузо на них, снисходи-

тельно слушает и благословляет.

В гениальной повести Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая...» есть характерный эпизод. Голодные детдомовские дети, обожавшие свою молодую воспитательницу, равнодушно отказались пойти на похороны, когда она внезапно умерла. Но помчались туда, как только узнали, что там будут раздавать варёное мясо.

Бездушные рождается не только от богатства, но и от дефицита эмоциональной среды в нищем детстве.

Вызвали дезинфекцию, обработали, и лишь потом можно было очищать подвал. Спасибо, сжалились.

Из смрадного чрева, полного жидкой грязи, несчастные несли и несли тяжёлые торбы мусора. Шли они, пошатываясь и обливаясь потом, по шаткой деревянной лестнице и вынесли за несколько дней не меньше тонны семидесятилетнего кошмара.

Чего там только не было – склад огромных прозрачных стеклянных плафонов от уличных фонарей начала века, старые газеты двадцатых годов, кошачьи трупы, тряпки, ящики и прочее слежавшееся барахло.

В подъезде этого же дома, но со стороны двора, умер бомж.

Вызвали санитарную бригаду. Заглянула она в вонючий тёмный подъезд, где под лестницей нашёл последний приют бедолага, – и призадумалась. Долго они ломали голову, как к нему притронуться, грязному, уже разлагающемуся, пока

их не озарило.

Побежали они на Арбат, нашли у ларька пьяницу, кандидата на такой же конец в трущобе, и за бутылку водки он им вынес, поднёс и упаковал драгоценный благоухающий груз.

При этом, таща труп своего возможного собутыльника за ноги, неунывающий НОМО SAPIENS пел во всё горло: « ... в бою не сдаётся наш гордый «Варяг», пощады никтоо не желает ...».

Разве можно победить такой народ!

В доме 12 по Суворовскому бульвару со стороны Калашного переулка на последнем этаже был вход на чердак со слуховым окном, выходящим точно на окна японского посольства на противоположной стороне улицы.

Подивилась его необычной чистоте, отремонтированными стенам и потолку.

Нижние жильцы говорили о странном арабе. Он наездами жил в соседней квартире и поднимался зачем-то на чердак и даже имел от него ключ. Потом, уже в горбачёвские времена, араб исчез.

Из окна слухового окна была видна панорама Москвы. Я подумала, как романтично здесь по ночам любоваться ночным московским небом.

Может быть, араб тосковал по своей Родине и декламировал восточного поэта, глядя на звёзды?

Ну, что-нибудь типа:

«В морях любви на дне есть жемчуг, и вот оттуда кладь

моя...», или

«...Бросив дом, из-за Алеппо, из-за Шама я пришёл...»,

или

«Ах, не нужен мне лекарь, не нужен врач...».

Ну, что ещё в голову придёт арабу, если он высунется в слуховое окно, выходящее прямо на окна японского посольства?

Видимо муниципальные власти, или кто там ещё, привели в порядок грязный чердак, чтобы странный араб красиво тосковал по родной стороне.

Другим чердакам и подвалам, а заодно и нам, повезло гораздо меньше.

Иногда случай посылал любопытные предметы с помойки или от умерших людей, последнее обиталище которых моя бригада тоже должна была очищать.

Однажды мне позвонил старик с Суворовского, 12. И настоятельно просил меня прийти, потому что после смерти его соседки остались вещи, и он не знает, что с ними делать.

Видимо надо описать и закрыть помещение.

Вообще, на Суворовском, 12 жили бывшие работники министерства финансов – люди небедные, как правило.

На пороге меня встретил старик лет восьмидесяти пяти и проводил в комнату умершей. Вся комната была завалена тряпками, а по периметру стояли вещи. Там была посуда. Какой-то сервиз, ваза из фаянса пятидесятых годов, высокая синяя ваза из стекла. В дальнем углу на комодe – старинный

бронзовый подсвечник, на стене висели туры рога, а на другой стене в старинной резной оправе из красного дерева – большое зеркало. Что-то ещё.

Я остановилась по колено в тряпках и растерянно смотрела на всё это.

Станный старик сказал: «Берите, что хотите».

Решив, что он сбрендил, я уставилась в его ненормально блестящие глаза и медленно, с расстановкой спросила, знает ли он, что всё это стоит денег и, возможно, немалых.

– Ну, можете заплатить, – со странной усмешкой сказал он.

– Платить я вам не буду, да и не чем. Сообщу только дворникам, что у вас есть тряпки. В них у нас дефицит.

Не понравились мне его сумасшедшие глаза. И ушла я от греха подальше.

К нему, как я потом узнала, ходила некая молодая особа с целью женить на себе.

В другом месте моя бригада очищала комнату умершего. Зингеровскую ножную машинку с ажурной чугунной станиной мы спустили по лестнице, а мелкие вещи бросали сверху.

Среди них и была та самая немецкая эмалевая с голубоватым отливом кружка с делениями, трофейная, которую я до сих пор вспоминаю. Она, брошенная с девятого этажа, лишь чуть-чуть деформировалась. И ни одного скола или трещины на эмали! Чудеса.

Зингеровскую машинку кто-то из жильцов прихватил себе. А в бункеровоз полетели старые виниловые пластинки с песнями Вяльцевой и фигурный обливной комод сливочного цвета со вставками из стекла. Туда же отправились двери со старинными бронзовыми ручками в стиле Арт-нуво и сундук работы прибалтийского мастера.

Многие дома в центральном округе принадлежат постройкам начала прошлого века, и некоторые ещё не разграбленные детали – старые фонари в прихожих, люстры с матовыми плафонами, дверные ручки – сохранились.

Дворник нашей бригады однажды в мусорном контейнере нашёл заляпанный, обросший слоем грязи графин. Отмыл его – и засверкал старинный хрусталь в серебре с ручкой из слоновой кости.

Это был графин знаменитого мастера Виноградова.

Так что, ройтесь, господа, ройтесь! Авось и вам улыбнётся удача.

А если серьёзно, то вся эта возня только унижает, изматывая последние силы, и полностью соответствует определению – рабский труд.

Были и такие помойки, что никакие сюрреалистические картины не идут с ними в сравнение.

Прошли годы, и, вспоминая эти пейзажи, этот отрицательный опыт, я уже путаюсь, где была реальность, а где мне это снилось.

Для реальности – слишком нереально, а для сна – слиш-

ком извращённо.

В снах приходили ко мне мои усталые работяги и мы шли по каким-то адресам – то на несуществующий чердак, то в зловещий подвал. И копали, копали, и вгрызались железными лопатами, и врубались тяжёлыми ломami в слежавшиеся горы мусора, как и было в реальной жизни.

То мне снится, что мы с Лианой Панцулаей очищаем чердак в старом доме на Малом Кисловском, том самом, постройки семнадцатого века, со сводчатыми потолками в подъезде и стенами метровой толщины, с множеством подвалов, неожиданных бетонных колодцев, заваленных доверху многолетним дерьмом.

И будто Лиана говорит мне, что нашла там тарелки, и не знает, что с ними делать.

То мне снится после реального убийства на Суворовском, 12, его длинный, не кончающийся чердак со множеством выходов на чёрные хода. Я иду одна при полной тишине, рискуя встретиться с кем угодно в любом из отсеков этого бесконечного перехода.

Так и было в реальности до убийства. После него одна туда уже не ходила.

То во сне я вскакиваю от страха, что проспала время выхода на очистку крыши, и мои отверженные и забытые в рассветных сумерках сгрудились в назначенном месте и тщетно ждут.

И теперь, повторяю, я не знаю, что было явью, а что сном

Картонные пирамиды

На углу Большой Никитской улицы располагалась одна ушлая контора или, как нынче принято говорить, офис. Рядом с ней на том же углу, к несчастью, были расположены наши контейнеры для мусора.

Передвинуть ни офис, ни контейнеры возможности не было, и их трагическое соседство приводило нашу бригаду к головной боли, будучи регулярно причиной неожиданного сокрушительного опустошения карманов, и без того тощих.

В сумерках, ближе к ночи, когда вся страна блаженно расслаблялась после трудов праведных, из этого, так сказать, офиса выползло неуловимое странное существо, нагруженное горой пустых картонных коробок. Крадущимися, осторожными прыжками оно молниеносно достигало контейнеров. Голубушки, уже убранные и вылизанные, стояли в своей невинной пустоте в ожидании следующего дня.

Лишение девственности происходило мгновенно, и так же мгновенно охальник растворялся в сгущающейся мгле.

Поутру растерянный дежурный утыкался прямо носом в картонные пирамиды, бесстыдно торчавшие в поруганных бедняжках.

Ещё хорошо, если успевал быстро убрать следы преступления, и они опять начинали сверкать своей непорочной чи-

стотой. Ну, как хирургическая операция по превращению женщины в девушку для особо привередливых мужчин.

Однако иногда некоторые извращенцы в администрации ДЕЗ'а из любви к искусству стращать и наказывать, опережая события, успевали объехать территорию с инспекцией раньше. Ну и дальше, сами понимаете, – выговор, лишение крупной части зарплаты и т.д. по отработанному сценарию.

Однажды место начальника нашего ГРЭП'а приглянулось родственнице какой то усатой «шишки», далее именуемой «усы», из этого самого ДЕЗ'а. Как-то он углядел наше слабое место в виде торчащего картона и ранним утром, опередив дежурного, – а им как назло в этот день была я, – потирая руки от удовольствия, вызвал к поруганным контейнерам нашу начальницу.

Я застала разгар битвы. Силы противников были неравны. Усы зловеще шевелились, а бедная Лосинова, поражённая приступом нервного словоблудия, орошала их Ниагарским водопадом оправданий. Она захлёбывалась, спеша объяснить необъяснимую ситуацию, обречённо сознавая, к какому краю пропасти своей карьеры приблизилась в это роковое утро. Усы были молчаливы, лишь изредка решительно и непреклонно встряхивались от брызг оправданий и продолжали зловеще шевелиться.

Взвалив на себя неподъёмную, хотя и благородную задачу, я наивно решила, что спокойная беседа подействует убедительней. Надо просто ласково, главное интеллигентно, не

тараторя, в доходчивых словах донести печальную истину. Мы же все люди, в конце концов.

Речь свою начала торжественно, не торопясь, щедро разбавляя предложения словами: «видите ли, в чём дело», «как вам сказать», «извольте обратить внимание», «несомненно», «да, да, это концептуально, это существенно концептуально», и т.д. и т.п.

Усы замерли. Но только на мгновение. А потом с удесятёрённой неистовостью зашевелились опять, почти перпендикулярно став к лицу. В их планы вовсе не входило уяснение ситуации, как раз напротив. И уж тем более с неизвестно откуда выскочившей сумасшедшей.

Пара, забыв обо мне, опять погрузилась в бурный диалог-монолог, понятный только им обоим.

Они в смертельном вихре стали удаляться подобно неразлучным Паоло и Франческе и вскоре скрылись из виду. Помчались к другим мусорным кучам.

Тут— то и стало ясно, что с бесстыжим офисом пора по квитаться. Если гадят, так пускай заплатят.

Чем занималась эта картонная фабрика, мне было неинтересно. Главное, разувзнав код от неприступной двери, надо было неожиданно с моими трудягами ввалиться прямо в кабинет к Самому.

Что и было сделано. Предварительно, весьма заинтересовав их намечающейся возможной наживой, провела инструктаж — как стоять, когда говорить и когда улыбаться.

Боевой отряд выстроился в каре перед большим столом Самого, очень колоритно выделяясь своими лохмотьями на фоне богатого интерьера и его солидного хозяина. На картонных коробках, оказывается, можно хорошо существовать.

Моя вступительная речь с упоминанием тяжёлого труда простого человека была выслушана со снисходительным терпением. Он немножечко напрягся, когда я коснулась к слову несправедливого распределения земных благ как неистребимого бича человечества. Но он ещё не понял, что к чему, и продолжал беззаботно взирать на отверженных.

– Кстати, позвольте Вам представить моих дворников, – перешла я к тяжёлой артиллерии в своём выступлении, – Рудольф Аркадьевич. Первый электромеханик международного судна. Во время пожара на нём в открытом океане организовал оперативное тушение, чем спас жизни членов экипажа.

Рудольф сделал шаг вперёд, учтиво наклонил голову и ослабился.

– Туляева, его супруга, преподаватель математики, – не унималась я.

Галина Николаевна сделала решительный шаг вперёд в своих изодранных, обрезанных сапогах с отваливающейся подмёткой, но не ослабилась и даже не кивнула. Это уже было нарушением инструктажа.

Вместо этого очень суетливая и велеречивая особа Гали-

на Николаевна чуть было не сорвала представление, бросившись объяснять, как нехорошо картонные коробки выбрасывать, куда ни попадя.

Пришлось прервать её строгим покашливанием.

– Будущая знаменитость, талантливый художник и по совместительству зять небезызвестной Вентцель.

Будущая знаменитость инструктаж освоила хорошо и тоже ослабилась, держа в руках метлу.

Он только что кончил уборку и не успел с ней расстаться.

– Вы, конечно, слышали это имя? Нет?! Ну, полноте, батенька. Может и про теорию вероятностей не слышали? Жаль, жаль, – здесь по сценарию тяжёлый вздох и задумчивая пауза, но недолгая.

А то вдруг опомнится.

Дальше в несусветном треухе и рваной телогрейке выпрыгнул внук знаменитого революционера Нариняна. За артистические способности выпускника ВГИК'а я не беспокоилась. Всё было проделано с нужным изяществом, приведя глаза хозяина в состояние близкое к выскакиванию из орбит.

Потом пришла очередь скромного студента ГИТИС'а Нагаева. Бесхитростный киргиз, впитавший с молоком матери периферийную провинциальность в великой семье народов, выходить постеснялся, но изобразил свою киргизскую улыбку, из-за которой его глаза вообще куда-то исчезли. С ним поговорим потом.

Хозяин был в глубокой оторопи. Я поняла, что клиент го-

тов и нанесла решающий удар.

Короче, паря, плати деньги за своё свинство, которое ты регулярно учиняешь над такими уважаемыми людьми.

И, что бы Вы думали, заплатил. Очнувшись от свалившейся на него информации, лощёный господин вызвал свою секретаршу с боольшим кошельком.

Деньги мы потом поделили поровну, по-братски. А мусорные контейнеры, оправившись от учинённого насилия, опять заблестели первозданной чистотой. И больше их не трогали.

Мы бяки буки

«... с паршивой овцы хоть шерсти клок...»

Оказалось, я умею воровать и грабить. Это несложно. Главное – обосновать надобность воровства и грабежа. И когда их необходимость очевидна, всё остальное – уже дело техники.

Поэтому, когда плачущая Рафига рассказала об учинённом над ней обмане, план сложился сам собой.

Обычно человек испытывает дефицит мотивации или, скажем, пассионарности.

А вот как в голову ударит – тут в тебе и просыпается некая целеустремлённость.

У Рафиги больше не было ни копейки. Зарплата грошовая, а двух сыновей надо кормить.

И нанялась она убирать, мыть, скоблить – ну, в общем, вы-

лизывать квартиру на Калашном, арендованную неким Русланом со товарищи для своих тёмных делишек. И это в дополнение к своей и без того тяжёлой работе уборщицей.

А этот прохиндей вдруг перестал ей платить и всё кормил обещаниями. Затем намылился съехать – и с концами.

И мы пошли.

Никогда в жизни мне не приходилось больше так чётко осознавать, что с пустыми руками я не уйду, и страстно жаждать своровать хоть что угодно у проходимца. Как это делать, не знала, но решительность клокотала вместе с гневом.

Словом, не знала сама, что буду петь, но только песня зрела.

По нагромождённым коробкам в квартире скорый отъезд банды сразу стал очевиден.

Все вещи собраны – воровать нечего. Но я не отчаивалась и по-хищному внимательно присматривалась исподтишка.

В дальнем конце коридора молодая секретарша с удивительно порядочным и грустным лицом, скорее похожая на заложницу, объяснила, что Руслана нет и, когда он появится, неизвестно.

Этих доморощенных контор и всяких прочих забегаловок в Центральном округе в девяностых было пруд пруди. С сожалением и недоумением встречала я там молодежь лет двадцати. Что делали они там, зачем так бездумно проводили свои самые плодотворные годы? Вместо учёбы сидели все дни на телефонах, подносили чай и кофе дутым авторитетам,

красились, маникюрюлись, болтали, таскались по магазинам.

Невольно вспоминалась моя институтская молодость. В эти годы и часа свободного не было.

Столько оболваненных юных душ в погоне за миражом обогащений и дешёвого гламура и не подозревали, что за устойчивым, длительным успехом стоит всегда фундаментальное образование.

Богатые и успешные своих детей в такие конторки секретаршами не устраивали.

В соседней комнате рядом, развалиясь в креслах, сидели подельники Руслана. Все как на подбор в цепях и с бандитскими рожами. Компания резалась в карты и еле скользнула взглядом по двум убогим существам.

«Ваш начальник придёт сегодня?»

«Может быть придёт», – с некоторой паузой и через плечо.

«Ну когда, через час?», – пытаюсь уточнить.

«Может быть через час», – небрежно и не переставая играть, отвечает один из бугаёв.

«Может быть через два?» – тянула я время.

«Может быть через два», – уже издеваясь, лениво отвечает мне в тон другой.

«Может через три? А может вообще никогда?»

Мои вопросы повторяли в издевательски-предположительной манере, эдак с ленцой, без поворота головы в нашу сторону. В общем, неторопливая игра в пинг-понг. Я медли-

ла.

И тут-то милая секретарша изволила на свою голову предложить нам кофею. Ну, прям, как в лучших домах Лонда Она.

Пройдя на кухню, мы чинно сели за сервированный французским сервизом стол.

Ба! Вот это мне и нужно было. Вот он, родненький. Меня дожидался.

Сервиз бандиты убрать ещё не успели.

Секретарша ушла, а мы, не торопясь, вкушали заграничный напиток.

Бедная Рафига даже не догадывалась, что последует после. Ей нельзя было раскрывать коварный план, чтобы по причине испуга наивная женщина, ещё верившая в возвращение Руслана, всё не испортила.

Всё допили – не мочить же мне сумку. А затем на глазах растерявшейся Рафиги, раскрыв свою торбу, я туда весь французский сервиз и сгрэбла. Поместился.

Дальше Рафига следовала за мной к выходной двери как сомнамбула, а я на ходу благодарила сидевшую вдали секретаршу – спасибо, кофе вкусный – и обещала прийти позже. Шли чинно, не торопясь.

И вот уже заветная дверь. Открываем, выходим на лестничную площадку. Здесь-то и команду резко, выводя обомлевшую Рафигу из оторопи: «А теперь бежим!»

Надо было успеть выскочить на улицу по крутой лестнице, скорее туда, где люди.

За нами гнался охранник и кричал: «Верните чашки, не то хуже будет!»

А я, убегая с сервизом, тоже кричала на весь Калашный, что если он посмеет связаться с женщинами, то все тёмные делишки его банды и его начальника-проходимца будут разбирать в милиции.

Очередь в посольство Нидерландов на Калашном с изумлением слушала нашу перепалку, и он отстал.

Мы выиграли.

Конечно, чашками и блюдами, пусть даже французскими, детей не накормишь, но отвоёванный сервиз был хотя бы слабым утешением за украденные деньги.

«Спасибо» от Рафиги не дождалась. Она была смертельно напугана и хорошо себе представляла, что ждало нас, не успеи мы выскочить из этой берлоги.

Щит и Меч

На Нижнем Кисловском в девяностых была контора с претенциозным, опереточным названием

«Щит и Меч». Зная нашу национальную склонность от всех обороняться и всех лупить, я приблизительно представляла, что это за ведомство.

У входа в убогое здание всё время стояли молодые парни с широко расставленными ногами и с чем-то наперевес. На лице у них была чёрная маска с прорезями для рта и глаз.

Кажется, известная как балаклава.

«...Хорошо, утратив речь, взять ружьё, чтоб гроб стеречь...».

Ну, да бог с ними. Может они больше ничего не умеют.

Территорию вокруг убирал мой дворник Сенечка. Безобидный юноша и безотказный.

И вот однажды Сенечка вбежал ко мне с расширенными от испуга глазами.

Он жаловался, что вблизи офиса «Щит и Меч» к нему подошёл странный тип и ни с того, ни с сего ударил его, когда бедный юноша убирал мусор. Мы помчались на разборку.

Подоконник был ещё там и сидел в своём мерседесе.

Разъярённая, я рванула дверь авто и потребовала объяснений.

– Я те щас объясню, – на меня уставились бешеные глаза со странным блеском.

Они принадлежали тщедушному парню лет двадцати пяти с землистым цветом лица и угрюмым выражением.

– Знаешь, с кем связываешься? – и он ткнул мне красную ксиву, недвусмысленно обозначив свою принадлежность к вышеупомянутой конторе.

И меня понесло, как быка на красную тряпку.

Я пригрозила оглаской перед его начальством, – он обещал выйти из машины и тАААкое со мной сделать.

Я пригрозила криком собрать всю улицу, – он ещё раз огрызнулся.

Я побежала в хвост машины, чтобы записать её номера.

В этот момент дверь авто с шумом захлопнулась, и белый мерседес сиганул с бешеной скоростью по Нижнему Кисловскому переулку. И был таков.

Тут до меня дошло: мчащийся сейчас по улицам Москвы подонок – обкуренный наркоман.

Номер машины был передан участковому.

Через несколько дней он сказал: «Не лезьте, оставьте. Это ФСБ-эшный номер».

Всю сцену Сенечка наблюдал в стороне, смертельно напуганный.

Он проработал у нас недолго. Жил в предоставленной ему служебной комнате с двумя девицами, его подругами. Получал грошовую зарплату и, чтобы выжить, покупал на все деньги хлеб и сушил сухари. На них троица и жила до следующей зарплаты. Молодые, одинокие, никому не нужные.

Сенечка ушёл в шоу бизнес, приглянувшись какому-то в то время известному продюсеру.

Продюсер организовывал группу под названием, кажется, «Манхеттен».

Что уж там Сенечка делал, могу только догадываться.

Когда-нибудь вспомнят и напишут об этом потерянном поколении девяностых.

Возможно, появятся свои «Травиата» и «Богема», свои романы о загубленной молодости и о космическом одиночестве отверженных в большом городе.

Протокол

Власть – это тебе не хухры-мухры.

В каких академических вузах на лекциях научат поднимать бровь в нужный момент, устремлять испепеляющий взгляд на свою жертву, небрежно усмехнуться на взволновавшее тебя известие, будто тебе наплевать, да и вообще осуществлять свой план так, чтобы никто не догадался, пока он неожиданно для всех не реализуется.

И здесь интеллигентные папа с мамой могут только помешать, навешивая на тебя вместе с крахмальными воротничками массу рефлексий.

Да ещё к ним впридачу всяких Блоков, Ахматовых, походов в шахматные и художественные кружки, театры и литературные вечера.

Всё это, наконец, так замутит твоё животное начало, что ты уже не отличишь, что тебе действительно нравится, а что тебя заставляют «нравиться».

Короче, в итоге ты, конечно, Пушкина любишь, но не читаешь.

С классической музыкой то же самое – любишь, но слушаешь дешёвый шансон, где хриплым голосом Вася, разрывая на голой груди тельняшку, безыскусно исповедует тебе своё разбитое сердце.

Для Власти лучше в первой жизни быть НИКЕМ и чтоб

звали тебя НИКАК, то есть незащищённым и незамутнённым воспитанием.

Вот тогда оттуда, с самого низу, и чем раньше, тем лучше, можно разглядеть, из чего сделано человеческое существо, и научиться им управлять.

Путь опасный, и выдерживают единицы.

Ещё Власть должна быть загадочной и непредсказуемой. Вот отдубасили тебя сегодня, и ты уполз зализывать раны, а завтра даже незначительный кивок покажется долгожданным прощением, и ты опять ползёшь к монаршей руке и с удвоенной рьяностью спешишь вернуть расположение.

Так в состоянии маятника держать отлупленных не очень просто. Нужна особая сметка, чтобы не перегнуть. Поэтому Власть иногда должна как бы расслабляться и расстёгивать верхнюю пуговицу рубашки – смотрите, ребята, я такая же, как вы. А если чо было – ну так все мы люди.

Ещё Власть должна быть щедрой. Ну, потому как скупые люди вообще противны и любить их сложно, и Власть это знает. А Власть надо любить, ну хотя бы чуть-чуть. Иначе твоя фальшь рано или поздно вылезет наружу. И Власти это не понравится.

Власть должна быть упрямой и не давать себя смущать. Вот, например, слушает она, слушает твои разглагольствования о рядах Фурье или трёхмерных интегралах. А на фиг они ей нужны. Здесь главное не пойти у тебя на поводу.

– Вот что. Вы там перестаньте мне фурыкать, мне это не

надо. А лучше возьмите краску и покрасьте контейнер. Он у вас совсем заржавел.

И наконец, Власть должна быть артистична. Так, чтобы дух захватывало от её лицедейства.

Здесь очень важно не лениться, потому что спектакль надо проводить каждый день и менять репертуар, не закисать.

И вот стоит она, Власть, простая русская баба, чем только не битая.

Но как стоит!

Ты хоть всего Шекспира вылижи, а так не встанешь.

Короче говоря, когда простая русская баба Танька Лосинова соскучилась по новому спектаклю, она решила устроить его прямо в своём рабочем кабинете. По сценарию ведомствам и другим домам не на балансе ГРЭП'а надо было разъяснить, что бывает, когда на голову падает сосулька, и предложить им организовать самостоятельную очистку крыш от нашей вечной напасти.

И вот к назначенному часу в контору, где не соскучишься – «...иль это только снится мне...», – на Брюсов переулок потянулось почтенное общество.

В светлейший кабинет, где простая русская баба Танька Лосинова сосредоточенно что-то писала, не поднимая головы, гуськом вошли будущие статисты.

Пришёл председатель Союза журналистов, с виду неприятный мужичок с лицом «чего изволите?», Попов.

Пришла председатель ТСЖ богатого дома с Калашного.

Всегда готовая к борьбе мадам с поджатыми губами, такая же ухоженная как её дом и закалённая в битвах Товарищества – палец в рот не клади.

Пришла рассыпающаяся старушка-общественница, возраст которой вызывал опасение, переживёт ли она заседание. Из тех старушек, которым всё надо знать.

Пришёл корректный голландский дипломат, двухметровый Ван Брюгге, или как его там. Прямой как жердь.

Пришли еще другие сошки помельче.

Все расселись в почтительном молчании.

Высокий, поджарый голландский дипломат Ван Брюгге, или как его там, скромно притулился на краешке дальнего стула. Весь он превратился в слух. Его небесные голландские глаза светились ответственностью.

Слушать, правда, было нечего. Простая русская баба Танька Лосинова продолжала сосредоточенно писать при полной тишине. Длилось это очень долго, и те, кто посмел переступить порог кабинета в легкомысленном настроении, успели давно с ним расстаться, перейдя в напряжённое состояние ожидания.

Наконец в трактате о бункеровозах поставлена точка. Авторучка отложена, и усталые карие глаза зорко вперились в притихшее общество, как бы впервые его увидев.

И как у домовитой хозяйки, заглядывающей в духовку, чтобы проверить готовность пирога, – достаточно ли поднялся и подрубился, – оценивается состояние присутствующи-

щих.

Вот, кажется, этот, председатель Союза журналистов. Что-то во взгляде настораживает. Ну да ничего, быстро обломаем.

Пирог готов, господа! Заседание Совета Безопасности ООН началось.

Председатель СЖ с лицом «чего изволите?» Попов, мадам с поджатыми губами, рассыпающаяся старушка-общественница, двухметровый дипломат Ван Брюгге, или как его там, и другие сошки помельче как опытные спринтеры на старте перед выстрелом выгнули спины и подались вперед к сиятельному креслу во главе стола.

Мне уготована была скромная роль протоколиста. Узнала я об этом прямо на заседании, потому что простая русская баба Танька Лосинова очень любила экспромты. Как-никак, натура артистичная.

Ужасу моему не было предела. На глазах высокого собрания я обнаружила полное незнание, что это такое. Сердобольные участники действия помогли, а у Косиновой на лице не дрогнул ни один мускул.

После короткого вступления обществу разъяснили, как опасно, когда сверху падают сосульки. Особенно неприятно, если она упадет остриём на самое темечко прохожего. Может быть и смертельный исход. Конечно, жизнь каждого человека бесценна, даже если это бомж из злачной тусовки с Арбата. Но представьте себе, если жертвой окажется какой-ни-

будь дипломат. Взгляд в сторону Ван Брюгге, или как его там. Ведь это может изменить весь ход мировой истории.

Двухметровая жердь вздрогнула и начала лихорадочно что-то записывать в свой голландский блокнотик. Ему и в голову не могла прийти такая причинно-следственная связь.

А вот простая русская баба Танька Лосинова её проследила. Даже не читая «Кандида».

Председатель СЖ с лицом «чего изволите?» Попов, мадам с поджатыми губами, рассыпающаяся старушка-общественница, двухметровый дипломат Ван Брюгге, или как его там, и другие сошки помельче застыли в ожидании спасительных советов.

И они не заставили себя ждать.

Чтобы избежать удара судьбы, надо к нему подготовиться – своевременно очистить крышу.

Какими силами? А нашими, грэповскими, если сами не можете. Разумеется, это не бесплатно.

И тут началось.

Недаром простой русской бабе Таньке Лосиновой не понравился этот журналист. Именно он начал бузить первым и сказал, что сосульки на его здании ему совсем не мешают. И вообще у него нет времени. Нельзя ли побыстрее изложить суть оставшихся вопросов.

Тут, будто очнувшись от спячки, зашумели все. А голландский дипломат Ван Брюгге, или как его там, поняв, что дело упирается в деньги, сразу полез за кошельком.

Но не такая простая русская баба Танька Лосинова.

Пришлось объяснить иностранцу, спокойно и с достоинством, что в России денег из рук в руки не берут, а платят по закону безналом через кассу. Дипломат опять понимающе закивал.

Мадам с поджатыми губами сидела молча. В бурных склоках своего Товарищества она научилась предвидеть, чем всё начинается, как продолжается и чем закончится. Мадам явно скучала.

А журналист всё не унимался. Въедливый оказался, хоть и с таким лицом.

А рассыпающаяся старушка была счастлива. Вокруг спорили, возмущались, возражали друг другу, наступали и отступали, аргументировали, разбивали аргументацию контраргументами, что-то требовали и всё записывали, записывали...

Она только успевала поворачивать голову из стороны в сторону, откуда слышался звук.

Жизнь вокруг опять кипела, возвращая её к славным общественным делам боевой комсомольской молодости.

Потом, когда страсти немного поутихли и каждый решил для себя, самому ли лезть за сосульками, или нанимать грэповских слесарей, наступил последний аккорд содержательной речи.

Оказывается, сосульки – это верхняя часть айсберга, а за ними съезжают с крыши мощные наледы.

Непосвящённые не смогут правильно очистить крышу, поэтому настоятельно рекомендуется обратиться к помощи специалистов – нашим слесарям Васе и Пете, а не устраивать отсебятину.

Двухметровый дипломат Ван Брюгге, или как его там, последнее слово не понял и нервно дёрнулся. Забыв в пылу спора о его готовности всё оплатить, простая русская баба Танька Лосинова восприняла это как легкомысленное небрежение.

Недоразумение послужило поводом для пространного описания метеорологических особенностей России.

– Это вам не какая-нибудь Голландия. Это – Россия! – гордо прозвучало в завершение лекции.

Ван Брюгге, или как его там, с готовностью закивал в ответ, не понимая, что его вместе с его Голландией только что ткнули в помойку. Бедный, бедный Ван Брюгге, или как его там.

И вот сидит перед председателем СЖ с лицом «чего изволите?» Поповым, перед мадам с поджатыми губами, рассыпающейся старушкой-общественницей, двухметровым дипломатом Ван Брюгге, или как его там, и перед другими сошками помельче простая русская баба Танька Лосинова, чем только не битая.

Ай да Танька! Ай да молодец! Чем не Шекспир?

В конце спектакля председатель СЖ с лицом «чего изволите?» Попов, мадам с поджатыми губами, рассыпающа-

яся старушка-общественница, двухметровый дипломат Ван Брюгге, или как его там, и другие сошки помельче расходились молча.

Они мучительно размышляли, – кто кого оставил в дураках?

Зато мои потуги принесли результат – впервые в жизни я написала протокол.

ГРЭП баттл

Наша начальница была как ядрёная закваска. Вокруг неё крутились все, подчиняясь совершенно бешеному темпераменту. Она правила бал как заправский режиссёр, заставляя людей то взметаться ввысь, то уходить в затяжной штопор.

Особенно удавались обильные застолья по любому поводу.

Поздними вечерами, промёрзнув в зимнюю стужу в пробежках по участку, я заскакивала на гостеприимный огонёк в администрацию ГРЭП'а на Дрюсовом (название изменено).

Пили все и мне наливали. Было тепло и уютно.

Справляли и дни рождения, и Новый Год, и другие праздники. Во главе стола восседала начальница и дирижировала ходом трапезы. Как ни странно, хотя и наблюдался некоторый диктат, это сплачивало. У неё был размах своевольной, решительной бандерши с зычным, хрипловатым голосом.

И вот однажды, не уразумев сценарий, в припадке полупьяной влюблённости во всех, я начала читать стих Бродского.

*Ты забыла деревню, затерянную в болотах
залесённой губернии, где чучел на огородах
отродясь не держат – не те там злаки,
и дорогой тоже всё гати да буераки.*

Среди слушателей большинство родом из деревень, поэтому рассчитывала на понимание, но не учла, что главный режиссёр и актёр – не я. После наступившей тишины в бой пошла наша тяжёлая артиллерия.

Артиллерия тоже читает стихи, тоже проникновенно и возвышенно, ничуть не хуже своих подчинённых. Стихи длинные, про войну, стихи Исаковского, слышали такого?

Стук ножей и вилок почтительно прекратился.

В благоговейной тишине зазвучал главный голос.

Он разливался полнотою вод Инда и Ганга, поднимал нас к вершинам Гималаев, звенел сокровенными признаниями, развержая перед притихшими слушателями экзистенциальные пропасти.

Словом, главный режиссёр творила чудеса. Однако в содержательной части были свои особенности.

Речь шла о молодом бойце, залёгшем с пулеметом в окопе.

Он лупил по фрицам и почему-то при этом переговари-

вался со своей мамой. А мамины глаза, лучась сквозь боевой дым, вдохновляли его на подвиг проникновенным голосом. Он что-то спрашивал и обещал в крике, а они ему отвечали опять же проникновенно. В дыму и грохоте носились сверкающие мамины глаза по полю боя для устрашения фрицев, – видимо, заместо боевого знамени поднимая сына в атаку.

И такая на поле боя пошла у них пьянка, что народ в почтительном молчании затаил дыхание, забыв о закусках и выпивке напрочь. Да и опасно в этот момент было шевелиться. А фрицы, разумеется, падали, как грибы в лукошко после дождя.

Мать и сын перекликались сквозь пороховой дым и пулеметную очередь ещё долго, пока её образ не начал теснить по задумке поэта другой персонаж – Родина. Так они втроем в боевом экстазе и витали над нашими тарелками с сочной ветчиной, домашним салом, свежими и солёными огурчиками и многим чего ещё. Застолья всегда были обильными.

Всё бы ничего, если бы не проникновенный голос главного режиссёра, не хуже, чем у той мамы, декламировавшей эту белиберду с таким неистовым откровением, что я начала сползать под стол.

Оказывается, смех – страшная вещь. Как в «Имени розы» он может убить, разрушить, уничтожить.

Я приближалась к катастрофе, сжав зубы и боясь оторвать от тарелки взгляд. В последний момент Исаковский вместе с нашим боевым режиссёром оставил мамины глаза и бойца

в покое,— и я смогла глубоко и с облегчением вздохнуть.

На той стороне фрицы тоже, наверное, поминали свою маму, на своём языке и со своим Исаковским. Но, слава Богу, до них мы не добрались. Может, у них такой мамы и не было. Не знаю.

Кавалерийская атака на куст белых роз состоялась.

И грустная лирика Бродского в нежно-серых акварельных красках, полная горечи разлуки и глубокого социального подтекста отступила под натиском пулемётной очереди неповторимого шедевра Исаковского.

В наивной и неистовой жажде культуры, недоданной простой женщине, было столько непаханных страниц . Трудно представить, какие вершины ей покорились бы, родись она в другой среде.

Два человека по настоящему любили её – одинокая дворничиха— мать, державшая дочь в строгости, и детдомовская сирота Тамара.

– Танька, – кричала взрослой дочери мать – Ах ты, такая-разэтакая, едри твою душу.

И Танька послушно выполняла все её приказы,— грозная Танька любила и боялась мать.

Тамара часто приходила к ней, чтобы просто посидеть рядом и согреться от ласкового слова.

Мать умерла. Умерла и Тамара, не дожив и до пятидесяти, ибо детство у неё было голодным. Сердце не выдержало.

Это были единственные люди, которым ничего от неё не

нужно было, кроме любви.

Сухостой большой ценой

«...ни науки, ни Бердяев, ни журнал «За рубежом» не спасут от негодяев, пьющих нехотя боржом...»

Мэр Рожков едет по московским улицам, развалившись в «мерсе», видит сухостой. Наполнившись вельможным гневом, отдает приказ своим поджопникам срочно его срубить.

Поджопники в рьяном раже отдают устно приказ главам Управ, а те – начальникам ГРЭПов, тоже устно.

Начальники ГРЭПов на собрании дворников отдают устно приказ техникам-смотрителям.

Техники-смотрители должны организовать работу по рубке деревьев-сухостоев – мол, ребята, полезайте на деревья и пилите их, – т. е. взять на себя ответственность за жизнь людей, абсолютно необученных этому непростому делу.

ЗдОрово, правда?

Кто, если что, в тюрьму сядет? – Правильно. Бесправный техник-смотритель. Ведь никаких письменных распоряжений, всё устно.

А вызвать специальную бригаду? Но на это ведь деньги надо выделить, а так просто – дешёвый рабский труд зависимых людей.

На собрании дворников, набросав сценарий возможной трагедии, я стала катализатором глухого недовольства зала.

Когда же грозные рыки Змея-Горыныча со сцены не утихомирили покорных,

наступил неожиданный для всех момент истины.

Бравый кавалерист в юбке, никому не привыкшая подчиняться Лосинова вдруг осеклась. Зал униженных и отверженных притих тоже. И все услышали в напряжённой тишине невольно вырвавшееся растерянное признание: «А что мне делать? Мне самой в Управе приказали».

С собрания меня выгнали с позором, и правая рука начальницы Танька Мусина возглавила с ретивостью опасное мероприятие.

Эй вы, уроды, там наверху. Да когда же до вас, едри вашу мать, дойдет, что между вашими высочайшими приказами и их исполнением стоят живые люди?

Вот и полез дворник на дерево, не удержался, ветка под ним хрустнула, и он полетел вниз с приличной высоты. Пролетел на расстоянии десяти сантиметров от острия невысокой железной ограды палисадника. Переломал себе кисти рук, бедро, но чудом остался жив.

На следующее утро мой стол обступили мои отверженные и в глазах у них светился пережитой испуг. Как дети, просящие материнской защиты. Они и принесли мне это известие.

А Танька Мусина не сказала ни слова, будто ничего и не было.

Скандал замяли и парня тихо уволили после его излечения.

Придет время, и Сашины кисти и бедро начнут ныть в непогоду. А Рожков в Австрии будет удить рыбу в своём поместье.

В преддверии зимы наш плотник умница Тонаканян предупредил меня, что Саша – эпилептик. Тонаканян однажды схватил его в момент приступа на самом краю крыши. Сашу нельзя посылать на высоту. Приближалось время очистки крыш, а никто из администрации ГРЭП'а мне об этом не сказал.

И так повсюду – сплошная расхлябанность, беззаконие и, вообще, говно.

Возьмите Черта домой

На Грановского, ныне Романов переулочок, стоит старый особняк Шереметьевых. В девяностых там размещалась какая-то геологическая контора, в которой работали очень симпатичные интеллигентные геологи. Внутри особняка всё давно разворовано, но величие лепнины, широких лестниц, высоких сводов еще напоминает о былой красоте и богатстве. В просторном кабинете начальника конторы деревянный потолок изумлял мощностью и изяществом своих перекрытий, а в комнате секретарши навсегда остывший мраморный камин завораживал сценами битв римских гладиаторов. До потолка добраться не смогли, а вот мраморные плиты камина впоследствии были также кем-то украдены – они рас-

полагались пониже, как— никак.

Парадная дверь особняка выходила в уютный сиреневый двор-сад. В июне он расцветал душистыми гроздьями, и мои дворники, убиравшие сад, иногда позволяли мне сорвать одну-две ветки сиреневого душистого счастья.

И вот в этом-то дворе заправлял всем злой и хитрый пёс по имени Чёрт, своевольный и очень умный. Он рычал на проходивших мимо, а если был в особо плохом настроении, мог и укусить. Особенно не любил почему-то наших слесарей, которым приходилось спускаться для ремонтных работ в подвал пристройки особняка.

Еще там жила со своим выводком старая сука Чуня. Она была не такая злая, но вместе со своим дружкой Чёртом тоже чувствовала себя хозяйкой двора и могла присоединиться к его лаю для устрашения чужаков.

Словом, собачье царство. А интеллигентные геологи их подкармливали и считали как бы неотъемлемой частью дворянской усадьбы. За что псы снисходительно терпели геологов.

И когда Чёрт, находясь однажды в особо зловредном расположении духа, изрядно покусал слесарей, мне пришлось вызвать бригаду по усыплению собак.

Уж не знаю как, но Чёрт каким-то неведомым путем учуял опасность ещё до приезда бригады и исчез в длинных коридорах пристройки с утра на весь день. Сколько его ни звали, ни выманивали, он, обычно не покидавший своих дворовых

владений, затаился, – и ни звука.

А вот Чуня оказалась простодушной, и за ней началась погоня по всему двору вызванной бригадой. Поднялся шум, крик загонщиков, и обезумевшая Чуня бросилась наверх на чердак пристройки к своему выводку, откуда ее не так просто было достать.

А Чёрт как в воду канул.

На поимку Чуни пошёл начальник бригады, весьма интеллигентный молодой человек в очках, – чем только не приходилось заниматься интеллигентам в лихие девяностые, – и на некоторое время он скрылся в подьезде пристройки.

На шум и крик выскочили мужчины-геологи, и тут началось!

Узнав, что пошли усыплять Чуню, они набросились на нас, извергов.

За короткий период, пока на чердаке гонялись за Чуней, мы узнали о себе много интересного.

Мы, работники ГРЭП'а, известные негодяи, чего от нас ждать. Люди грубые, бездушные, поголовные взяточники, бездельники, неизвестно, какая от нас польза, сплошная серость и бескультурие. Откуда нам понять преданную собачью душу, да нам вообще никто из животных не нужен. А ведь Чуню любит и кормит вся геологическая братия. Что она вам плохого сделала?

Хор негодования шел по нарастающей, и к первым негодующим присоединялись их коллеги, коих становилось из-

рядное число.

Посыпались предложения спасти Чуню от этих варваров. Было решено взять ее к одному из геологов на дачу. Идея получила горячее одобрение, и от меня в категорической форме потребовали прекратить убийство пока не поздно.

Я ничего не имела против Чуниной дачной жизни и уже ринулась к подъезду.

Как оказалось, было, действительно, совсем не поздно, потому что выскочивший с чердака начальник бригады с ужасом сообщил: без спецсредств к Чуне подойти невозможно, т.к. она вся покрыта чесоткой и очень-очень заразна.

Известие оказалось неожиданностью для защитников Чуни и погрузило благородное общество в полную нищету. После непродолжительной паузы возмущенные возгласы возобновились, но уже вразнобой и больше по инерции. Их громкость и частота резко пошли на убыль.

Как-то само собой толпа стала постепенно редеть, и каждый покидающий ее почёл своим долгом пробормотать что-то о негуманности человечества, но уже не таким возмущенным голосом и совсем не так адресно как ранее.

О Чуне уже никто не вспоминал, а разговора о даче как бы и вовсе не было.

Когда все сострадательные стеснительно растворились за тяжёлыми дверями особняка, наша грязная работа продолжилась, и бедная душа Чуни с помощью инъекции отошла в мир иной.

А хитрый Чёрт остался жить, но с этих пор присмирел.

Туляевы

Супруги Туляевы были очень любопытной парой.

Они приехали в Москву из Керчи, потому что надо было поддержать дочь, поступившую сначала в Мерзляковское училище, а потом и в Консерваторию по классу скрипки.

В Керчи Юля выиграла огромный конкурс в московское училище, а денег не было.

Вот родители и взялись за лопату и метлу.

В прошлом Рудольф Аркадьевич был первым электромехаником международного судна, а Галина Николаевна – преподавателем математики.

Энергичная Галина первое время по ночам продавала хлеб на вокзалах.

Муж взял фамилию жены. Я никогда не спрашивала, почему. Но однажды, забыв у меня на столе медицинскую справку дочери, она вернулась и незаметно её забрала.

Если бы не этот осторожный жест, я бы никогда не узнала фамилии её мужа – Клейман.

Откуда мне было знать, чья справка забыта на моём столе – народу всегда приходило много.

То ли еврейская, то ли немецкая текла кровь в его жилах.

У нас по известным причинам лучше не иметь таких фамилий.

С фотографии, где Рудольф молодой, смотрит удивительно симпатичное лицо с пронизательным взглядом, высоким лбом и толстыми чувственными губами. Такие лица в моё время ещё встречались где-нибудь на математических или других естественных факультетах. Однажды он спокойно наметил решение в шутку брошенной мною задачи. Я спросила Галину, где она нашла такого умницу.

И Галя в свойственной ей непосредственной манере ответила: «Ой, да о чём вы говорите? Видели бы, какие за мной ухаживали! У меня ещё лучше был. Знаете, что его ни спрошу, тут же расщёлкивает. Но как-то не сложилось. Я была такая весёлая».

Тараторила она всегда безумолку.

Насчёт веселья не очень верилось, но зато живой, непоседливой, суетливой и болтливой, хотя и беззлобной – это точно.

Они оба были работягами. За что бы Рудольф ни брался, всё у него получалось. В нём всё время пульсировала творческая жилка. Очень быстро его пристанище обросло отреставрированной мебелью, столами, кроватями и прочими нужными в хозяйстве предметами. Найдя на помойке сломанный электродвигатель, он его починил и приспособил для электропилы.

Через некоторое время Рудольф с Галиной купили фотоаппарат поляроид, потом видеокамеру и устроили моей семье видеосессию. Теперь эти бесценные и единственные ви-

деовоспоминания хранятся у меня дома. Всё это они приобрели, подрабатывая дополнительно в свободное от основной работы время.

Всегда безотказные, готовые прийти на помощь, они чрезвычайно помогали мне. Я это ценила, начальство – нет. Кажалось, делалось всё, чтобы подавить творческую самостоятельность моих помощников. Из какой-то глупой бабьей зависти, что ли.

Обнаружив неубранный снег на участке Рудольфа, что для него было редкостью, начальница устроило и ему, и мне скандал, нарочито не поверив, что человек лежал с температурой в сорок градусов. Пришлось Галине и Рудольфу, находившемуся в лихорадочном состоянии, отправиться в поликлинику, чтобы сунуть начальнице в нос заключение врача.

Неубранный участок пьяницы Ткачук почему-то не вызвал подобных скандалов. Возможно по причине её родственных связей с начальником милиции.

Ни с того, ни с сего на собрании высмеяли Рудольфа за то, что он помог прикатить мне бочку краски для контейнеров. Хотя это дало возможность моим дворникам вовремя привести их в порядок. А через день проезжавшая с инспекцией комиссия из ДЕЗ'а выставила акты за непокрашенные контейнера всем, кроме нас. Неполадки на других участках начальство молча проглотило, как бы не заметив.

Вообще, иногда казалась, что хорошо выполненная работа – не основной принцип построения вертикали власти в

жилищно– коммунальном хозяйстве. Иначе там давно наступил бы порядок.

Чаще реализовывался другой принцип – не дай бог проявить инициативу, бОльшую, чем разрешает начальство, ибо надо оставлять такую прореху, чтобы было, за что ругать. А иначе, какой же ты начальник?

Точно как у Бориса Слуцкого:

Никоторого самотёка!

Начинается суматоха.

В этом хаосе есть закон.

Есть порядок в этом борделе.

*В самом деле, на самом деле
он действительно нам знаком.*

*Паникуется, как положено,
разворачивают, как велят,
обижают, но по-хорошему,
потому что потом – простят.*

*И не озарённость наивная,
не догадки о том о сём,
а договорённость взаимная
всех со всеми,
всех обо всём.*

А Юлия действительно была талантлива. Из-за сложностей в коммунальном муравейнике Юля иногда приходила готовиться к музыкальному уроку ко мне домой. Нам бы-

ла только радость. В отдельной комнате девочка забывалась так, что вздрагивала, если кто-нибудь её потревожит. Ей очень нравился скрипач Яша Хейфец. И я ей подарила пластинку из моей фонотеки с записью его игры.

К милостям неуравновешенных и коварных начальников надо относиться очень осторожно.

Не обольщаться их расположением.

Как-то дворники откликнулись на предложение начальницы продемонстрировать таланты своих детей на импровизированном концерте.

И мы услышали игру на скрипке Юлии и искромётное выступление красивого сына Рафиги.

«Вот они, униженные и отверженные, – так думалось, когда мы слушали игру Юлии и талантливые пародии сына измученной уборщицы Рафиги, – молодые и счастливее многих».

Но вернёмся к Туляевым.

Однажды суетность и заполошенность Галины Николаевны чуть не подвела меня к тюрьме.

Моя бригада встала в круговую охрану у подъездов дома 5 на Романовом переулке для очистки крыши от сосулек и наледи. Галина была поставлена сторожить в арке этого дома, чтобы, не дай бог, никто не проскочил. Над аркой как раз шла очистка, и огромные глыбы льда грохались вниз у выхода, разрываясь как бомбы. Я стояла за углом от арки и не могла этот выход видеть.

Но была спокойна потому, что проход неширок и там на страже – Галина.

Мы спокойно о чём-то беседовали с Рудольфом, и, одновременно, в поле моего зрения был весь внутренний двор дома, где стояли у подъездов дворники. В общем, ни одна муха не влетит, не вылетит.

Сброс продолжался по плану, а мы не торопясь, вели беседу о том, о сём, и внимательно оглядывали двор, совсем не беспокоясь за арку. Так продолжалось довольно долго, как вдруг!

Сколько пронеслось с тех пор лет, а я никогда не забуду этого неожиданно охватившего меня волнения.

Откуда оно появилось? Почему ни секундой раньше, ни секундой позже?

Ведь ничего не предвещало несчастья. То же безмятежное небо, те же деревья, знакомый двор, и люди стоят спокойно, и сброс идёт по плану. Но в сердце поднялась необъяснимая тревога. Я прервала на полуслове беседу и пулей выскочила за угол. Скорее, скорее к выходу арки.

А там, у самого выхода из тёмного прохода, уже почти выйдя из полутьмы на свет, шёл мужчина тридцати пяти лет. Он только -только занёс ногу для следующего шага к роковой полосе, отделявшей свет от полутьмы, куда сверху в этот самый момент летела с семиэтажной высоты старинного дома сброшенная огромная ледяная глыба. Она должна была упасть точно ему на голову, когда как раз нога опустится на

землю.

И никакой Галины Николаевны.

Всё это я сообразила уже потом. А тогда утробный, звериный рёв, сокрушающий все окна, стены, подъезды, весь мир внутри двора потряс жителей дома. Я никогда ни до, ни после не кричала так неистово, надрывая все свои внутренности от ужаса и отчаяния, сама ещё не сообразив всё до конца.

Этот крик мужчину спас. Он отпрянул, и тут же ледяная бомба грохнула на то место, куда через долю секунды он должен был ступить. Лицо его медленно стало покрываться смертельной бледностью.

Страшно представить себе, если бы реализовался худший сценарий. Ему – смерть, а мне – долгая тюрьма.

Замерли все – и те, кто стоял внизу, и те, кто был на крыше.

Здесь то и выскочила наша голубица. Оказывается, она, прижав к одной стене арки нерадивого прохожего, читала лекцию об опасности легкомысленного отношения непослушных вроде него к процессу сброса. Нельзя игнорировать предупреждения от охраняющего, ибо можно угодить под сосульку и т.д., и т.п. И пока Галина верещала ему эти истины, повернувшись спиной к другой стене арки, а следовательно, потеряв её обзор, прямёхонько под самой аркой и пошёл навстречу своей смерти ничего не подозревающий второй прохожий.

Обрушенный на Галину крик уже был моей нервной раз-

рядкой.

В тот день я прошла в сантиметре от великого несчастья и до сих пор не знаю, кто меня от него отвёл, поселив в моём сердце тревогу ни секундой раньше, ни секундой позже.

Любопытна реакция прохожих на предупреждения при сбросах с крыш. Соотечественники нас крыли матом, плевались, требовали немедленно открыть проход и вели себя в лучшем случае отстранённо.

Одна сумасшедшая старуха вообще с ворчаньем махнула на нас рукой и ступила прямо под ледяной обстрел. Чудом уцелела.

Когда же на ограничительную ленту наткнулись два зазевавшихся японца, которых мы попросили обогнуть место сброса, их благодарности не было предела, и они стояли и кланялись, и кланялись нам.

А на Калашном при сбросе смерть подстерегала уже меня.

Существует, как потом открылось в печальном опыте, порог величины отношения высоты очищаемого дома к ширине улицы. На Калашном он был недопустимо высок. Поэтому сброс был похож на расстрел стоящих внизу. Глыбы били по противоположной стороне и отлетали прямо в нас, а деться было некуда. Ну как детская игра в лапту с одной стенкой вместо игрока. Здесь нужна была предельная сосредоточенность.

Поздним вечером уже в сумерках, когда трафик по перелуку приходилось периодически останавливать, мы слушали

массу оскорблений из машин от нетерпеливых водителей.

Один из них, потрясая красным мандатом депутата Госдумы, пообещал стереть нас в порошок, если его немедленно не пропустят.

Тут-то я и обернулась сказать ему пару слов и послать, куда надо с его ксивой.

А зря. На три секунды ослабив внимание, не заметила, как приличная глыба льда пролетела в тридцати сантиметрах от моего лица и ударилась в стену противоположной стороны, где я стояла. Теперь смерть прошла в сантиметрах от меня.

В критическую погоду – резкое потепление, и как следствие повсеместное падение наледи на пешеходную зону – бригада разбивалась на группы, периодически сменявшие друг друга в охране. Не могла на передышку уйти только я.

А так как домов на участке было много, то иной раз очистка крыш занимала по двенадцать часов бесперебойной работы. Не успеешь вовремя – жди несчастного случая.

Однажды, начав в восемь утра, я закончила в восемь вечера. Еле держась на ногах, отправилась напоследок к своему дворнику, чтобы наметить на следующий день план очистки крыш оставшихся домов.

Меня мучила невыносимая жажда. Мне вынесли литр тёплого сладкого сока облепихи.

В голове пронеслась мысль, что ёмкость слишком велика – не выпью всё, и придётся драгоценный сок выливать. Но губы уже тянулись к кружке и жадно глотали, не отрываясь.

В этот момент моё существо разделилось на две половины – одна неистово пила, а вторая, как бы отделившись от первой, приходила во всё большее изумление от количества беспрерывно поглощаемой живительной влаги. Я уже не могла остановиться. И вместе с соком по всем жилам стала растекаться живительная сила.

Смешно вспоминать, но впечатление было таким сильным, что каждый раз, встречая дворника, протянувшего мне литровую кружку с облепиховым чудом, я постоянно ему напоминала о ней и благодарила. Наконец он начал смотреть на меня с некоторой растерянностью.

Вот так мы уставали в горячие зимние дни.

Господи! Пора остановиться. Перечню этих кошмаров несть числа.

Про Начальников и людей

Женщин от управления надо отстранять в законодательном порядке. И пускай это называют дискриминацией или как там кому нравится.

В силу каких-то свойств своей природы женщина очень быстро на начальственной должности обрастает любимчиками, фаворитами, лизоблюдами и теряет объективность при решении любого производственного вопроса.

Не так на нее посмотрят, не сразу захохочут над ее шуткой, резко возразят по делу, а корректное желание иных

подчиненных придерживаться субординации воспринимается как пренебрежение

к начальственному расположению. У некоторых таких дам интересы дела отходят на второй план по сравнению с личными симпатиями и антипатиями.

Я часто сталкивалась с такими ситуациями, и меня это немало удивляло, а то и повергало в шок.

Ну вот, к примеру. Надо было срочно решить какой-то деловой вопрос, без которого работа могла остановиться. В нашей работе часто были такие авральные моменты.

Я постучала в дверь начальницы ГРЭП'а и услышала: «Войдите».

Начальница сидела за столом, и вокруг нее сгрудились сотрудники. Все бурно обсуждали свадебные фотографии ее племянницы. Начальница только недавно вернулась из родного Ефремова, где жила вся ее родня.

Не успела изложить суть вопроса, как на меня посыпались упреки – я нарушила уютную атмосферу теплой компании.

Как не вовремя лезете со своими (!) проблемами. Что, не понимаете, что мы заняты?!

Тут же к ней присоединился возмущенный хор, повторив упреки слово в слово и точь-

в-точь с теми же интонациями. Они опять уткнулись в фотографии, забыв обо мне.

Мне оставалось только тихо ретироваться.

А вот другой пример. На моем участке работала дворни-

ком некая Ткачук, пьяница. Работала плохо, зачастую не выполняя самых элементарных обязанностей. Иной раз вообще не выйдет на уборку. Сколько я ни уговаривала, ни увещевала, ни грозила последствиями – реакции ноль.

Конечно, при грошовой зарплате наказание рублем я никогда не применяла. Хорошо знала, как высшее начальство грабило простых работяг, и предпочитала их основной зарплаток не трогать при начислении нарядов. А с чего вычитать? Не с чего при таких грошах.

Однако на Ткачук в сердцах иногда жаловалась инженеру по благоустройству Дусиной, сидевшей со мной в комнате техников. Дусина была в фаворе у начальницы и, поговаривали, ее доносицей.

Дусина и предложила мне как-то без привязки к конкретному факту: «А давай мы ее лишим зарплаты».

Во как! Значит, человек весь месяц будет голодать. Что это – произвол, ей в голову не приходило. И для нее, и для многих других ГРЭП'овских начальников такое было обычной практикой. Пройдётся Дусина перед тринадцатой зарплатой по территории, найдет где-то оброненный фантик или выброшенный в контейнер местными ремонтниками строительный мусор – и дворник лишен премии, а то и части зарплаты.

Строительный мусор превращал контейнер для бытовых отходов в неподъёмный. Это была наша головная боль. Уследить за эпидемией ремонтов в квартирах Центрального

округа в девяностых было практически невозможно.

Значит, голодать дворнику с детьми целый месяц, а отнятые деньги отправляются наверх к ДЕЗ'овскому начальству в виде «сэкономленных» средств от фонда зарплаты.

Хотя, куда они отправлялись, точно не знаю – это для меня всегда было *terra incognita*.

В моем отряде отверженных и забытых тоже был полный набор человеческих характеров.

Люди по разному относились к своей работе. Одними из лучших моих помощников были супруги Туляевы. Я еще расскажу о них.

Но «любимчиков» никогда не выделяла, и, если они нарушали общую дисциплину, не стеснялась при всех им пенять – в работе никому поблажки нет.

Так случилось с Галиной Туляевой.

Мы тогда занимались очисткой от снега и наледи очень сложного высокоэтажного дома на Суворовском бульваре, 12. Долго мне будет сниться этот дом.

К очистке готовились заранее. Несколько раз ночью перед сбросом бывало проснись от страха, что пропустила время и дворники уже ждут – надо успеть, пока трафик на Суворовском не набрал силы урагана, за которым не слышно переключки при сбросе, и сам сброс становится опасным. В нашем распоряжении были только один-полтора часа утренних зимних сумерек. Поэтому случившееся однажды опоздание Туляевой даже на двадцать минут – а все роли накануне за-

ранее распределены – мог обернуться катастрофой.

Пришлось устроить своему «любимцу» нагоняй, ибо на фронте перед боем все равны.

До

м №10

Как строили в девяностых – отдельный разговор.

На Суворовском бульваре стоял старинный дом №10. Старожилы говорили, что это был один из немногих домов Москвы, уцелевших в знаменитом пожаре столицы 1812-го года.

Чья-то усадьба с ажурными чугунными винтовыми лестницами. В девяностых она заполнилась мелкими конторками, и внутри действительно требовались реставрационные работы.

В одной из клетушек дома на втором этаже жил армянский художник. Не помню имени – то ли Рафаил, то ли Рафик. Он был всегда слегка пьян, очень гостеприимен, словоохотлив и всем, что стояло у него на столе, настойчиво угощал.

Когда я поднялась к нему с каким-то предписанием по старой деревянной шаткой лестнице, Рафик уже угощал своего собутыльника. Судя по поведению последнего – постоянного завсегдатая попок. У Рафика всегда кто-то жил.

В полутемной, по– холостячки неприбранной, убогой комнате меня встретил радушный и растрепанный хозяин с истинно кавказским гостеприимством. Он долго увлеченно

и велеречиво что-то мне рассказывал и готов был подписать любую бумагу, даже о своей смертной казни, не читая. Это было не главным, а главным была сердечная беседа, будто я его старый друг, выплывший из прошлого после долгой разлуки. Он был очень органичен в интерьере старинной усадьбы, такой же растрепанной, беспомощной и чужой перед лицом жестокого времени.

Когда я спускалась вниз, Рафик бежал за мной, окликая по имени и протягивая забытые вафли, его угощение. Трогательный человек. Он вскоре умер. К счастью, раньше, чем этот дом разрушили.

Так вот. Без серьёзных гидроизысканий почвы под домом усадьбу поспешили снести. Об архитектурной и исторической ценности свидетеля Пушкина и наполеоновских войн никто не думал. Каким-то толстосумам понадобилось престижное место в центре столицы.

И тут обнаружилось, что дом был построен на сваях, а под ним текла мощная река. Она проходила и под соседним старинным домом. Русские мастера так хорошо знали свое дело, что дома эти без всякого серьезного разрушения стояли столетиями.

А как увидели – ахнули! Почесали в затылке – ведь стоимость строительства резко возрастала.

И на долгие годы заморозили стройку, потому что никакие осушительные работы не помогали.

Котлован вновь и вновь наполнялся зловонной зелёной

лужей.

Что уж там придумали, не знаю, но теперь на этом месте вознеслось бездушное здание банка.

Повестки

Центральные улицы, принадлежавшие моему участку, родные с детства, – ведь я здесь выросла и здесь мой дом, – как оказалось, были абсолютно мне незнакомы.

Незнакомы обитатели их домов, незнакомы закоулки, дворы и дворики, внутренние переходы. Незнакомы их учреждения и ведомства. Незнакомы их мрачные подвалы и бесконечные чердаки. Незнакомы потрясающие социальные пропасти между населявшими эти улицы обитателями.

На Большой Никитской улице стоял древнейший двухэтажный дом №9. Ступени его каменной лестницы ходили ходуном при каждом шаге, а площадка на последнем этаже выводила прямо на железную крышу через открытую дверь. Немногочисленные обитатели дома ждали годами расселения. Но так как дом требовал крупных вложений для реконструкции, то инвесторы не спешили, а муниципальные власти и вовсе не замечали его аварийности. Дети мерзли зимой из-за прогнившей отопительной системы, трубы текли из-за ветхости инженерной инфраструктуры.

И если убогость жилья понуждала как-то искать выход у его обитателей и на что-то надеяться в бесполезных жалобах

и просьбах к властям, то для одной квартиры это существование было более чем соответствующим.

Эти двое – старуха-мать и её взрослый сын, – казалось, срослись с домом намертво, абсолютно не замечая своего животного существования. Они как бы застыли вместе с домом во времени и пространстве, как бы ушли в себя и свои мелкие склоки, и им от жизни было уже ничего не нужно.

Когда я вошла в эту квартиру на последнем этаже, в нос ударил резкий запах разлагающегося мусора. В конце длинного тёмного коридора тускло светила электрическая лампочка самого малого накала. Она светила на кухне, куда я вступила не без опаски.

Посередине – внимание: самый центр Москвы! – высотой в человеческий рост в форме конического муравейника громоздилась куча многолетнего слежавшегося мусора. Все, что дегенеративная пара в процессе своей зачумленной жизни могла недоесть, недожевать, недопить, не выбросить за ненадобностью, – всё годами сваливалось туда и сваялось, спрессовалось в символ, квинтэссенцию бездарного, нелепого существования. Тараканы кишели.

Я застыла в брезгливом изумлении, а старуха и её сын в этот момент о чём-то затеяли спор.

О чём спорили, зачем и к чему – это было неважно. На фоне слежавшейся вонючей мусорной кучи и несусветной грязи в полутёмной кухне, такой страшной, все споры казались нелепыми. Уйдя оттуда, я ещё долго под впечатлением

увиденного размышляла, как можно было дойти до такого кошмара.

А может быть и мы за мелочами жизни, за суетой и склоками друг с другом в семье со временем привыкаем к ним? А привыкнув, упускаем что-то более существенное, что ведет к незаметной для нас самих постепенной деградации?

Иное дело – Калашный переулок, дом 2/4.

Обитатели дома, соседи господина Глазунова, – это вам не хухры-мухры. Все как на подбор богатые, и дом им полностью соответствует. Мощные стены, дворцовые лестницы, евроремонты почти в каждой квартире.

Чистота и порядок у дома Моссельпрома!

В одну из квартир этого дома я и понесла повестку по призыву в Армию. Высокую дверь тёмно-шоколадного цвета с отливающими золотом ручками мне открыла холёная мадам лет сорока пяти. Узнав причину визита, она мило улыбнулась и ласково объяснила, что сын сейчас за границей, в Италии. Ещё раз улыбка.

Я по инерции, скорее из любопытства, глупо спросила, когда он вернётся.

– Никогда! – и здесь сияние улыбки достигло апогея, и дверь не грубо, но решительно захлопнулась.

Иное дело бедные люди.

Сестра, принимая повестку вместо отсутствующего брата, со страхом спрашивала меня, что делать?

– А ничего, – успокаивала я её, – распишитесь вместо

него, и пусть он подольше отсутствует.

В другой развалюхе в Романовом переулке на меня, решительно сжав кулаки, двинулся молодой мужчина в тельняшке. Бешено вращая глазами, он кричал, что не отдаст брата и что с него хватит Афганистана. Шла чеченская бойня.

Они жили одни, без родителей, и младшему брату он был вместо отца. Жили бедно и сдавали списанные площади в своей развалюхе весёлой компании молодых ребят-грузин.

Здесь мои разглагольствования не понадобились. «Афганец» как бешеный волк готов был крушить за брата всех без разбору – озлобленный, доведённый до отчаяния человек.

Моя жизнь оказалась в опасности, и перспектива катиться с лестницы, ломая руки-ноги после крепкого пинка, была реальной. Еле ноги унесла.

В квартире на Суворовском бульваре парень открыл дверь сам. Пришлось объяснить ему, что его нет дома. Расписалась мама, и её благодарности не было границ.

На Малом Кисловском переулке только что вернувшаяся с работы молодая, привлекательная женщина подписала повестку за своего сына не глядя. Она была смертельно усталой, еле говорила, на меня не смотрела. Как будто ей было всё равно и уже не осталось сил ни на какое сопротивление.

И только в коммунальной квартире на Среднем Кисловском на повестку высыпала вся коммунальная орава. Они кричали о великой роли защитника Отечества и дружно радовались свалившемуся на него счастью. Сцена напоминала

сумасшедший дом. Так и осталось неясно, – спектакль то был или действительно сумасшедшие?

Короче, сдавала я эти потенциальные похоронки для бедных с росписями сестёр, матерей, братьев или с объяснением о выбытии адресата в неизвестном направлении.

А что? Приказали отнести, – я своё дело сделала.

И пускай сначала внуки Ельцина и прочих сытых говнюков продемонстрируют нам защиту целостности государства своим примером.

Да простит меня Бог!

Всевышняя страховка

Две напасти преследовали меня по жизни – тугодумие и основательность.

Их союз превращался в вечный бег за упущенными возможностями.

Вот уж всё прошло и вспоминаешь, что не так сказала, не то сделала, а надо было иначе, и тогда судьба развернулась бы в другую сторону, и не произошло бы то, и то, и то. Эх, всё бы начать сначала.

Короче – «...кто чувствовал, того тревожит призрак невозвратимых дней...».

Однако тугодумие вело к осторожности и иногда выручало, а основательность помогала избегать поспешных решений. К сожалению, не всегда.

Есть ли человек, проживший без единой ошибки, рассчитавший верно все риски, все потенциальные угрозы? Даже если и есть, то всё равно конец как неизбежный Апокалипсис настигает всех. И редко к кому смерть приходит так, как она пришла в последнюю осень Джона Форсайта-старшего. Он сидел в кресле, а смерть как видение в облике прелестной Ирэн шла к нему, освещённая закатными лучами солнца. Всем бы так умирать.

Полной противоположностью мне в поведении была Рябова. Быстрота реакции, способность к импровизации и попросту к вранью по необходимости или по ситуации её часто выручали.

Ленка особо не заморачивалась. Даже в своем экономическом институте на лекциях могла сладко поспать, о чём и рассказывала нам со смехом.

На планёрке Елена Рябова подробно описывала санитарное состояние на пятом этаже дома №8 по Суворовскому бульвару, ныне Никитскому, имевшего на самом деле всего три этажа. Живое описание перед начальством лестниц и межэтажных площадок несуществующих этажей, их убранность или захламленность изобиловали мельчайшими деталями. И у начальства создавалось впечатление ответственно выполненной техником работы.

Ленке удалось даже поговорить с виртуальным жильцом с виртуального пятого этажа. Тема беседы подробно пересказывалась при полной тишине на планёрке.

Что она его спросила и что он ответил, что она уточнила и что он пояснил – ну, в общем, обстоятельная беседа с воздухом.

Я знала об обмане, но надо было молчать. Корпоративная этика допускала разве что наедине шуточный разбор после полётов.

А на вопрос начальницы, из какой квартиры жилец, последовал незамедлительный ответ. Озвучила номер несуществующей квартиры – и глазом не моргнула.

Это было единственно правильное поведение, ибо в противном случае неисполнение назначенной инспекции по дому неотвратимо навлекло бы на её голову гром и молнии с возможными последствиями.

Ну, а мне предложено было оценить объём очистных работ лестниц этого злополучного дома №8 по Суворовскому бульвару.

Подъезд дома со стороны глухого двора недавно был выселен.

Тугодумие сказалось в том, что я пошла туда одна, а основательность – что вообще пошла.

Грязный, тёмный подъезд был сквозным. Входя в него со двора, можно было выйти в другой абсолютно глухой маленький дворик с большим люком посередине, ведущим в подвальные подземелья дома. Люк был прикрыт свободно открывавшейся решёткой. Если войти со стороны двора в подъезд, не имея цели выйти во второй, внутренний, дво-

рик, то по ветхой деревянной лестнице справа от входа можно было подняться до третьего этажа. Эти этажи мне было приказано ещё раз проинспектировать на предмет очистки от мусора за последними недавно выехавшими жильцами.

Сам дом расположен на оживленной магистрали Суворовского бульвара, и, скользнув в арку дома, ведущую в первый двор, вы попадаете с шумной улицы сразу в полное безмолвие и безлюдье. Близкое соседство дома с злачной тусовкой у начала Арбата мне тогда как-то не пришло в голову. А зря.

И я, согласно своей неуместной в данном случае основательности, пошла, так как, увы, – не Ленка Рябова.

Темнота подъезда сразу после яркого дневного света улицы ослепила меня. На мгновение остановилась. В подъезде стояла мёртвая тишина, и все двери квартир внизу уже были заколоченными.

Стала подниматься на верхние этажи по деревянной лестнице и дошла до последнего, третьего. Всюду заколоченные двери. Никого нет. А на третьем этаже тоже заколоченная квартира в глухом тупике. Прошлась до конца тупика, постояла, осмотрелась. Мусора не было. Только валялась какая-то железная большая согнутая рама. Пора возвращаться.

Развернулась, вышла из тупика к началу деревянной лестницы и собралась спускаться.

И как только моя рука легла на перила лестницы, внизу раздался хриплый испитой мужской голос.

– Где она?

– А хрен её знает. Только что ведь здесь прошла, б...дь – ответил другой таким же хриплым и приглушённым баском.

– Куда она, чёрт, делась? – в голосе досада и недоумение.

В этот момент я оцепенела, так и не начав движения вниз. Страх и ужас сковали меня. Сердце вдруг стало стучать так громко, что, казалось, его стук слышат эти двое внизу.

Бежать некуда, даже окон на этажах нет. Откуда они, и как я могла их не заметить? Может быть, они шли по улице и свернули за мной во двор?

Все эти мысли проносились в голове как молнии, но ни одной о том, как убежать, не было. Я в капкане.

– Давай поглядим, может во внутреннем дворе, – сказал первый.

– Точно, она там. Быстрее за ней, – пробасил второй.

И они затопали во второй дворик.

Мои ноги подхватили и понесли меня легче пуха. Я летела как птица, моля лестницу не скрипнуть.

Бежала легко и быстро, пока эти двое не успели окинуть взглядом маленький дворик и не вернуться назад.

Успела. Выскочив на людную улицу, перевела дух и помчалась дальше по делам.

Странно, но сознание чудовищной опасности пришло значительно позже.

Когда я вернулась к осмыслению происшедшего, поняла, какую мучительную смерть избежала.

Там в полной тишине и абсолютном безлюдье меня ждало

что-то ужасное, а потом мой труп был бы сброшен в люк, где нашли бы его спустя много месяцев, если не лет.

Лишь потом до меня дошло, что двое мерзавцев отдыхали в тёмном подъезде под лестницей, и, когда я вошла из света в темноту, они меня увидели сразу, а я их – нет.

Да мне и в голову не могло прийти, что в такой грязи кто-то может обитать.

На моё счастье ни одна деревянная ступенька не скрипнула, пока я поднималась наверх, и они сразу выбрали неверное направление поиска.

С этих пор я больше никогда не обходила тёмные дворы поздними вечерами, хотя это входило в мои обязанности, так как во дворах перегорали лампы, и сведения на их замену поступали от техников. С этих пор я больше никогда не спускалась в подвалы и не осматривала чердаки одна, а обязательно брала с собой сопровождающего из своей бригады.

Провидение пожалело не меня. Моя смерть оставила бы сиротами детей и убила бы мою мать. Очевидно, всю её праведную жизнь, полную добра и сострадания к людям, там наверху кто-то оценил.

Однако предупреждение о повышенной опасности я получила уже в первую неделю своей работы в конторе.

Шла очистка от остатков рухнувшего потолка квартиры второго этажа дома на Среднем Кисловском переулке. Сброс производился прямо из окна во двор, а я стояла в охране на расстоянии не менее тридцати метров.

Сбросили чугунную батарею, и отколовшийся от неё маленький кусочек величиной с пулю из всех трёхсот шестидесяти возможных направлений выбрал точно мой глаз. Чугунная пуля летела по параболе, пока я не услышала удар по стеклу своих очков. Удар был сильный, но закалённое стекло каким-то чудом выдержало.

В конторе Лариса Ковалевская сказала: «Это тебе Господь посылает самое первое предупреждение. Наша работа требует осторожности. Тебе ещё повезло».

Но другие почти несчастные случаи, имевшие место на протяжении последующих лет, убедили меня в том, что никакая осторожность не может застраховать от обстоятельств, от тебя не зависящих.

Ну какая осторожность может застраховать тебя от нерадивости дворника, отвязавшего свою верёвку при очистке крыши высокоэтажного дома. Он поскользнулся и поехал вниз к краю крыши, судорожно ища руками хоть какой-нибудь бугорок на плоской поверхности.

Он скользил вниз, а мне оставалось только с запрокинутой вверх головой схватиться за сердце и считать секунды до его смерти.

Всё проходило в полной тишине. Все замерли и с ужасом следили за сползающей фигурой.

И в последний момент его нога уперлась в козырёк крыши, абсолютно незаметный снизу.

Мы, стоящие внизу, только увидели, как он задержался на

самом краю и, отлежавшись, начал осторожно ползти вверх, чтобы дотянуться до брошенной верёвки, закреплённой другим концом на трубе.

Потом его спросили, о чём он думал, когда отвязал страховочный трос.

– Ни о чём я не думал.– отвечал беззаботно лихач – Просто без верёвки удобнее.

– А когда вниз поехал? – спросили его.

– Прикидывал, есть козырёк на крыше или нет, потому что ухватиться было не за что.

Такой вот народ!

Бедное безбедное существование

Можно практически бесплатно путешествовать по всему миру и с комфортом.

Для этого надо только жить в квартире на последнем этаже и желательно в старом доме.

Жизнь вас будет радовать во все сезоны года, но придется немного напрячься в дождливый период. Ну, скажем, в осенне-зимний или в зимне-весенний. Очень хороши такие месяцы как октябрь, ноябрь, март, апрель. Но подойдут и другие, а если лето дождливое, то просто великолепно.

Все ворчат, а у вас на душе ожидание праздника. Главное, чтобы непогода была с затяжными ливнями, и к кругосветному путешествию, считай, вы уже практически готовы.

Ещё необходимо совсем незначительное условие, но только непосвящённому оно может показаться незначительным.

Короче – крыша над вашей квартирой должна быть прохудившейся. Ваша задача – следить, чтобы в этом состоянии она оставалась как можно дольше.

Это только недогадливые начинают бить в колокола, чтобы её починили. А есть и совсем чокнутые, которые это достоинство за свои же деньги и вовсе ликвидируют.

Как вы догадываетесь, рано или поздно силы природы и законы физики проторят путь к потолку вашей квартиры в виде сначала незначительных мокрых пятен и затем, если повезёт, в виде бурных потоков прямо вам на голову. Бушует ветер, гремит гром, сверкают молнии, а сверху льётся на вас, можно сказать, золотой дождь. И вы начинаете понимать, за что Тютчев любил грозу в начале мая.

Здесь важно вовремя позвонить в ГРЭП. Прибегут к вам напуганные инженеры и техники, увидят расплывающееся пятно на потолке – это пока в самом начале серьёзного мероприятия – и по вашей просьбе составят акт, где подробно опишут устрашающие размеры одного безобразия разбушевавшейся природы. Ни в коем случае не заламывайте руки в первый раз. А так, как ни в чём не бывало, скажите им безразлично: «Чего в жизни не бывает... Ничего! Я споткнулся о камень, это к завтраму все заживёт...».

Убаюканные вашим безразличием наивные работники ГРЭП'а побегут дальше по своим делам, а о вас на некоторое

время забудут. Это им сделать просто, потому что загрузка на работе велика, и ещё надо успеть бедолагам и о себе подумать.

Итак, дожди продолжают лить и лить, а вы не устаёте вызывать ГРЭП'овских работяг и составлять акт за актом. Они уже постепенно привыкают к составлению описания пятен на потолке, убаюканные вашим доброжелательным настроением, и беззаботно живописуют их устрашающие размеры. В это время ни в коем случае не требуйте ремонта крыши в прохудившемся месте.

И вот, наконец, наступает долгожданное событие – потоп.

Упустить момент нельзя. Ваше легкомыслие дорого обойдётся. К потопу надо готовиться заранее.

Я имею в виду не Ноев ковчег, а нечто более изощрённое. Надо хорошо продумать загодя, что из домашней утвари нагромоздить в месте предполагаемого потопа.

Могу дать совет.

Старое бабушкино кресло, в котором не нашлось ни одного бриллианта, а заржавленные пружины оскалились так, что готовы вот-вот проткнуть ветхий атлас сиденья. Впоследствии ветхость атласа и заржавленность пружин будете на суде настоятельно объяснять глубоким проникновением влаги.

Давно и навсегда замолчавший дедушкин патефон пригодится, когда вы на том же суде со слезами на глазах опишете, как умирал ваш предок в обнимку с верным спутником

молодости.

При этом настаивайте, что до потопа патефон был в полной исправности.

Ваши слёзы могут резко повысить в денежном эквиваленте размер причинённого вам морального ущерба.

Придвиньте под золотой дождь полку с книгами. Продумайте заранее подборку драгоценных томов. Здесь подойдёт собрание сочинений И.В. Сталина. Неплохо поставить с ним в ряд и тома по Истории КПСС. Очень кстати окажется и курс по философии некоего Спиркина. В этом гениальном по простоте и незамысловатости учебнике на сотнях страниц у нас в институте отрицалось существование Бога, а также в самой свободной стране объясняли философскую категорию свободы. Было очень убедительно. После этого учебника читать Кёльнские лекции Гегеля о доказательстве бытия бога можно было разве что с презрительной улыбкой. Не повезло Кёльнским студентам – Спиркина они не знали.

Теперь, правда, в нашем МИФИ открыли кафедру теологии, где, напротив, будут доказывать существование Всевышнего в противовес Спиркину. Когда дело приобретёт соответствующий размах, можно будет проследить, кто кого одолеет в этом непростом споре – батюшка Спиркина или Спиркин батюшку.

Подходящих гуру, отрицающих законы математики и физики, для этого еретического института, кажется, ещё не подобрали.

Но мы отклонились от главного.

Не забудьте – залитые вещи, а особенно книги, хорошенько, когда всё кончится и акты будут составлены, просушить. Реквизиты для новой экспозиции вам могут понадобиться в дальнейшем в случае планирования новой кругосветки.

Многое ещё, чего не жалко, можно присоединить к вышеописанным предметам.

Подойдёт и старая списанная вычислительная техника. На суде она может потянуть в глазах несмышлёных судей и необразованных сотрудников ГРЭП'а на многие тысячи.

А живописать её полонку от протекшей внутрь влаги можно так, что мороз пойдёт по коже.

Потом вызывайте техников и инженеров. Составляйте акт с уже точным перечислением всего испорченного хлама. Здесь нерадивые сотрудники конторы призадумаются и пришлют вам кровельщика.

Да только поздно, ребятки! К тому же кровельщик вероятнее всего окажется пьян, и после его стуков и гроыхания кровельным железом потоп в вашей квартире, возможно, хлынет ещё сильнее. Это происходит потому, что кое-как заделанные швы в новом кровельном покрытии уже начинают пропускать не только косые дожди слева направо или справа налево, не только прямые потоки сверху вниз, но даже и те, что захотят литься снизу вверх. Проверено.

К тому же качество нового оцинкованного покрытия на порядок хуже старых столетних кровельных дореволюцион-

НЫХ ЛИСТОВ.

Всё это нелишне знать, приступая к мероприятию, чтобы не терять самообладания и не волноваться за успех задуманного.

Как вы понимаете, такой алгоритм мог возникнуть только в самых изошрённых мозгах, и обладали ими некие супруги Шманаевы. Жили они на последнем этаже старинного дома и очень любили путешествовать на халяву. Эдакие отечественные Бонни и Клайд. Но если заграничные герои бежали от судов, как чёрт от ладана, то супруги Шанаевы, напротив, суды очень любили.

Они судились по любому поводу со всем миром, когда брезжила надежда в результате суда что-нибудь слупить.

Жили они в многокомнатной квартире, и одна комната как дойная корова всё время давала им хорошие надои, так как с потолка в вышеозначенные сезоны лил и лил потоп. Ну а дальше – читай сначала.

Но однажды сокрушительный акт пришлось составлять мне, в котором указывалось наряду с прочими дорогими реликвиями залитое компьютерное устройство под названием РОБОТРОН. Уж не помню, что оно из себя представляло, но позвонив своим коллегам по предыдущей работе, я получила точную характеристику РОБОТРОНА. Оказалось, что им давно никто не пользуется и эта марка давно устарела. Никакого интереса он уже не представлял на рынке персональных компьютеров, и вообще хоть на помойку его неси.

Согласно своей основательности я подготовила для суда солидный доклад, который и прочла при полном одобрении своих ГРЭП'овских коллег и впавших в уныние хитроумных супругов Шманаевых.

Все с такими усилиями собранные ими акты и проведённая по привычному плану так называемая независимая экспертиза не помогли.

И никакой моральной компенсации, на которую они рассчитывали, парочка не получила.

В тот год накрылся Таиланд, и пришлось удовлетвориться родной Анапой с голопузыми мужиками и благоухающими туалетами на пляже.

Но неугомонные не остановились. Очень они любили судиться.

Тёмным морозным вечером, когда стужа превращает твой плевок на лету в звонкую льдинку, нам приходилось очищать крышу дома, где жили вышеозначенные супруги.

Бешеный трафик у подножия высокоэтажной громадины смолкал только к двенадцати часам ночи. Но на первом этаже дома в многочисленных барах и кофейнях праздник жизни только начинался, и множество дорогих иномарок парковалось прямо в месте намечающегося сброса. Обойти всегдаев весёлых посиделок было несложно, и они переставляли свои машины. С жильцами дома было проблемнее, но и с ними удавалось договориться.

А хозяйина одной старенькой машины с прицепом никак не

могли найти. Мне бы сразу догадаться, что, во-первых, это их машина, а во-вторых, что поднятая подготовительная суматоха привела супругов Шанаевых в боевое состояние. Наглухо заперев дверь квартиры и вооружившись видеокамерой, они стали с вожделием готовиться к новому денежному кушу. Притихли, затаились и не отвечали ни на один звонок в дверь.

А уж как мы голубушку закутывали и окружали щитами, чтобы не дай бог не поцарапать!

Начался сброс и Шманаев вышел на тропу войны с видеокамерой. Осторожно приоткрыв парадную дверь, но так, чтобы его никто не увидел, он высунул свой нос и провел рекогносцировку местности, чтобы определить, откуда лучше вести свой репортаж для будущего суда.

Запахло очень крупной наживой, и камера заверещала.

Вниз падали огромные глыбы льда и разрывались как бомбы, но нам удалось не потревожить старенький фиат с прицепом.

И пока мы внизу, превратившись в сплошной крик и внимание, перемещались вдоль фронтона дома с высоко поднятыми головами, устремив пристальный взгляд на подвижные фигурки с лопатами на краю крыши, камера неотрывно следила за нами в незаметно приоткрытую парадную дверь.

Он выскочил как чёрт из ящика, когда сброс кончился, и зашёлся в бабьем визге. Он кричал, что мы поцарапали его развалюху, а у нас от мороза больше не разжимались губы.

Он грозил судом, а нам от усталости было уже всё равно. Мы, не обращая внимания на визги, медленно разбрелись по своим домам.

Утром я вернулась и увидела на дверце фиата две старые маленькие вмятины размером с двухкопеечную монету. Они были абсолютно ржавые. Короче, аналог бабушкиного кресла.

Вот такая история. А дальше – только жизнь такое может придумать.

Пришла к матушке её старая коллега, врач Аза Гавриловна.

Высокая, грузная Аза Гавриловна неспешно пила чай из блюдца и громким низким голосом вела неторопливую беседу. Основательно интересовалась нашей жизнью. Текла беседа о том, о сём.

И тут я возьми и расскажи ей о наших Бонни и Клайде.

Услышав фамилию Шманаевы, Аза Гавриловна замерла над поднятым блюдцем, глаза её широко раскрылись, а брови поползли вверх.

Она их хорошо знала. Его с самого детства. Он рос в высококультурной семье, и бабушка сокрушалась, в кого пошёл её мерзопакостный внук. Внук занимался судами как хобби, приглашая на них в качестве лжесвидетеля своего отца. С папенькой он всегда имеет договорённость о дележе барыша в виде заранее оговорённого процента.

– Кстати, он не Шманаев. Он взял фамилию жены. А его

фамилия Гвандин, – завершила Аза Гавриловна своё ошеломительное разоблачение.

К следующему суду мы, работники конторы, уже были основательно подготовлены.

Поэтому, когда суд представлял некоего свидетеля Гвандина, пожилого мужчину, которого тогда морозной ночью и близко не было на сбросе, мы коварно затаились, невинно сделав вид, что ничего не имеем против свидетеля Гиндина.

Линия поведения предполагала подвести суд незаметно к упоминанию Шманаева как Гвандина.

И эффект сработал. Ссылаясь на Шманаева как на Гвандина, сторона ответчика вызвала недоумение сначала у судьи, а потом и у самого Шманаева-Гвандина.

Гвандин кричал, что он не Гвандин, а Шманаев.

А мы настойчиво утверждали, что он Гвандин, а Шманаев – это имя его жены.

Растерянная судья строго спросила Гвандина, кто же он и кем ему приходится свидетель Гвандин.

Вконец запутавшийся Гвандин-сын попросил отложить судебное заседание, чтобы освежить в памяти свою «девичью» фамилию. И на следующем заседании, оправившись от временной амнезии, он вспомнил своё происхождение и своего папашу.

Как нетрудно догадаться, и на этот раз накрылись, видимо, уже Сейшелы.

На планёрке следующего дня торжествующая Лосинова,

наш начальник, назидательно внушала коллективу, что работа в ГРЭП'е требует разносторонних знаний.

– Вы должны быть и инженерами, и юристами, и тонкими психологами – гордо говорила она, повышая нашу самооценку.

И с тех пор неугомонные супруги стали обходить нас за километр. Как бы мы ещё чего-нибудь о них не узнали.

Лихие

В девяностые в Центральном округе и, в частности, на моем участке возникали конторки – маленькие и большие, – гордо именовавшие себя офисами.

Это были и крупные организации, занимавшие целые строения, и небольшие квартирки в жилых домах. Работали там, – если можно их деятельность назвать работой, – люди всех возрастов и профессий. Конторки некоторое время существовали и потом неожиданно разорялись и исчезали. Наступило время мыльных пузырей.

Многие люди интеллигентных профессий и уже в зрелом возрасте, соблазнившись эфемерным лозунгом «обогащайтесь», приняли его всерьёз. Они открывали торговые точки: магазины обуви, продуктовые, маленькие кафе, бары. Не имея навыков в торговых делах, или влиятельных связей наверху, или попросту достаточного стартового капитала, поработав некоторое время и впав в растрату или ещё по каким причинам, они с треском разорялись. И вот уже видишь, как бредут тебе навстречу грустные бывшие генеральные дирек-

тора, просто директора и прочие начальнички исчезнувших контор.

Но это взрослые люди, хотя бы как-то успевшие ранее реализоваться в своей основной профессии.

А ведь были и те, кто только что кончил институты и не имел возможности применить свои профессиональные навыки.

У нас альпинистами для очистки труднодоступных мест на крышах работали по найму молодые ребята из Зеленограда. Они закончили совсем недавно технические вузы и были по специальности микроэлектронщиками. На вопрос, почему же работают верхолазами, отвечали: «Сейчас наши микросхемы никому не нужны». В студенческие годы ходили по горам Кавказа и пришли к нам со специальным альпинистским снаряжением. Молодые, красивые, легко расщелкивали математические головоломки пока в нашей комнате собирали свои альпинистские замки и веревки перед очередным заданием. Это был их заработок, и они должны были кормить свои семьи. Два-три года такой работы, – и на их дипломах можно было разве что яичницу готовить.

В другом месте, на Малом Кисловском переулке, в подвальном помещении открылся магазин компьютерной техники, где продавцами работали выпускники МФТИ. Затем они быстро исчезли.

Но здесь ещё возможен был хоть гипотетически поворот к своей профессии в будущем, хоть был навык серьёзного

академического труда, навык решения аналитических задач, хоть дисциплина мышления, которую даёт систематическое образование.

Совсем трагически выглядело более молодое поколение. Одурманенные тем же лозунгом «обогащайтесь», девятнадцатилетние, двадцатилетние парни и девушки с утра до вечера проводили в бессмысленных бдениях среди бесконечных чаёв, кофеёв, бумажек, телефонных звонков в бесчисленных конторках, теряя своё драгоценное молодое время. Так и не приобщившись к серьёзным трудам и навыкам, они блуждали от одной забегаловки к другой по мере появления и исчезновения этих к слову сказать офисов.

Бум контор «рога и копыта» пришёлся на первую половину девяностых, тогда же произошёл спад конкурсов на вступительных экзаменах в институтах.

Тогда в девяностых была потеряна культура фундаментального образования, и создать её сейчас в одночасье наскоком просто невозможно. Это в масштабе всего государства было самое трагическое упущение девяностых, а вовсе не потерянные сбережения и даже не разорённые фабрики и заводы.

Дольше всех держались те учреждения, которые каким-то образом были связаны или непосредственно созданы муниципальными органами.

Вполне органично со временем смотрелись люди без образования, поставившие своей целью только разбогатеть лю-

быми способами. Так на Большой Никитской появились братья, кавказские таты. Долго и вдохновенно рассказывал один из них, как из бывшего рыбного магазина будет создана рыбная империя и потянутся к ней все рыбные промыслы со всего света. О них заговорит весь мир. Он показывал бумажный макет преображённого двора выкупленного рыбного магазинчика. Чего там только не было – высокие бумажные рыбные дворцы с башенками, складами, рыбными ресторанами и прочими диковинами. Развернувшись на двух смежных улицах, братья начали даже выселять жильцов одного из домов, видимо входившего в план застройки будущего рыбного рая в Васюках.

Когда я упомянула об этих дворцах директору старого продуктового магазина, расположенного в том же дворе, он только хмыкнул. Крупный мужик с взлохмаченными патлами волос, с лицом вечно заспанным или как после похмелья, зычным раскатистым басом и уверенными манерами, только прорычал: «Пусть попробуют». Мужик знал, что говорил.

Но то ли денег не хватило на столь грандиозную эпопею, то ли их оказалось недостаточно для полива цветущего сада мечты в высоких кабинетах власти, но затея провалилась с треском, и великие комбинаторы вдруг исчезли. Вместе с ними куда-то рассеялся и штат обнадёженных и размечтавшихся сотрудников.

Последний раз я видела одного из братьев на задворках рыбного магазинчика. Он с жаром уверял какого-то бандита,

что не может заплатить ему денег по причине своего почти банкротства. Бандит молча слушал, потом опять что-то бубнил угрожающее в ответ, и беседа начиналась сначала. Словом – сходу покорить Москву оказалось делом непростым.

Исчез и магазин с патлатым директором, но значительно позже.

Борьба за аренду и выкуп помещений, подвалы и полуподвалы, любых свободных площадей, за перехват чужого бизнеса шла не на жизнь, а на смерть. И в этой драке человеческих страстей ломались судьбы и жизни людей.

На моём участке был убит директор банка «Югорский», некто Кантор. После его гибели успешный банк с весёлыми сотрудниками захирел и куда-то исчез. Был убит предприниматель то ли Минаев, то ли Минов. Не помню точно фамилии. Вполне с виду приличный молодой мужчина. Поговаривали, торговал подпольно оружием. Странно было сознавать, что ещё вчера ты приходила подписывать к нему какие-то предписания, а сегодня его уже нет в живых.

Однажды меня обязали обеспечить доступ в квартиру какого-то коммерсанта с целью проведения с ним беседы по передаче бизнеса другим предпринимателям. Точно не помню, почему я должна была в этом участвовать. И мы пошли. В группе из пяти-шести человек были эти предприниматели и наш участковый. Я – единственная женщина среди них. И вот бодрым шагом мы подходим к дому – впереди мужчины, я позади, – затем так же бодро начинаем подниматься по

лестнице.

Не знаю, как это получилось, но наверху лестничной площадки я оказалась одна.

Батюшки, святой боже! Они все, хитрюги, отстали от меня и стоят, трусливо сгрудившись во главе с вооружённым участковым где-то на середине лестницы на безопасном расстоянии.

Вот такие мужчины!

В квартиру я позвонила спокойно и мне открыла молодая женщина. Я вошла и закрыла за собой дверь и назло этим трусам предупредила очень милую хозяйку о цели визита неожиданных гостей. Её мужа дома не было, но она поблагодарила меня и успела ему позвонить, накрепко закрыв после меня дверь.

На Среднем Кисловском переулке комплекс небольших ветхих зданий дореволюционной постройки попытался захватить полусумасшедший, но очень активный местный житель. Он тоже организовал в них неизвестно чем занимавшуюся конторку. Днями напролёт грустные женщины пенсионного возраста держали там круговую оборону, а он прыгал между ними и кричал любому входящему, что очень близко знаком с Ельциным, а уж с его супругой Наиной – отчество при этом опускалось – вообще закадычные друзья. Словом, кум королю.

Он сопротивлялся выселению всем муниципальным властям и нашу контору рассматривал как авангард вражьего

войска. Об этом я не была предупреждена, когда мне поручили принести ему очередное предписание на освобождение помещений.

Не успела протянуть бумаги, как он схватил меня за шкуру и с такой силой столкнул с лестницы, что я, уже немолодая тётка, летела кувырком, не надеясь подняться на ноги внизу крутой лестницы. Вслед мне нёсся отборный мат неврастеничного хулигана. Сильное воспоминание на всю оставшуюся жизнь.

В ГРЭП'е у меня началась истерика. Рыдала и не могла остановиться. И тогда Ирина Георгиевна, с сочувствием смотревшая на меня, точно определила ситуацию: «Ну что ж, с боевым вас крещением!» А муж Ленки Рябовой собрался идти бить ему морду. Его не пустили, но, почувствовав защиту, я тотчас успокоилась.

Активного придурка-хулигана муниципальные власти всё-таки выселили, а на месте комплекса старых домов вознеслось высокоэтажное здание валютной биржи.

Мозаичное одеяло воспоминаний ещё полно всякими сильными впечатлениями, ни в какое сравнение не идущими со всей предыдущей жизнью. До этого – что в институте, что на работе – я была как бы защищена хрустальным колпаком. А здесь сама реальность, можно сказать, ворвалась в тихий налаженный быт.

«Дима, уходя, захлопни дверь»

В конце 1993 года под самый Новый год, когда в столице звенели бокалы с шампанским, на головы несчастных жильцов коммунальной квартиры дома бывшего Моссельпрома по Малому Кисловскому переулку лилась моча.

Я прибежала по вызову и поднялась в ремонтируемую квартиру над ними.

В квартире со снесёнными внутренними перегородками оставались лишь внешние ободранные кирпичные капитальные стены. В соответствующем месте вместо снятого унитаза торчала труба.

В неё то и справляли свою нужду весьма неприцельно и прямо на головы нижних жильцов приезжие гастарбайтеры.

С этого начались мои муки, связанные с историческим домом. Очень скоро выяснилось, что странная бригада вела ремонт квартир, и их руководство занималось насильственным выселением жильцов со всех семи этажей старинного здания.

Людей заставляли покидать насиженные места. Куда бы они ни жаловались, всё было бесполезно.

Я ходила много раз туда, составляла акты по безобразно проводимым ремонтным работам в связи с недопустимой замусоренностью на всех этажах, горами кирпичей и свалками разрушенных перегородок. В таком аду, грязи и пыли жили

оставшиеся ещё жители квартир.

Реакция на акты была весьма бесстыдной и жуликоватой. Кучи мусора переносили с одного места на другое, и на том дело кончалось, пока я опять не натыкалась на ту же кучу, но в другом месте.

Так эти кучи путешествовали, убегая от меня по всему дому.

В центре столицы велась партизанская стройка наглыми руководителями строительной бригады.

Создавалось впечатление о какой-то нечистоплотной, но влиятельной поддержке этого хамства.

Однажды, перепрыгивая через доски и кирпичи, я наткнулась на дивный оазис в глубине одной из разрушенных квартир. Среди пыли, грязи и кирпичного хаоса стояли два красавца-шкафа.

Один из красного дерева в старорусском стиле, а другой под орех, со стенками из толстого стекла, напоминал мебель европейского типа прошлых столетий. Передо мной были антикварные экспонаты, достойные музея старинной мебели.

Рядом невозмутимый краснодеревщик ладил что-то на рабочем столе. Он и пояснил, что это собственность некоей Бубновой. Так впервые всплыла фамилия особы, игравшей какую-то роль в нашумевшем афёрном деле «Silver heaven» (название изменено).

Отчаявшись договориться с рабочими, я стала выяснять

владельцев ремонтируемых квартир.

Наряду с фамилией Бубновой всплыли и фамилии её дочери Лушниковой и их мужей. Фамилии последних заканчивались то ли на «фельд», то ли на «берг», то ли «ский», но как-то очень звучно.

Излишне говорить, что до разговора со мной они не снизошли, а всё время то их не было дома, то просто бросали телефонную трубку. Творилось что-то непонятное.

Последними из насильственно выселяемых жильцов была семья капитана милиции Ушакова.

Они сопротивлялись изо всех сил. Писали письма в Прокуратуру, на Петровку, 38, в МВД.

И всюду их письма чудесным образом исчезали.

А потом к капитану Ушакову стали подходить на улице члены этой банды и ласково напоминать отцу семейства, что у него есть дети.

Слушала я горестный рассказ Ушаковых с изумлением, не понимая, как такое возможно.

Через какое-то время в списках должников по квартплате всплыли фамилии других хозяев квартир странного дома.

Ими были печально знаменитые по делу «Silver heaven» Буренок и Рачков. Сей зоопарк выкупил не менее пяти-шести квартир на каждого. И вот в девяносто пятом из прокуратуры пришла группа следователей арестовывать их квартиры.

Тогда же приостановили выселение последней оставшей-

ся в доме семьи капитана Ушакова.

Как выяснилось, нити вели даже на Петровку, но пока там не сменилось руководство, аферистов никак не могли остановить. Поэтому все письменные жалобы Ушакова исчезали.

Речь шла о крупных махинациях, связанных с расхищением в Гохране. Руками этой банды были вышеупомянутые зверюшки. Частью их безнаказанной деятельности и был захват престижного дома на Малом Кисловском переулке.

Всё это мне рассказали следователи, которым я от радости бросилась на шею.

Долго и подробно наивно читала им свои акты по дому. Они слушали с терпеливым безразличием, а я ликовала, что близок конец моим мучениям.

Наглая строительная бригада уже к тому времени покинула дом, и почти все квартиры со снесёнными перегородками стояли наглухо закрытыми. Семиэтажное здание с распахнутым неосвещённым подъездом, открытыми бездонными лестничными пролётами – потенциальными местами преступлений – обезлюдел и зловеще темнел своими окнами в ночи.

В каждую заброшенную квартиру входила группа, состоявшая из следователя прокуратуры, представителей МВД, специалиста по вскрытию замков, или «медвежатника», меня и двух моих дворников в качестве понятых при составлении протоколов.

Операция заняла несколько дней, и очередь дошла до

квартиры на втором этаже.

Опытным взглядом окинув слабоосвещённое помещение со снесёнными стенами, следователь прокуратуры Ш-ский, высокий рыжеволосый молодой парень, приказал закрыть дверь.

Присмотревшись к содержимому в полутёмной комнате, я поняла почему.

Ш-ский начал длинную утомительную опись предметов.

В темноте бежевым цветом отсвечивал массивный полированный деревянный стол с коричневой инкрустацией в центре, тоже из дерева. Стоял он на бронзовых львиных лапах.

На полу лежала небольшая ваза в виде розовой раковины, которую в руках держала няяда. Я наклонилась и чуть щёлкнула по ней. Раздался нежный долгий звон тончайшего фарфора.

Рядом возвышалась чёрная лакированная конторка, вся инкрустированная узором из слоновой кости. Создавалось впечатление, что конторка покрыта белой ажурной кисеёй. Вспомнилась книга о Пушкине, в иллюстрациях которой на похожую конторку опирались великосветские денди, чтобы писать письма.

Настольная лампа под зелёным абажуром с растительным орнаментом в основании, скорее всего, относилась к началу двадцатого века.

Невысокий диванчик со странным изгибом, как сказал

один представитель из МВД, назывался канапе. Светские дамы полулёжа поднимали на этот изгиб свои уставшие ножки. Меня удивила такая осведомлённость, и подумалось, что при таких вскрытиях и арестах квартир, по-видимому, обязательно присутствуют разбирающиеся в искусстве специалисты этого ведомства.

Ещё около трёх-четырёх бронзовых люстр. Одна, пятирожковая, с крылатым Гермесом на бронзовом шаре, а другая, более массивная, с изумительно переливающимися светом прозрачными плафонами из гранёного хрусталя. Даже в неярком освещении они играли всеми цветами радуги.

На полу рядом лежала фарфоровая люстра, завернутая в бумагу. В центре бумажного нагромождения была бирка, указывающая на наличие у люстры личного клейма мастера.

Огромная полуразваленная кровать с кольчужным основанием и деревянной рамой из карельской берёзы имела в длину больше двух метров. Очень напоминала немецкую мебель кайзеровской Германии. Видимо, трофейная.

Туалетный столик времён Марии-Антуанетты. Он весь был в изогнутых изящных линиях. На каждом из его ящичков под бронзовой в завитушках ручкой – эмалевый медальон.

Сильно стёршиеся парковые сцены на медальонах вызвали в памяти сцены из картин Антуана Ватто. Вещь нуждалась в реставрации, но сохранила былую красоту.

Свёрнутые ковры, около шести стульев, какой-то комод –

вот, пожалуй, и весь перечень.

Откуда в раздолбанной квартире, где остались только одни кирпичные стены, появились эти вещи?

Потом впоследствии у меня возникла версия. Не знаю, насколько она верна.

Дом населяли небедные люди. Гнали их бесцеремонно из родных гнёзд в окраинные районы.

Отчаявшись найти защиту в официальных структурах власти, они вынуждены были договариваться с бандитами, выторговывая у них более подходящие варианты выселения за счёт оставляемых семейных реликвий.

Иначе откуда эти вещи могли взяться? По той же причине я увидела и два реставрируемых старинных шкафа среди разрушенных стен.

По окончании описи Ш-ский подозвал меня и почему-то начал советовать, какую цену на мой взгляд можно поставить против каждой вещи. Названные мною от потолка цены, продиктованные исключительно эмоциональным восприятием увиденного, были занесены в протокол.

Стали расписываться. Ш-ский поставил свою подпись, поставил кто-то ещё. Последней для подписи протянули протокол в темноте мне. Расписалась, не читая, доверчиво полагая, что речь идёт о моём присутствии в качестве понятой.

Через день ранним утром на обходе по территории я увидела сбитый замок с двери чёрного хода дома по Малому Кисловскому переулку, ведущей во внутренний двор. По ха-

рактеру взлома было очевидно, что дверь выдавливали изнутри, выйдя по лестнице чёрного хода из опечатанной накануне квартиры.

Вот тогда то, бросившись в контору и открыв оставленную мне копию протокола, я с ужасом прочла перед своей фамилией, что являюсь ответственной за хранение описанных вещей.

Вот это подстава! Да ещё от кого! От самой Прокуратуры!

Мои лихорадочные звонки главному следователю прокуратуры Тамаеву советовали переадресовать в милицию, написав заявление на имя начальника, а к прокуратуре данное происшествие, якобы, уже отношение не имеет.

В общем – кинули и так коварно.

Растерянность и паника – вот всё, что я в тот момент испытывала.

Заявление было написано, зафиксировано. Пришёл участковый, послушал, ухмыльнулся и дело спустили на тормозах.

Здесь стало ясно, что наверху – хаос и бардак, и, уходя впоследствии из конторы, сняла копии со всех своих актов по данному дому и с заявления в милицию. Больше никому не верила.

Власти опомнились только через несколько лет, когда я там уже не работала. Меня вызвали, потому что из каких-то верхних структур МВД пришли вскрывать эту квартиру. Долго возились с парадной дверью, а когда с помощью болгарки срезали замок, квартира оказалось абсолютно пустой.

Только на двери с внутренней стороны висела бумажка: «Ди-ма, уходя, захлопни дверь».

Стали опять подсовывать мне протоколы на подпись. Я сопротивлялась, меня уговаривали, успокаивали. Я плюнула и подписала, что квартиру сдала обчищенной до нитки.

Вот теперь спрашиваю себя, каким образом человеку, жившему на расстоянии километра от арестованной квартиры, можно было назначать её охрану? Ведь тогда у её дверей мне надо было стоять и день, и ночь.

И через почти пятнадцать лет получаю бумагу с вызовом к следователю.

В силу некоторых сложностей со здоровьем не смогла прийти сама и в телефонном разговоре рассказала ему всё, что знала об этом доме и его странных владельцах.

Потом положила трубку и задумалась.

Что-то не в порядке в Датском королевстве. Кто-то с кем-то что-то опять не может поделить. Опять наверху происходит какая-то схватка, отголоски которой мы – маленькие люди, попавшие в маховик бюрократической машины – испытываем на себе.

И на каких островах отдыхают сегодня эти Козленки, Бычковы со всеми их покровителями и все прочие участники афёры «Silver heaven»?

До сих пор ума не приложу, куда вся эта красота из квартиры второго этажа по Малому Кисловскому переулку могла подеваться.

Пройдут десятилетия, и дальний потомок вельможных бандитов, сидя за овальным полированным столом бежевого цвета с коричневой инкрустацией в центре, будет раскладывать пасьянс, сверкая крупным бриллиантом на мизинце. В зубах у него – гаванская сигара, пепел от которой он привычным жестом смахнет в фарфоровую вазу в виде нежно-розовой раковины, которую ему будет протягивать розовая няда. Над столом с львиными лапами – старинная люстра из тёмной бронзы. Она посылает свой неяркий свет сквозь переливающиеся всеми оттенками радуги плафоны из гранёного хрусталя.

И в неспешной беседе потомок бандита расскажет зачарованным гостям о своём высокородном прадедушке, от которого и досталось всё это великолеpie.

Может быть, алчность есть необходимое свойство человеческой природы, некий двигатель?

И в нулевых этот двигатель, усовершенствованный по мощности, оставил далеко позади всех козлят и бычков из зоопарка девяностых?

Но с другой стороны, история знает иные примеры.

Великий Леонардо, как рассказывает Джорджо Вазари, отказался от виноградников, подаренных ему меценатом герцогом Лодовико Моро.

А Анна Ахматова сказала устами китайского поэта:

*Так жизнь моя становится всё проще,
И вот при мне остались, наконец,*

*Лоз виноградных, может быть, десяток
И списки всех мне дорогих стихов.
И никогда меня не покидают,
А значит – любят: ветер и луна.*

Неужели Антуан Ватто?

Как– то днём по Среднему Кисловскому переулку шли двое – мужчина лет за сорок и молодой парень не старше двадцати пяти – двадцати шести лет. Оба были одеты в неза-тейливые плащи светлого цвета. Шли они уверенно и молча, сосредоточенно глядя вперёд, и, казалось, весь мир для них не существовал. Они были отчуждены от улицы, возможных прохожих, деревьев, машин – всего того, что, окружая нас, незаметно откладывается в сознании.

Им было абсолютно всё равно, где они, что вокруг них. Выражение лиц обоих выдавало одну и ту же мысль, целеустремлённо и по-деловому витавшую вокруг этой отгороженной от мира пары. Шли они уверенно в сторону сквозного двора Консерватории, выходявшего в Рахманиновский зал. Завернули во двор налево, а потом юркнули в арку справа, выходявшую третьим проходом в соседний двор, и исчезли из виду.

Там в стене арки была неприметная низенькая дверь, за которой и были сокрытые от глаз непосвящённых сокровища. Никто не знал об этой двери, а если и знали, то не по-

дозревали, что хранят два заговорщика в двух просторных помещениях, неожиданно открывавшихся за маленькой дверью в толстых стенах старинного здания.

Девяностые, суматошные – за всеми ли подворотнями уследишь в эти заполошенные года.

Каждому бы только самому выжить, а ещё лучше – обогатиться любым способом; все были заняты только собой.

В двух достаточно просторных комнатах почти от пола до самого потолка висели картины, написанные маслом. Это было собрание картин соц. реализма, относящихся ко времени где-то от сороковых до конца шестидесятых годов. Были там деревенские пейзажи и городские ландшафты, были запечатлённые для потомков первомайские демонстрации, картины городской осени с бульварами Москвы, строек с башенными кранами, жанровые сцены городской жизни и многое чего ещё.

Инспектируя территорию, я позвонила, и мне открыл молодой парень.

И обходя этот импровизированный музей в подворотне – надо было ознакомиться со всеми помещениями своего участка, – я наткнулась на уникальный портрет маслом. Висел он в неприметном углу под самым потолком второй комнаты, где стоял стол с телефоном. С портрета на меня смотрел военный музыкант с трубой на фоне голубого неба. Мажорный тон всей картины, яркого летнего дня, чистого неба, блестящей на солнце трубы – вот-вот заиграет – подчёрки-

вал контраст со взглядом серьёзных глаз трубача. Глаза не улыбались и были полны страдания. Они что-то хотели сказать и не могли. И великая тоска и несвобода этого с виду обыкновенного человека, одетого в военный френч, заставляла остановиться и задуматься о времени. Глаза, взгляд были переданы мастерски, и на каком-то своём условном языке рассказывали нам об истинной жизни целого поколения и о том, что творилось в душах людей за фасадом вечно ликующих демонстраций и жизнерадостных физкультурных парадов. Не сказав ни слова, художник сказал всё.

Меня отрезвил международный звонок. Молодой парень, до этого момента спокойно что-то записывавший в блокнот, живо схватил трубку. Он радостно здоровался с кем-то на том дальнем конце провода и договаривался по-английски о предстоящей художественной выставке за рубежом. Все висевшие картины предназначались на вывоз для выставки, и шёл оживлённый разговор об условиях перевозки и сроках. Он был чрезвычайно возбуждён, и было ясно, что и в этой выставке, и в зарубежном абоненте очень заинтересован.

В момент переговоров обо мне, непонятной тётки в тулупе и деревенском платке, парень совсем забыл.

Прошло несколько минут после звонка, и в помещение вошёл его старший напарник. Увидев незнакомого человека в своей пещере сокровищ, он нахмурился и вполголоса начал высказывать недовольство молодому парню. Даже узнав об официальной цели моего появления, мужчина не пере-

стал досадовать и всем своим видом выказывал нетерпеливое ожидание моего ухода.

Видно было, что задумывалось что-то незаконное, и лишние свидетели были нежелательны.

Вот почему лица этих двоих, шедших по Среднему Кисловскому переулку через несколько дней после моего нежелательно визита, читались мною как открытая книга. Хотя для непосвящённых оба смотрелись вполне обычно и неприятно.

Вернулись ли назад из-за рубежа картины, и где сейчас военный трубач с его печальными глазами?

Через месяц дверь в арке закрылась наглухо. Арендаторы навсегда покинули помещение.

А вот в музее искусства народов Востока, что на Суворовском бульваре (ныне Никитский), я с детства помню японскую нэцкэ изумительно тонкой работы. В слоновой кости запечатлена сцена, как рыбак забрасывает сеть. Она надулась над ним в виде паруса, и мастер каждую ячейку сети вырезал с уникальной тщательностью, передавая застывший в слоновой кости момент броска.

В девяностых редкостная по красоте нэцкэ исчезла. И сколько я ни расспрашивала зрителей о ней, никто не мог вспомнить.

Совсем другими были супруги Молевы.

Однажды из дома 8 по Суворовскому бульвару прозвенел звонок, и срывающийся от волнения женский голос попро-

сил срочно прийти, потому что из верхней квартиры, якобы, были попытки к ним залезть.

В неярко освещённой квартире меня встретили двое пожилых супругов. Её звали Нина Молева, его – не помню.

Наперебой стали рассказывать о странных шагах по ночам в верхней квартире, где никто не жил.

– А ведь у нас ценная коллекция живописи, – говорили они шёпотом и при этом широко раскрывали глаза. – Мы давно звоним в министерство культуры, чтобы нам предоставили другое помещение, соответствующее нашей коллекции. На худой конец предоставили бы верхнюю квартиру для размещения части коллекции.

Дом действительно был хуже некуда – аварийный подъезд, потрескавшиеся стены, раздолбанные лестницы. Лет ему было под сто пятьдесят. Но что в этом требовании соответствовало истинным намерениям коллекционеров, мне так и осталось неясно.

В прихожей висела картина небольшого формата.

«Неужели Антуан Ватто?» – негромко воскликнула я. Хозяева как будто только и ждали этого возгласа. Переглянувшись, они придвинулись к моему лицу и в полном изумлении от такой осведомлённости закричали: «Ну конечно! Подлинник!»

С этого момента забылись все стуки по ночам в верхней квартире, – меня больше не отпускали и начали детальную экскурсию по всей квартире. Все комнаты были увешаны

картинами западноевропейской живописи. Над входом одной комнаты – картина Маньяско.

– Да, да, – почти кричали супруги, – именно Маньяско.

– А это, кажется, Рубенс? – заражаясь их эмоциями, заахала я.

– Нет, это школа Рубенса – и мне назвали имя художника.

Кажется, был там и Веласкес, ещё какие-то художники.

Сейчас уже не помню.

Супруги растаяли от моей осведомлённости и начали рассказывать и о своих картинах, как рассказывают о любимых детях человеку, выказавшему им особое восхищение.

И лишь когда имя знаменитого французского мебельщика, произведениями которого была обставлена одна из комнат, мне оказалось совершенно неизвестно, коллекционеры пришли в ужас.

– Как можно не знать великого Буля?! – воскликнули они хором. – Мебельщика Людовика XIV?

Супруги Молевы передвигались от шедевра к шедевру и, показывая очередное сокровище, на мгновение замирали. Пристально вглядывались в моё лицо и ждали. Казалось, от моего приговора зависит их жизнь. Если художник мне был известен, то у супругов вырывался радостный крик, а если нет – начинали наперебой рассказывать о картине.

Было несомненно: вся жизнь Молевых – в этой коллекции. Они ходят на цыпочках вокруг своих деток, сдувая пыль со своих сокровищ, и даже неизвестно, где спят и едят. И

вот, наконец, пришёл человек, который их понял и разделил с ними неземной восторг, и – можно было подумать со стороны – стал им родным.

– А теперь мы покажем вам самое главное – торжественно и почти шёпотом произнесли Молевы.

И меня повели в самую дальнюю комнату.

Освещенная яркими софитами висела картина: на зелёном фоне – мадонна с младенцем.

– Великий Леонардо – прошептали супруги и отпрянули, как бы оставляя меня наедине насладиться шедевром.

Они замерли в молчании, предоставив мне возможность насытиться вволю картиной, но при этом устремив на меня немигающий взгляд. Наступила гробовая тишина.

Признаюсь, на меня нашла оторопь. Здесь в полуразвалившемся доме, где в пятидесяти метрах воеет ураганный трафик из машин, троллейбусов, где нескончаемо и днём, и ночью льётся непрерывный людской поток, а рядом – арбатский бомжатник с вечно пьяными тусовщиками у алкогольных ларьков, – и Леонардо да Винчи?

Не такой уж я знаток живописи, но что-то странное показалось в ярко освещённой мадонне.

Странная инфантильность в лице, скорее даже – бесплотность. В позе, в полуопущенной головке какая-то смесь между «Мадонной Литтой» и «Мадонной Бенуа». Как будто художник рисовал свою мадонну под впечатлением этих двух, ранее виденных. Потом вспомнилось, что картины Леонардо

с годами темнели из-за состава красок, которые он изобретал сам. А эта картина поражала невыразительным светло-зеленым цветом, как у только что пробившейся весенней зелени. Но от меня ждали исключительно восхищения, и я умолчала о своих сомнениях.

– Это его раннее произведение. Он написал его в семнадцать лет, – трактуя моё затянувшееся молчание как естественное оцепенение от восторга, промолвили супруги.

И я подобающий моменту священный восторг выразила. Иначе как – горящие фанатичной любовью глаза рядом, а выходная дверь далеко. Мне вдруг стало страшно.

Не хотели Молевы отдавать своё сокровище на экспертизу, но всё министерство культуры поставили на уши, и им прислали охрану. И чем дело кончилось, не знаю, но, судя по отсутствию мировой сенсации, мнимый Леонардо не впечатлил в министерстве никого.

Книга 2

Портреты

По ртрет 1

Его семья, мать и брат, бежали из Степанакерта, когда азербайджанцы начали убивать армян.

Это было первое кровопролитие времён Горбачёва.

Тогда, сказал он, если бы была проявлена государственная воля, и зачинщиков публично наказали, страна не погрузилась бы в пучину следовавших кровопролитий. Не знаю, не берусь судить.

Ещё он сказал, что видел, как седеют восьмилетние дети, когда в дом рвутся их убивать.

Больше об этом мы не говорили, да он сам эту тему впоследствии никогда не поднимал.

Его дед, Наринян, был соратником Ленина. Бабка, старая большевичка, жила в Москве на Арбате в огромной семи-комнатной квартире.

Когда разрешили приватизацию, старая дура категорически отказалась приватизировать свою квартиру. Она рассматривала её исключительно как государственную собственность и считала, что после её смерти квартира должна

перейти только государству.

Государство её отблагодарило, разбросав всех её родных после Степанакерта по разным углам равнодушного Отечества.

Мать, образованная армянка, всю жизнь прожившая в городах, очутилась под Смоленском в совхозе и, чтобы выжить, на старости лет занялась сельским хозяйством. Брат где-то учился, а Володя Наринян пришёл работать к нам дворником за жалкую служебную комнатку, где поселился вместе с женой Ларисой и только что родившейся дочкой.

Он пил и, уходя в запои, становился страшным. Лариса прибегала ко мне со слезами.

Запои носили какой-то зловещий характер. Как дикий зверь, чувствующий приближение смерти, уходит из стаи, так и он для этого безобразия скрывался ото всех в своей комнатке. И только соседи, такие же бедолаги-дворники, обречены были наблюдать это его звериное состояние.

Трезвый Володя Наринян, казалось, жил вполне обычной жизнью.

Он окончил два института – горный и ВГИК, был очень образован, тем образованием, которое дают в старых интеллигентных армянских семьях.

Во всяком случае, ни простоты, ни простоватости в нём не было. Он чувствовал момент, был лёгким в общении, умел вовремя уйти в сторону из под удара, анализировал ситуацию, до конца не раскрывался не потому что не хотел, а пото-

му что никогда никому не навязывался. Даже о трагедии Степанакерта говорил как бы мимоходом. На лице его, несмотря на жизненные перипетии, не было уныния.

В общем, если бы не эта тайная и пагубная страсть, – нормальный человек.

Однако легко общаясь со всеми, он ни с кем не дружил, кроме умницы Тонаканяна, работавшего у нас плотником. Он и не мог ни с кем дружить – слишком большая разница в уме и образовании была между ним и остальными работниками конторы.

Как-то после общего собрания, где у меня была сшибка с начальством по поводу рубки сухостоя неподготовленными людьми, он подошел ко мне и тихо сказал: «Будьте осторожны. Если что-то понадобится, они не пойдут Вам навстречу». Сказано было вскользь, глядя в сторону.

Жизнь Наринян знал лучше меня.

Мы шли по Большой Никитской, когда он неожиданно бросился на другую сторону улицы. Там появилась его жена, тогда ещё беременная. Нежно обнял её, поцеловал, что-то стал спрашивать.

Лариса была с ним несчастлива, но болезненно привязана к этому непростому, заблудшему, безнадёжному неудачнику теми узами, что возникают между двумя навсегда прибитыми друг к другу несчастливыми людьми.

Когда родилась дочь, он принёс на плечах где-то нашедшуюся старую тяжеленную тахту. Наринян нёс её для своей

дочери из последних сил, обливаясь потом и низко согнувшись под тяжестью, через всю Никитскую. Денег для покупки новой кровати не было.

Потом, когда девочка стала подрастать, он начал поиски пианино. Может быть кто-нибудь в нашем районе выставит инструмент за ненадобностью.

И в одном покинутом учреждении мы наткнулись на оставленный старинный инструмент.

Коричневое, под красное дерево, пианино прошлого века с резными завитками на корпусе и вставками для свеч.

Многие клавиши его были варварски выдраны. Кто-то хорошо на нём потоптался. Учреждение съехало давно, и дом стоял долго с выбитыми окнами. Словом – наш пейзаж.

Погрузив тяжёлое пианино на дворницкую тележку мы – а было нас несколько человек – с громким гиканьем, свистом, шутками и прибаутками повезли его по Малому Кисловскому переулку, затем выехали на Большую Никитскую, напрямиком к его жалкому приюту. Вся улица встала, и народ, шараясь в разные стороны, с удивлением смотрел вслед ораве оборванных бомжей, оседлавших антикварное сокровище.

Всё было напрасно. Как впоследствии выяснилось, инструмент не подлежал восстановлению.

Слышала, что его дочь росла умницей и очень хорошо училась в школе. Гены.

Ещё он был сокрушительно остроумен. Помню, как, очищая лопатой снег с тротуара на Большой Никитской, он пре-

вратил работу в спектакль одного актёра с таким фейерверком веселья и шуток, что все прохожие останавливались и от души хохотали. Затем под занавес, сгребая лопатой грязный, тающий снег с проезжей части, Наринян низко наклонился к древку, вытянул шею вперёд и, как бы оседлав своё орудие труда, с диким криком и воем побежал, сверкая пятками, по тающей жиже, толкая перед собой растущий снежный ком. Публика зашлась от восторга. Чем не театр?

Как-то идём втроём, – справа Наринян, слева Нагаев, студент ГИТИСа. Он тоже у нас работал дворником и одновременно учился. Они затеяли разговор, в котором мне не было места.

Шли два оборванных, усталых молодых парня и декламировали японские хоку, потом перешли к ОБЭРИУТАМ. Зазвучали шутки Хармса, рассказы из жизни весёлой компании.

Короче, сюр да и только!

В принципе Наринян тяготился работой дворника. Да и как ею не тяготиться?

Однажды, придумав причину, отпросился с общих работ. А когда после этих работ я проходила мимо столиков у магазина на Богословском переулке, он сидел там за витринным стеклом и спокойно пил кофе. Мы встретились глазами, и Наринян понял свою оплошность. Ожидал нагоняя, как в нашей конторе было принято. Но я прошла мимо, каким-то шестым чувством ощутив, что ему нужна была в тот день

отдушина от рабской лямки, и поэтому он солгал.

Но не всё так просто. Помимо алкоголизма у него были ещё и тёмные стороны.

Он мог воровать.

Однажды я заметила пропажу нескольких банок краски из подсобки. Бегала, искала, спрашивала. И знающие люди мне указали на него. Сначала не поверила, а потом вспомнила, что он просил у меня ключи, чтобы переодеться в подсобке. Больше никому ключи я не давала. Грустно.

Прошло время. И вот однажды он на чердаке дома на Суворовском бульваре разглядел ветхие балки потолка одной квартиры. Дождавшись отъезда хозяев, Наринян расширил лаз и полез в квартиру. За что-то зацепился и полетел вниз, переломав ногу. Его поймали, отвезли в больницу. Он долго лечился. Что там дальше было, не знаю. Я уже в конторе не работала. Совсем грустно.

Значит, меня не зря предупреждали осведомлённые люди.

Последний раз встретила его на Тверском бульваре напротив МХАТа. Мы сели на лавочку, выкурили по сигарете, вспомнили наше непростое прошлое. Оба в конторе уже не работали. Он выглядел опустившимся не столько внешне, сколько внутренне. Как будто произошёл духовный надлом, и он махнул на себя рукой. Прощаясь, Наринян поблагодарил меня с жалкой улыбкой, что не побрезговала его компанией.

Мне стало неловко.

По ртрет 2

С Ориной я работала недолго. Одинокая, грустная старушка. Она потеряла единственную свою радость – сына, и осталась одна. То ли он отчего-то умер, то ли его убили. Не помню.

Фотографию своего дорогого мальчика Орина хранила за стеклом в буфете в своей маленькой комнате, бедно обставленной, но чистой и прибранной.

– Это мой сын – тихо, с покорностью в голосе сказала она.

Он сфотографирован был почему-то на фоне мусорной свалки величиной с высокий дом.

И этот неожиданный фон только на первый взгляд казался нелепым.

Симпатичный юноша стоял, чуть-чуть расставив ноги, и как бы говорил: «Да, это я. А это моя жизнь. Вот такая, какая она есть, и приукрашивать её не стану. Это лучший пейзаж в моей жизни, и ничуть его не стесняюсь. И моя бедная мать – простая уборщица».

Она мыла грязные, старые подъезды на Суворовском бульваре совсем рядом с злачной тусовкой, что была у перехода в начале Арбата. Там всё время собирались за столиками у ларьков, пили, изливали друг другу душу, говорили за жизнь. Иные завсегда этих камланий, как правило сомнительного вида или совсем опустившиеся, вторую часть своих попоек переносили в её подъезды. Вдали от суетного Арба-

та, в спасительной темноте никогда не освещавшихся подъездов спокойнее было колоться и удобно справлять большую и малую нужду.

Орина безропотно собирала за ними шприцы и всю грязь, что они за собой оставляли.

Не знаю, как Орина жила раньше – я застала закат её жизни. Но в печальном голосе, тихой покорности, светившейся в старческих глазах на бледном, выцветшем лице, в горькой отрешённости всего облика маленькой, хрупкой старушки была какая-то бесконечная безнадежность, будто она никогда не знала молодости, никогда не смеялась, а всю убогую жизнь мыла и тёрла старые подъезды и всегда ходила в заношенном пуховом платке и в потёртой рабочей робе.

В абсолютном отсутствии подобострастных ужимок, подхалимной болтовни со мной, как с её начальником, суетливой поспешности угодить и понравиться сквозило истинно христианское смирение перед судьбой, непоказное, а выстраданное равнодушие к мирской суете, какая бывает у много страдавших и много испытывавших людей. Она была проста и искренна.

Лишь однажды Орина с горечью поведала своим тихим голосом, как устала убирать чужие плевки и дерьмо и что больше ничего другого в жизни не видела, никогда, никогда.

– Если б Вы знали, как это противно, – грустно добавила она.

Провожали Орину на пенсию на общем собрании дворни-

ков. Сказали ласковые слова и забыли.

И зачем жил человек?

По

ртрет 3

Лизунов Илья Семенович!

Сколько чудных звуков в этом имени для сердца русского слилось.

И только его соседи внизу знают, что сливались не только звуки. На их головы обласканный властью мордописец почти ежедневно лил сточные воды из прохудившейся трубы в полу ванной.

Внезапный потоп орошал регулярно потолки и стены нижерасположенных квартир после проведенного у Ильи Семеновича ремонта с перепланировкой санузлов. И, как бы вы думали, кем? Лучшими строителями Европы – финнами.

Илья Семенович вообще-то любит всё русское, но ремонт – совсем другое дело. Да и в строительных материалах знаменитый патриот предпочитал импорт. Вот, например, нерадивым сербским ремонтникам, облицевавшим стены туалета в квартире его сына отечественной плиткой, был устроен скандал, и плитку заменили испанской.

Ну, впрочем, ничего страшного в этом нет. Ведь плитка – это тебе не лапти. Испанские лапти оскорбили бы русофильскую душу великого художника и, непременно, были бы заменены на русские. А плитка – так, мелочи.

Власть любила Илью Семеновича и часто навещала его

квартиру в Калашном переулке.

Известие о высочайшем визите заранее поступало в Авдодор, и Калашный вставал на уши.

Мощные асфальтоукладчики, фырча и воняя гудроном, в срочном порядке заделывали выбоины в асфальтовом покрытии, по которому должна была проехать сиятельная карета мэра. Дружба на Калашном была трогательной, но, как показало время, ничто не вечно под луной, и теперь, надо полагать, Илья Семенович навещает с ответным визитом мэра уже в Австрии.

К слову сказать, жителям Большого Кисловского переуллка повезло меньше. Илья Семенович там не жил и поэтому карета мэра туда никогда не заезжала. По этой причине выбоины на проезжей части асфальта соревновались по глубине и числу с выбоинами его тротуарной части много лет подряд и, казалось, жили и размножались почти по человеческим законам.

Так вот. Лил и лил Илья Семенович сточные воды из своей ванны на головы терпеливых русских соседей, невинно округляя свои бесценные глазки при любой жалобе на это свое невинное безобразие.

И вот однажды штукатурному слою потолка на кухне в нижней квартире надоело намокать, и он рухнул. Хозяйка только-только отошла от плиты на кухне, над которой Илья Семенович с художественным легкомыслием установил вторую ванную. Это и спасло её от неминуемого увечья – в ста-

рых домах штукатурные слои ох как тяжелы.

Пришлось идти на правёж и знакомиться с капризным гением.

В необъятной квартире среди бесчисленных полотен западноевропейских живописцев стоял невысокий седой старик с отвисшим животом в коротком халате, из под которого выглядывали худые старческие подагрические ножки в домашних шлёпанцах. Он был окружен стайкой выпорхнувших из дальних покоев, щебечущих молодых девиц не старше двадати лет. Они обступали его плотным хороводом с весёлым выражением лиц, и было непонятно, что делает в их компании старик в халате.

Диалог слепого с глухим состоялся. Из него стало ясно, что никакое извержение вулкана не может убедить старого человека с явно шизофреническими отклонениями внять голосу рассудка.

У него всё в порядке, потому что у него всё в порядке, ибо иначе и быть не может.

Но я не сдавалась и однажды пришла с предписанием, где драматично было проанализировано недавнее происшествие и предупреждалось об ответственности, а заодно предлагалось возместить ущерб, нанесённый соседям.

Дверь открыла девица лет двадцати пяти. Пухлые губы в ярко-оранжевой помаде стонали: «Целуй меня!» – это первое, что бросалось в глаза. Округлые плечи и вываливающиеся два шара были охвачены чёрной прозрачной, переходящей

дящей в ажурный гипюр, материей. Декольте явно служило неприличному назначению, больше открывая, чем закрывая, а рукава были из того же гипюра, но в крупную сетку.

Мадемуазель ждала своего господина в боевой готовности, и в голосе звучала вежливость вышколенной содержанки. В словах слышался акцент то ли рязанской, то ли ещё какой деревни.

Я ушла, оставив предписание. С таким же успехом можно было оставить пустой лист.

Потом я видела, как припертая к стене в подъезде мадемуазель в норковой пелерине, изнемогая от наседавшей на неё соседки, той самой, чуть не покалеченной упавшей штукатуркой,

слабым голосом с драматической истомой восклицала с рязанским акцентом:

«Ах, оставьте Илью Семеновича. Ну, сколько денег вам нужно?»

Голова её при этом артистически запрокидывалась назад в полуобморочном мороке, а выражение лица изображало жертвенное страдание святой Цецилии, окруженной грубыми варварами.

И такая отчаянная готовность защищать от вульгарной толпы национальное достояние и такое осознание своей святой миссии озаряло рязанскую мадонну, судорожно теребившую свою норковую пелерину!

Ни Илья Семенович, ни его рязанская муза за своё свин-

ство так и не расплатились.

Это сделал его сын Иван, грустный и молчаливый парень, возраста папиной мадемуазели.

Им он ничего не сказал.

Потом, уже на выставке Глазунова, переполненной бесконечными плоскими пейзажами и портретами с глазами, у большого полотна в центральном зале меня обожгло – бац! – опять она.

Привет, красавица!

Двадцатипятилетняя страсготерпица стояла на мосту в Венеции, выставив на перила руку в сетчатом гипюровом рукаве как тайном знаке их союза. Насчёт сисек – не помню, но на лице всё то же выражение святой миссии.

А ключи от своего чердака, через который можно было пройти для сброса снега с крыши, он мне так и не дал и проход не обеспечил. Поэтому в единственные выходные, когда я могла вволю побыть со своими маленькими детьми, мне приходилось с помощью нанятых альпинистов весь день проводить очистку крыши над мастерской распоясавшегося от своей безнаказанности старого маразм.....пardon, гения.

Портрет 4

«...мы почитаем всех нулями, а единицами себя...»

В социальной изгойности есть свои преимущества.

Находясь внизу, лучше видишь сущность окружающих, которым не надо притворяться перед тобой. У многих из нас неосознанно выглядывает мурло Чичикова, если мы не заинтересованы в ком-то.

Мои дворники часто с этим сталкивались, ведь для окружающих они были Коробочками.

При виде оборванных, безответных, в заношенной одежде и старой обуви уборщиков чужих плевков находились те, кто мог грубо к ним обратиться и, по-существу, всегда на «ты».

Это российское хамство совершенно спокойно переносили только дворники-татары.

У них была своя система ценностей, свои какие-то приоритеты, где русским не было места и где уборка говна рассматривалась как неизбежное для выживания действие в стане врага, а после наступала своя жизнь, куда кроме соотечественников они никого не пускали.

У русскоязычного населения, выметенного ураганными ветрами девяностых из республик Средней Азии и Кавказа, вынужденно взявших в руки метлу и лопату, дело обстояло просто-таки трагично.

Вот строитель из Ташкента. Бросил всё – дом, сад, квартиру со всем нажитым. Здесь, поступив на работу дворником, первое время спал на земляном полу в дворницкой, да и потом ютился в маленькой служебной комнатухе.

Вот красивая молодая женщина Лиана Панцулая. Бежала

из Сухуми вместе с сыном и престарелой матерью после того, как у нее на глазах абхазец отрубил голову своему другу детства грузину. Там шла война. И ей пригрозили расправой, если она не уедет вовремя. Лиана была инженером-технологом.

Лиана печально рассказывала о брошенном доме с огромным количеством книг, роялем и белой мебелью в стиле «Людовик».

Сын же ее, еще школьник, не будучи принят под надуманным предлогом в привилегированную школу №60 нашего района, вынужден был ездить на метро в дальний район.

Однажды утром его толкнули в давке, и нога попала между перроном и вагоном. Он долго лечился и остался хромым.

Задержавшись в Сухуми, чтобы перевезти сюда маму и кое-какой скарб, она к ужасу своему обнаружила выросшую за это время толстенную наледь на своем участке.

Начальство пригрозило ей увольнением и, как следствие, выгоном на улицу всей семьи из служебной комнаты, если наледь не будет ликвидирована за пять дней.

Тогда на помощь пришел ее пожилой друг, москвич, радиоинженер, такой же изгой, потерявший работу и все время опекавший и поддерживавший ее. Он, высокий седой мужчина с грустным и строгим лицом русского старообрядца, обратился к своим братьям-прихожанам из церкви, что рядом с рестораном «Арагви».

Они пришли и ломami очистили участок от наледи.

Потом, когда в дом №3 на Романовом переулке к какой-то «шишке» приезжала Маргарет Тэтчер, для очистки асфальта ото льда пригнали грейдер. Тогда я и узнала, как быстро ликвидируется толстая наледь.

А для Лианы, слабой женщины (какой уж тут грейдер) был только один путь – на улицу.

Здесь за год непосильной работы Панцулая превратилась в резко постаревшую женщину. Мать умерла, а сыну понадобилась психологическая реабилитация. Я слышала, он впоследствии уже студентом попал в психбольницу.

Из Баку бежала красавица Рафига, полурусская, полуазербайджанка, бывшая кадровичка. Работая здесь дворником, она в трескучие морозы таскала с дальних домов ведра с водой для мытья подъездов в старом доме с расшатанными каменными лестницами. Начальство не заморачивалось проведением отводного крана в обслуживаемом доме. Через год она превратилась в усталую, постаревшую женщину, но все еще красивую.

К счастью, Рафига вышла замуж за парня, тоже недавно пришедшего к нам на работу.

Он был очень худ, высок и с какой-то аурой вольности в каждом жесте и в каждом повороте гордого орлиного профиля. Жизнью не избалован. А по фамилии Ермак. Они быстро купили в Александрове дом и уехали.

Глухонемой Золотарёв был насильно прикреплен ко мне в качестве дворника, хотя я и высказывала опасение, что не

смогу полноценно объясняться с ним в оперативной ситуации. Наслаждаясь своим остроумием, начальник ответила мне, что у меня появилась возможность к русскому и английскому языкам изучить ещё и язык глухонемых. То, что на обширном участке в восемь улиц, может возникнуть опасная ситуация, с которой глухонемой не справится, почему-то в расчет не принималось.

А Михаил Золотарёв неожиданно для всех оказался очень трудолюбивым и исполнительным.

Он обладал большой силой и, обливаясь потом, ворочал тяжелейшие тачки на своём участке.

Я тогда поняла, что отрезанные своим недугом от суетного мира, глухонемые лишены коварства, склонности к интригам, мелочной зависти и прочих грехов. Он трудился за сущие гроши честно и изо всех сил.

А тихий парень Алёша пришёл в дворники из тюрьмы. За время его заключения родные выписали Алёшу из квартиры, и он скитался, где придётся, пока не пристал к нам. Очень молчаливый, весь ушедший в себя, со стеснительной улыбкой и всегда готовый выполнить любую работу.

Чудеса какие! Кто же сидит в наших тюрьмах?

Ещё долог список человеческого горя – антология отчаяния сломленных судеб.

Портрет 5

Филиппенков Игорь был пассивный гей. Уж какими ветрами занесло его к нам, не знаю. В нашей дворницкой команде перебывало много отверженных. ГРЭП – живой слепок реальной жизни, которая скрыта за бодрыми официальными сводками.

Я поначалу ничего не понимала, но его манеры настораживали сразу.

Игорь был очень обидчив. Бывало, сделаешь ему самое пустяковое замечание, а он начинает по-бабьи препираться, да так упорно, что в следующий раз уже боишься к нему подступить.

Так вроде юноша не вредный и не злой.

И ростом вышел, и не хилый с виду, а все равно в подчеркнуто аккуратной внешности, некоторой вытянутости узкого лица, собранности мягких манер, отсутствии рабочего пыла на общих работах не чувствовалось мужской удали.

Он старался не быть на виду – как все и в то же время в стороне от всех. Где-то подразумевались друзья, но никто ничего не знал о его семье, родителях. Якобы, где-то учился, во всяком случае, часто куда-то отлучался.

Однажды, выбрав момент, когда мы остались в комнате техников одни, он стал расспрашивать меня, как хорошо я знаю английский. Вопрос на первый взгляд выглядел рито-

рическим.

Ну да, знаю немного.

После некоторого колебания он спросил, могу ли я переводить тексты. Могу.

Видно было, что он что-то хотел спросить еще, но не знал как перейти от вопроса из области чистого любопытства к практической просьбе.

Так и не решившись, Филиппенков встал и ушел, а я потом долго недоумевала, что ему было нужно?

В другой раз он попросил меня подписать отпуск на две недели в феврале. Месяц не простой для дворников и причина должна быть веской.

Оказалось, что ему срочно нужна госпитализация в связи с затемнением в легких и подозрением на туберкулез. Что тут скажешь? Бумага тут же была подписана и пошла наверх для дальнейшего оформления. Тут то меня и вызвали к начальству для объяснений.

Я с жаром заговорила о срочной необходимости лечения бедного юноши, не оставляющей иного выхода.

Мой спич был встречен глубоким молчанием, и люди понимающе переглянулись, будто им было известно что-то такое, о чём мне не надо было, да и бесполезно в силу моей наивной природы, знать.

Через две недели Игорь вернулся – диагноз, к счастью, не подтвердился.

А вскоре, чуть не потеряв глаз на общих работах, когда

отскочившая щепка вонзилась ему рядом с нижним веком, Игорь взял расчет и покинул нас, съехав из служебного помещения.

Мы с бригадой дворников пошли убирать его комнату.

Все стены были увешаны фотографиями полуголых мужчин с рельефными мышцами, на полу валялся большой матрас, а вокруг и на подоконнике разбросаны шприцы.

Комната была завалена письмами и открытками на русском и английском языках из многих стран Западной Европы.

Русские друзья Игоря писали ему из Австрии о случайной встрече во время туристического вояжа со знакомой супружеской парой из России. Описание ссоры этой пары, подробное и смакуемое с большим удовольствием, кончалось естественным выводом об отвратительности женской природы и бессмысленности брака вообще.

В других открытках на английском предлагалась крепкая мужская дружба с перечислением всех её прелестей, недоступных простым смертным.

В письме из Великобритании мужчина откровенно расхваливал свою внешность, подробно описывал цвет волос, мускулатуру, цвет глаз, рост и т.д. Не скрывал своего нетерпения увидеть далекого друга и обещал не разочаровать его.

В конце он выражал надежду на скорую встречу в Лондоне в том самом феврале.

И кто б мог подумать о такой обширной географии у

скромного труженика метлы и лопаты!

Портрет 6

«... Большое видится на расстоянье...»

Не об Искусстве.

Мадам Каракатицу из её владений когда-нибудь вынесут ногами вперед.

Соберутся государственные мужи и потекут скорбные речи. Соревноваться друг с другом в категориях превосходных степеней будут и «... неоченимые научные заслуги...», правда не удостоившиеся Нобелевской, и «... выдающийся административный талант...», о чём речь ещё будет ниже, и «... патриотическое рвение в сохранении артефактов искусства...», к слову сказать, наворованных как в 20-е годы, так и в военные.

Вообще, феномен долголетия этой особы мог бы стать достойным объектом учёных исследований. Только ли генетика – высокие речи о горении на работе оставьте для наивных – причина её уникальной активности на десятом десятке?

Если жрать, пить, отдыхать в лучших уголках мира каждый год и когда захочется, иметь в своем распоряжении медицинское обслуживание по высшему разряду всю свою жизнь, – и никакой генетики не нужно. Без нее можно обойтись.

В романе «Доктор Живаго» упоминается повсеместное дилетантство первых большевистских начальников. Отец Каракатицы из электриков вдруг, бамц!— и директор Института Стекла в двадцатых.

А вот уже отпрыски советских небожителей, обожавших вещать массам о равенстве, выбирали (по причине, надо полагать, особой одарённости) стезю исключительно гуманитарного плана, но со звучным дипломом. Филологический, исторический, журналистский, искусствоведческий факультеты МГУ были их вотчиной, эдаким цветником, где взращивались будущие хозяева жизни и бойцы идеологического фронта. После окончания не очень замученные образованием детки плавно перетекали в перспективные организации и со временем попадали в руководящую обойму.

Каракатица, гладко озвучивая свою карьеру в телевизионной передаче, как водится, умалчивала о причине своего стремительного роста в послевоенные годы. Поработав в музее по окончании университета не более 16 лет, она вдруг получает из рук высшей власти благословение на директорскую должность.

Как-то во время встречи с тружениками села писателя Валентина Распутина спросили, должна ли дочь доярки становиться тоже дояркой. И последовал положительный ответ.

В семье Каракатицы директорство, видимо, носило традиционный характер согласно Распутину.

И автоматически великие и маститые, с мировым именем

и крупными, известными по всему миру монографиями ученые – востоковеды, арабисты, специалисты по Западноевропейскому искусству, по Возрождению, Средним векам, современному искусству, Древнему Египту, Ассирии и проч., превращаются в подчинённых этой пигалицы, ещё недавно их ученицы.

На колонне при входе в 7-ой зал золотом высечены их имена – академики, член-корр., профессора.

Видимо после войны, и не только, она с остервенелой бульдожьей хваткой вцеплялась в трофейные предметы искусства, невзирая на юридическую обоснованность. Наверху оценили.

Отнятые в Германии картины немецких художников стыдливо материализовались в зале № 5 где-то в нулевых, но с атрибуцией исключительно на русском языке – вынужденная половинчатая дань международному сообществу. Не все иностранные туристы поймут, что к чему.

В закромах музея теперь пылятся и, не преувеличиваю, гниют многие шедевры французского шпалерного искусства.

Одну из таких шпалер, на которой изображен пир античных героев, вывешивали в Мраморном зале во время проведения декабрьских музыкальных вечеров.

Поразительной красоты, в ярких красках шпалера, охватывая от пола до потолка полукружье сцены, с дальних расстояний завораживала. Однако при ближайшем рассмотрении были видны следы то ли плесени, то ли моли, полако-

мившейся по краям шпалеры значительной частью её орнамента, то ли следы физических дефектов. Да и по всей площади этого шедевра проступали многочисленные повреждения неизвестной мне природы. Ясно было сразу – преступное хранение сделало своё дело. Несомненно, требовалась серьёзная реставрация.

Пока жив был Рихтер, нас, небогатых зрителей залов, пускали бесплатно на декабрьские концерты. После его смерти мадам Каракатица распорядилась челядь убирать и пускать только по билетам. И в итоге для многих концерты прекратились вовсе.

Однажды на выставке приобретенных музеем работ вытащили из запасников картину итальянского мастера Возрождения – Давид с головой Голиафа. Около нее можно было стоять часами. Сколько же ещё прячут от своего народа, да и от мира в этом музее.

Как-то в подвальном помещении прорвало трубы. Очевидцы поговаривали о плававших в воде старинных манускриптах.

Протекала крыша. Не удосужились вовремя починить, ну хотя бы убрать часть картин на намокающей стене. В результате более мощного залития, когда влага текла по стене зала, пострадала знаменитая картина Дега «Голубые танцовщицы». Её убрали и теперь на вопрос осведомленных посетителей, где она, отвечают: «На реставрации».

А для нашумевшего золота Трои, тоже долгие годы для

всего мира считавшегося потерянным и пролежавшего в дальних углах музея, демонстративно выделили один из центральных залов, где в дорогостоящих экспозиционных шкафах тускнеют в полутьме многочисленно продублированные экспонаты.

«Не отдадим!» – девиз выставки.

А проклятым германским империалистам посыл: «Забудь надежду, всяк сюда входящий!»

Вечера банкиров – особая примета нулевых. Господа заказывали попойки в музее в Итальянском дворике. Накрывались столы, на белоснежных скатертях вырастали хрустальные горки фужеров, в ведерках со льдом топорщились бутылки, а в глубоком январе-феврале всю эту армаду расцветчивали блюда со спелой импортной черешней вперемежку с шоколадными наборами конфет. Особенно мне запомнилась черешня, которую так хотелось съесть, и грустная мысль о её недосыгаемости для моих детей – уж очень дорого.

Над праздничной суматохой приглашенных официантов невозмутимо возвышались суровые кондотьеры Гаттамелата и Коллеони, Давид Микельанджело, балкон Донателло, барелефы раннего средневековья. Банкирам требовалась на гулянках исключительно эстетическая атмосфера. А Карака-тице – деньги.

Смотрителей, естественно, к этому празднику жизни не допускали и выпроваживали вечером в конце смены. Но однажды мне удалось подсмотреть оплату за банкет из рук в

руки.

С её поверенным организатор попойки расплачивался толстой пачкой крупных купюр, тщательно и долго их пересчитывая. Не меньше ста тысяч. По тем временам очень немало.

Смотрители приобщались к празднику только на следующее утро и то на уровне запахов и воображения, когда нам навстречу из Итальянского двора вылетали полчища мух. Они праздновали на остатках крошек и пролитого на пол шампанского всю ночь, напоминая своим прощальным полетом о радостях жизни гудевших накануне банкиров. За банкирами потом приходилось убирать, разумеется, нам, скромным труженикам на ниве искусства.

Куда мадам девала деньги, не знаю, но только все эти гульбища на повышении жалких зарплат ни зрителей, ни экскурсоводов музея никак не отражались.

Говорили, её сын, лечился в больницах Швейцарии.

На непрозрачность финансовых дел музея директору иногда осмеливались указывать на собраниях, но безрезультатно. Её уверенность, надо полагать, черпалась из мощного, восходящего вверх денежного потока.

Были у неё две приближенные особы – так сказать, правая и левая рука.

Правая рука, её заместитель, – девица с интригующей особенностью иностранной фамилии Бельфлер, высокомерная и бестактная.

Однажды милая и вежливая смотритель на входе не могла отойти от своего поста ни на минуту и, обнаружив пропажу авторучки в регистрационном журнале, обратилась с просьбой к Бонами, где бы ей авторучку достать. Скандал разразился грандиозный.

Мадемуазель Бельфлер была в ярости от того, что к ней непосредственно посмели обратиться с самой низкой ступени субординационной лестницы.

В летние месяцы по залам музея Бельфлер цокала в шлепанцах без задников и на босу ногу.

В музее у некоторых из руководства, и не только, был принцип: « Я начальник, ты – дурак ».

Левая рука директора, штучка ещё та, – Лина Моисеевна, начальница всех смотрителей музея.

В молодости свирепствовала в сталинских лагерях. Больше добавить нечего. Теперь на заслуженный отдых занесло эту ведьму в высокий чертог искусства, где она вполне прижилась по причине однородности атмосферы в любом уголке Отечества. Говорила, что искусственными зубами может разгрызть грецкие орехи. Первоклассные специалисты ссылались в ГУЛАГ!

Однажды зайдя в буфет, я подивилась редкой дороговизне.

– А мы то здесь причём, – ответила продавец, – это ваш директор заломила такую арендную плату за помещение.

А ведь музей посещает огромное количество школьников

и небогатых студентов.

Кстати, о школьниках. Приехали на автобусах из далекого Омска дети. Они никогда не видели Москву. Им отказали в ознакомительной экскурсии по музею, не продав на нее билеты под тем предлогом, что её надо было заказывать заранее.

– Как же мы могли это знать? – горько недоумевала их сопровождающая. Она передвигалась на костылях, и эти костыли вкупе с её растерянностью могли тронуть любого, но только не подельницу Каракатицы, продававшую в кассе билеты и каждый день сдававшую ей выручку.

– Ведь многие дети больше никогда в жизни не увидят этого музея – продолжала сокрушаться святая женщина.

Ей посоветовали обратиться к Самой, и этот инвалид долго топталась у порога святейшего кабинета, так и не осмелившись войти. Потом кто-то из руководства, наконец, отдал распоряжение всё-таки провести экскурсию для детей, минуя монаршее разрешение.

Об очереди в кабинет – особый разговор.

Казалось бы, что проще – постучал, вошёл, решил свой вопрос и вышел. Ан нет, не тут-то было.

Готовилась выставка, а к ней буклет. Составляла его искусствовед, женщина лет пятидесяти, хрупкая, невысокого роста, седая. Разложив на банкетках Итальянского дворика репродукции будущего буклета, она в последний раз всё внимательно оглядела. Надо было директору продемонстриро-

вать подготовленную подборку.

Началось совещание с искусствоведами по предстоящей выставке.

Что уж там творилось за высочайшими дверями, могу только догадываться.

Через некоторое время из кабинета стрелой выскочили эта женщина с пачкой растрёпанных репродукций и её коллега. У несчастной лицо было краснее помидора. До меня донеслись отрывки диалога.

– Ты что, раньше не могла ей показать?

– Как я могла? Как не постучусь, только и слышу: «Пошла вон! Меня здесь нет». Ты ведь сама знаешь.

Коллега понимающе вздохнула и закивала головой.

Наконец Каракатица собралась провести косметический ремонт в римском зале. Лучше бы она его не трогала. Пол зала был залит мраморной крошкой старыми итальянскими мастерами, приглашенными ещё Цветаевым. Секрет техники обработки пола по типу выемчатой эмали то ли был утрачен, то ли не был итальянцами раскрыт. Между кусками мраморных плит залегала великолепная медная, блестящая как золото, специально обработанная лента. Напрочь, намертво заделанная по периметру мраморных островков, образуя причудливый напольный узор, медная лента блестела как новая даже спустя столетие.

Передвигая скульптуры без всяких мягких подстилок, рабочие вырвали ленту на значительной части антикварного

пола. Вставить её обратно, сохранив первоначальную гладкость линии, было уже невозможно.

А в соседнем зале Средневековья у одной скульптуры при перемещении вообще отломали палец. Долго он висел на железном каркасе. Не знаю как сейчас.

В зале № 25 стояла со времён Цветаева сделанная для музея деревянная скамья в стиле раннего итальянского Возрождения. От нее отвалилась деталь. Её надо было просто приклеить.

Пришёл мебельщик, взял деталь, да и унёс навсегда.

Мебельщики музея, молодые пронырливые ребята, производили впечатление обособленной, никому не подчиняющейся братии. Чем эти ребятки занимались и кто их контролировал – вопрос.

По-моему, Каракатице это было уже не под силу.

Как и не под силу отслеживать все особенности затеянного ею сокрушительного ремонта.

Режим работы смотрителя, казалось, был задуман так, чтобы как можно больше помешать исполнению его основных обязанностей – внимательно следить за сохранностью экспонатов зала.

Смотрители, как правило, пожилые женщины. Многие живут в часе, а то и более, езды от работы.

По непонятной причине она начиналась в восемь утра, а музей открывался в десять.

Два часа бедные женщины маялись. Протрут тряпкой ко-

лонны, музейные столы, шкафы, расставят ограждения, а потом – сидеть им, бедолагам, на неудобных стульях, борясь с наваливающейся дремотой еще полтора часа. На всякие помывки-протирки во многих залах вполне хватало двадцати минут.

Однако о чистоте картинных рам, к которым нам не разрешалось притрагиваться, отдельное слово. Толстый слой пыли покрывал эти деревянные золочёные рамы. Стоило дотронуться пальцем, и на нём оставалась густая пыль. А мы все тёрли и тёрли неизвестно что и зачем.

Современные жалюзи на высоких венецианских окнах давным-давно требовали либо замены, либо реставрации – большинство плавно не задвигались и не раздвигались.

Но что самое прискорбное – это треск старинных деревянных икон в зале № 5 немецкого Возрождения. Перепад температур между летом и зимой достигал непозволительных величин. Летом температура могла быть до тридцати градусов, а зимой в иных залах она не поднималась выше шестнадцати.

Во времена Цветаева температурный режим поддерживался великолепно продуманной системой воздуховодов по всему музею. Потом система сдохла и нам долго травили байку о каком-то снаряде времен войны, залетевшем и повредившим её.

Наконец, пригласили экспертов. Один из них мне и сказал: «Да какой снаряд! Просто ваш директор не хочет тра-

титься на мощный двигатель в узловой комнате воздуховодов, который гонит воздух по всем рукавам по всему музею. А система в полном порядке».

Вот те на – на подушке ордена!

А мы– то мерзли зимой и задыхались летом под треск старинных икон.

Видела и обмороки посетителей от нестерпимой духоты в музее.

Мне говорили о радости от рыбок на полотне Матисса. Никакой радости не испытывала, глядя на плохо освещённую картину. Но когда её повесили на выставке на сером фоне, осветив светом софитов, картина наполнилась счастьем. Тут то и стало ясно, как мадам Каракатица не уважает рядовых посетителей. Не только полотна Матисса, но и Сезанна были так плохо освещены, что пропадало всякое их восприятие. Над картинами Сезанна вообще отсутствовал ряд ламп – перегорели, и никакие сигналы зрителей не помогали.

Ещё можно вспомнить о порванном во время транспортировки полотне Рембрандта. Тихо отреставрировали и забыли.

И о странной подготовке к выставке гравюр и рисунков, среди которых был «Автопортрет» Рембрандта, гравюры Дюрера и много других ценных произведений небольшого формата. Сложенные на полу друг за другом в ряд и прислоненные к стенам зала с закрытыми дверями, оставались они наедине с одним единственным служителем. В углу ле-

жала папка с рисунками Рембрандта, без печати, абсолютно открытая – бери, не хочу.

Каждый шедевр стоил сотни тысяч долларов, и, несомненно, требовалась двойная, если не тройная, охрана на период подготовки стендов.

А я, принятая на работу всего лишь три месяца тому назад, стояла одна среди этих сокровищ и размышляла, чему обязана такой чести – то ли глупости руководства, то ли особому доверию.

И напоследок о нравах номенклатурных персон Отечества.

В этом культурном заведении туалетная бумага в каждой кабинке появилась только после приезда Джинны Лоллобриджи, (...заграница нам поможет...).

Спасибо ей большое. До неё предлагалось каждому входящему отрывать от общего рулона перед входом в кабинку. Осторожно, не промахнись. Рассчитай всё точно.

Видимо, Джина пришла в шок от такого сервиса, «...и раб судьбу благословил...».

Как в капле воды, содержащей весь химический состав океана, в этом храме искусства отразилась образина Империи: государство первично, проблемы его граждан – вторичны.

Конечно, вины Каракатицы в ряде музейных перипетий непосредственно не усматривается, однако всему коллективу именно она задавала тон, а потому и косвенно тоже вино-

вата.

Перефразируем вопрос Познера.

Мадам Каракатица, когда Вы встретитесь на том свете с Иваном Цветаевым, как Вы думаете, о чём он Вас спросит? И заинтересуют ли его все ваши титулы и награды?

Портрет 7

Бежавшие из ада пожарищ и тотального разорения, спасая свою жизнь, люди поначалу были счастливы крохотному пристанищу. Есть своя, пускай и служебная, комнатёнка. Ничего, уберём, отмоем, понемногу устроимся. Так думали несчастные.

Здесь-то они и попадали в железные тиски рабства.

Селили вновь прибывших в скученные коммунальные квартиры, набитые такими же бедолагами.

Очередь в туалет, к газовой плите и ванной были причинами бесконечных раздоров.

Дворник с пяти утра начинает скрести улицы, а зимой несколько часов такой работы, и его рабочую телогрейку хоть отжимай. На спине одежды проступает пот в виде кристаллизованной соли.

Любая верхняя роба становится измызганной за несколько дней. Но о стиральной машине и не мечтайте – всё приходилось отмывать собственными руками.

Часто после уборки человек не мог помыться, т.к. ванная

была занята. Кто-то уже мылся, кто-то стирал, и надо было вставать в очередь. Но смертельно усталый, еле державшийся на ногах раб не мог ждать и заваливался спать. А во второй половине дня – опять выходить на работу, особенно зимой в снегопад.

Этот бесконечный труд на жалкие гроши, оправданные с иезуитской логикой тем, что раб имеет крышу над головой, за которую не платит, доводил отверженных до отчаяния. Уныние и депрессия потерявших свой дом, сад, дачу, всё нажитое, не говоря уже о работе и социальном статусе – многие были солидного возраста – не поддаётся описанию.

Мне вспоминается одна немолодая женщина то ли из Сухуми, то ли из Батуми, со всей семьёй притулившаяся в выделенной ей комнате. Она приходила к своему технику-смотрителю Ковалевской, сидела рядом с ней и горько рассказывала, рассказывала, рассказывала о потерянной и разорённой жизни. Глаза её всегда были полны горя и смотрели как-то внутрь себя, отрешённо. На своей малой Родине она была уважаемым кадровиком, здесь – опущенной ниже плинтуса.

Некоторые держались бодрее, а иные, как правило молодые студенты, знали, что эта полоса в их жизни когда-нибудь кончится. Но все – и те, кто отчаялся, и те, кто ненадолго прибился – работали за временный угол.

Иногда богатые толстосумы выкупали эти коммунальные квартиры, если дом был хорошим, старинным. И тогда счаст-

ливчикам везло. Богатый дядя занимался их расселением, и люди получали однушки на периферии. Но таких было единицы.

Так, отработав семь лет каторжного труда, наконец – то приобрёл квартиру украинец Николай Бульботко, – молчаливый, ушедший в себя и ни с кем не общавшийся. Он чистил, скрёб и днём, и ночью, а уединившись в своей конурке, рисовал картины, где маленькие человеческие фигурки летали на пространстве холста в разных позах и вверх головами, напоминая картины Шагала. И было в них одиночество.

Студент Нагаев в такую переполненную коммуналку ухитрился привести молодую, красивую жену.

А она ухитрилась там родить. Молодость, беззаботная и нерасчётливая.

Счастью их не было предела, пока молодая женщина не уразумела, что к чему.

Каждый день кухонных склок, изощрённого издевательства пьяницы Ткачук, которая по пятам ходила и приказывала угрожающим хриплым голосом бывшей зэчки, что ей делать, куда что ставить, когда пользоваться плитой, сделали своё дело. Да были и другие тяготы.

Молодой бесхарактерный муж не смог её защитить. Она развелась с ним и ушла с сыном к матери.

Пожилой рабочий из геологоразведочной партии прибил-ся к нам с сыном и дочерью, покинув какую-то среднеазиатскую республику, где у него была четырехкомнатная кварти-

ра. Квартиру пришлось срочно бросить. Он был вдовцом.

Сначала он держался, но после того, как сосед по коммуналке соблазнил его дочь, запил. Мужчина лежал на кровати, вперив взгляд в потолок, и дико выл, выплёвывая нечленораздельные звуки. Он ничего не понимал и ни на что не реагировал. Страшное зрелище предельного пьяного отчаяния.

Рядом в соседней комнате лежала, грустно свернувшись калачиком, его беременная дочь.

И тогда брат подкараулил спящего негодя и нанёс ему ножевые ранения.

Жена умерла, дочь обесчещена, сын на пороге тюрьмы, сам разорён.

Не помню, что там дальше было. Сына судили, а потом вся семья куда-то уехала.

Однажды в нашу контору устроилась дворником приехавшая из Прибалтики русская женщина.

Аккуратная, чистенькая, ухоженная.

Ах, как там плохо. Ах, как их притесняют. Нет, лучше жить на Родине. Голодать, холодать, но со своими людьми, где тебя понимают. Так она верещала, пока её не поселили в квартиру, где Ткачук правила бал. Та с первых дней в свойственной ей манере обозначила, кто в доме хозяин.

Она гоняла её с таким отеческим неистовством, что бедная свернула свои пожитки и бросилась назад в проклятую Прибалтику. К тому же ворочать грязные контейнера и вставать ни свет, ни заря, вылизывая чужие плевки, оказалось

слишком большим испытанием любви к этой самой Родине. Вспоминается плотник Алберт, армянин. Высокий худой мужчина лет сорока, с породистым лицом и большими выразительными глазами. Его глаза всё время излучали тоску и уныние. Он часто спускался в подвал к техникам, чтобы позвонить по телефону своим детям. Приехал он в Москву вместе с детьми, поселился в служебном помещении. Дети, пока он работал, оставались одни, и он контролировал их по телефону. Долго и подробно, то по-русски, то переходя на армянский, Альберт заботливо вникал в их уроки и во всё, чем они занимались. Я слышала голос ласкового отца, и было ясно – вот смысл его жизни.

Долго можно продолжать в таком же духе. Но многое уже и позабылось.

Как-то муниципальные придурки, у которых деньги куры не клюют, нашили оранжевые дворницкие робы и штаны. Отверженным приказали их одеть, не спросив у последних об удобстве и практичности маскарадных костюмов.

И вот однажды, сияя оранжевым оперением, всю Большую Никитскую заполонили взрослые люди. Лишённые в жизни и так своего лица, они по приказу идиотов сверху расстались и с последней своей индивидуальностью. Шли они гурьбой на собрание дворников, ловя на себе невольные взгляды прохожих – то ли клоуны, то ли выпорхнувшие из диких джунглей экзотические ярко-оранжевые попугаи. Особенно нелепо смотрелись штаны. Они топорщились во

все стороны и придавали походке неуклюжий вид. В старой одежде, хоть и потёртой, но у каждого своей, не было той обезличенности. Теперь же издали было видно – идет бесправный изгой, на которого можно натянуть что угодно.

На собрании какой-то очередной оракул из ДЕЗ'а начал нас учить жизни.

Мы узнали, как надо работать, особенно в преддверии Дня Города. В этот священный и никому, кроме Лужкова со товарищи, не нужный праздник, на который каждый год ухлопываются миллионы, улицы должны блестеть и сверкать, и чтобы ни одной бумажки ни на тротуарах, ни на стенах, ни на трубах. Матушка наша стояла с ним рядом и умиротворенно кивала головой. Первый раз на сцене она превратилась в слушателя.

– Если есть какие-то проблемы, мешающие вам в повышении производительности труда, – ласково верещал солидный дядька, – не стесняйтесь, излагайте, и мы вместе подумаем.

Ого, так с нами ещё никто не обращался. Ну что ж, можно попробовать.

И тогда в наступившей паузе, вспомнив, о чём мечтал для художников великий Пиросмани, и подчиняясь странному порыву, я встала и заговорила: « Давайте построим большой дом и поселим туда из скученных коммуналок всех дворников. У каждого в нём будет своя однушка со своими туалетом и ванной. И никому не придется больше стоять в очереди в ванную и туалет, а после работы дворник сможет заснуть в

тишине и покое. Будем жить там дружно и ходить друг к другу в гости, а старшие товарищи будут передавать свой трудовой опыт младшим братьям. И всем будет хорошо».

Сзади давилась от хохота наша весёлая нищая фронда – молодые, ироничные ребята.

А высоко на сцене с отвисшими ртами стояли онемевший дядька из ДЕЗ'а и растерянная матушка-голубушка.

Меня пожалели, осторожно попросили сесть и не шутить так рискованно.

Ей богу, клянусь, я говорила серьёзно. Видимо по причине временного помутнения сознания.

Портрет 8

Оксана Овсянка приехала в Москву из молдавского городка Бельцы. Она была сиротой. Одинокая хрупкая девушка лет двадцати четырёх. У неё была белая, как бы прозрачная кожа, белокурые волосы, голубые глаза. Перетаскивать тяжелые контейнеры и сгребать лопатой снег – это было не для Оксаны.

Поначалу она устроилась в ГРЭП техником. Задумка была такая: обойдя ведомства своего участка, познакомиться с мужчиной своей мечты и т.д.

Для этого каждый день Оксана, облачившись в боевое оперение и придав лицу боевой раскрас, обходила ведомства с единственной целью донести до руководства всяких офи-

сов и фирм круг их прав и обязанностей в такой серьёзной и запутанной сфере как ЖКХ. Разумеется, без неё решить множество задач в этой области руководству будет затруднительно. Заодно происходило и нормальное рабочее знакомство с руководящим контингентом фирм.

Беседа велась в доверительной атмосфере, спокойно и проникновенно, но не без готовности откликнуться на лёгкий флирт. Последнее, разумеется, просто дань искусству и во вторую очередь. Не затем же она пришла. Но, хотя забота о делах превыше всего, Оксана не сухарь и в пределах приличия может немного расслабиться, пошутить, поговорить о жизни и выпить чашечку кофе.

Но то ли мужики в центральном округе были под стать аварийным домам, то ли по причине их пугливости, но дальше кофе и проникновенных бесед проникновения не шли. Дверь за Оксаной вежливо закрывалась и существа в штанах, так и не осознав чуть-чуть не свалившегося на них счастья, опять утыкались в скучные дела.

Одновременно Овсянка заводила друзей и на стороне. И как-то быстро обросла ими. Это были весёлые, лёгкие на подъём девушки с такими же проблемами как у неё и крепкие молодые люди с солидными машинами, всегда готовые откликнуться на беззаботную вечеринку без всякого серьёзного послевкусия на следующий день.

Короче, или товар оказался не по купцам, или девушке просто не повезло, а может поставленная задача была гораз-

до сложнее в реальности. Судите, кому как нравится.

Все эти отчаянные поиски Оксана проделывала так увлечённо, что основная работа пришла в полное запустение.

Обнаружив развал в делах, начальство быстро перевело Овсянку в дворники.

Через некоторое время, изрядно измотавшись от непосильного рабства, она взяла отпуск и уехала в Турцию. Увы, как потом выяснилось, не просто загореть и поплавать.

Прошёл месяц, и пришедшая к техникам подруга Оксаны объявила, что Овсянка ненадолго вынужденно задерживается, а вместо неё будет работать нанятый человек. Чтобы не было скандала, не сообщайте руководству. Я, как её техник, пошла навстречу.

Прошёл другой месяц, за ним третий, четвёртый. А из Турции шли и шли телеграммы с просьбой подождать ещё немного. Скандал разразился к концу шестого месяца, и Оксана вернулась.

Странная, ещё больше похудевшая, растерянная и с какими-то красными пятнами на лице.

Именно в это же время в газетах напечатали о высылке из Турции занимавшихся проституцией русских девушек, которые по соответствующей статье успели отсидеть в турецкой тюрьме.

Её вызвали на ковёр к начальнице вместе со мной.

Я вошла в кабинет, когда там уже дрожали стены и звенели оконные стёкла.

На стуле у сиятельного стола, согнувшись и втянув голову в плечи, горько рыдала заблудшая овца.

Рыдания перемежались всхлипами. Изредка, когда удавалось вставить слово, плачущий голос умолял простить и не казнить, потому как от помутнения разума всё и приключилось. Никогда больше этого не повторится, клянусь мамой.

И эта покорность растоптанного существа была как раз то, что нужно. Единственно верная линия поведения, тонко схваченная Оксаной, давала шанс на милость.

– Как ты посмела! – гремела матушка – Как ты додумалась до такого?! Всё! Выгоню тебя на улицу, чтобы ты знала, почём фунт лиха. А я то, доверчивая, приголубила, работу дала, поверила. Слишком я добрая, вот вы все и пользуетесь. Выгоню и точка.

Всхлипывания Овсянки перешли в рыдания, а матушка бушевала дальше.

В сенях высочайшего кабинета притихли сотрудники. Секретарша перестала печатать, экономисты и бухгалтера отложили свои подсчёты, инженеры замолчали. Все ждали, чем закончится драма.

– Разве после такого твой техник-смотритель может тебя принять назад?! – гремела Косинова – Так подвести коллектив, оказаться такой неблагодарной, а мы то как хорошо к тебе относились. Обмануть нас как последних дураков. Сколько ни делаешь добра людям, ничего не ценят.

И вдруг, не снижая накала, поворот в мою сторону: «Что

скажете? Можно ли такую простить и принять назад?»

Это был точный выстрел в лоб и неожиданный. Он как бы говорил, что не удастся вам, уважаемая, отсидеться там в углу. Либо присоединяйтесь к экзекуции, либо я не знаю, что с вами сделаю.

Я замерла в мучительном и лихорадочном размышлении, что ответить.

Согласиться – предать рыдающее, униженное и растоптанное существо.

Призвать милость к падшей – гром и молнии на мою голову, ведь и у меня рыльце в пушку. Я попала в коварно расставленные сети. Неугомонный режиссёр, одной рукой сдавив горло своей жертве, другой дотянулся и до меня.

И как бывает, тихий, коварный голос внутри убедительно и настойчиво начал приводить аргументы в пользу первого ответа: «Подумай, опять придётся с нею мучиться. Ведь ты ждала целых полгода, прикрывая её отсутствие и рискуя нарваться на грандиозный скандал. В конце концов, она сама виновата».

А другой возражал, что куда же она пойдёт, если выгонят. Тоже нехорошо получается.

А Змей-Горыныч ждал. Надо было срочно на что-то решиться.

В наступившей тишине слышны были только всхлипы падшего ангела.

Не скажу, что мой ответ внёс ясность в ситуацию, но, про-

звучав как панегирик уму и справедливости матушки, разрядил её.

– Вы как всегда правы, – промямлила я – и ваша оценка верна. Я с ней полностью согласна.

Какая оценка и с чем согласна, это уж пусть сама додумывает.

Змей-Горыныч медленно ослабил свою хватку, соображая, на чьей же я стороне.

Оксану помиловали и перевели от меня к Ковалевской. Но Овсянка на работу так и не вышла, наняв вместо себя другую. Ковалевская закрыла глаза, а Оксана сохранила за собой служебную комнатку, из которой выходила опять на поиски мужчины своей мечты.

Через некоторое время ей сделали анализы и обнаружили красную волчанку.

Стресс, пережитый в Турции, дал какой-то роковой толчок организму и инициировал начало болезни.

Она приходила к нам, чтобы позвонить своим друзьям. Их у неё было много. Весело и непринуждённо назначала вечеринки, встречи и просто болтала. А потом нам грустно признавалась, что горстями пьёт таблетки и скоро от печени ничего не останется. Сказала, что эта болезнь не излечивается и прогноз печален.

Оксана стала хорошо одеваться и однажды пришла в норковой накидке до пояса. Казалось, она просто хотела жить, уже не думая о серьёзной встрече, жить столько, сколько ей

ещё отпущено.

Бегая по участку как бездомный пёс, спеша забежать с продуктами к детям, я привыкла к вытянутой вперёд спине с откляченным задом. Так двигаться получалось быстрее. Голова при этом опущена вниз, и глаз невольно не поднимается выше асфальта.

И однажды глаза наткнулись на пару стройных женских ног на высоких каблуках и в чёрных чулках.

Ножки шли мне навстречу, элегантно постукивая каблучками. Шаг был неспешный, и каждая ножка изящно ступала, вытягивая носочек и выгибая крутой подъём.

Глаза сами по себе начали скольжение вверх к бёдрам. Сначала они дошли до маленьких изысканных коленок, потом до края символической юбки и упёрлись в восхитительные крутые бёдра. А там своя божественная симфония. Бёдра покачивались в такт длинным ножкам и также неспешно.

Взгляд, постепенно возвращаясь к реальности, заскользил выше. И там, на вершине всего этого великолепия как завершение чудной картины, в лучах яркого майского солнца на длинной шее в ореоле пышных белокурых волос гордо красовалась изящная головка.

У красавицы были пухлые губки и маленький прямой нос, на котором сидели солнцезащитные очки с крупными стеклами. Эти стёкла глядели на меня, и губки снисходительно усмехались моей оторопи. Мне навстречу плыла Оксана. Когда я опомнилась, она была уже далеко.

Так русская Травиата ещё долго жила у нас своей весёлой и безнадёжной жизнью, а потом я встречала её всё реже и реже, пока она совсем не исчезла.

Портрет 9

Она, ругаясь, визжала как резаный поросёнок, крыла матом, курила и уходила в запой. Но последнее только по выходным и праздникам.

На работе была деловой и серьёзной. Как-то надо было куда-то деть виртуальные пять миллионов рублей. Что-то, связанное с годовым списанием средств. Неграмотная Танька Мусина, склонившись над простынями отчётов, колдовала, рассчитывала, перебрасывала часть средств туда-сюда, хваталась за голову, опять переделывала, и, наконец, липовый отчёт для ДЕЗ'а был готов и все пять миллионов пристроены.

Она была падка на лесть и обожала подхалимов. Их Танька выслушивала снисходительно, покуривая сигарету, и под конец отдавала руководящие указания дружески-безапелляционным тоном.

Но того из своих подчинённых, кого почему-либо невзлюбила, готова была растерзать на куски, и тогда визг, сдобренный матом, мог разорвать барабанные перепонки. Заводилась она с пол оборота. Энергия была ключом.

Однажды в телефонном разговоре с какой-то городской

службой Танька кричала, объясняя им своё требование так, что её эмоции перехлёстывали слова, а мысль рвалась как арабский скакун, закусив удила. Не находя быстро нужного слова, но не желая сбавлять наступательный темп, она заменила его словом «ЭТО» и неслась дальше на ураганной волне. Абонент на другом конце провода должен был сам додумывать, что означало это «ЭТО».

В минуты покоя Мусина призналась, что ничего не видела в жизни, кроме леса, поля да тяжёлого сельского труда. В ответ я возразила, что ежели бы начинала свою жизнь сначала, то лучше леса и поля придумать нечего. А если под сельским трудом понимать собственное хозяйство, то чем грязные троллейбусы и душное метро с отравленным воздухом предпочтительнее?

Я для неё всегда была не своя. Но до определённого момента.

Однажды, проходя мимо, она увидела, как я беснуюсь у бункера. Наш бункер втихаря загрузили строительным мусором, вынесенным из театра им. Маяковского, что на Малом Кисловском переулке.

Хитрая администратор театра увиливала, не признавая свою причастность, а мне грозил баснословный штраф. Но не столько штраф меня пугал, сколько возмутило бесстыдное и высокомерное отрицание вины. Разошлась я тогда не на шутку, и крик был на всю улицу. Правда без мата по причине необученности, о чём тогда весьма сожалела.

Вот Танька тогда и застала сцену вселенской ярости. С этих пор ко мне подобрела, побежала докладывать начальнице, и другая Танька тоже растаяла. Неисповедимы пути твои, Господи. А я то думала, надо просто хорошо работать.

Мусина была умна, сметлива и хитра.

Она пришла в ГРЭП с кондитерской фабрики «Большевик», где дослужилась до командования тремястами работниц. Но неосторожно уличила в воровстве масла при закладке продуктов самую главную начальницу. А так как в жизни ещё была не бита, то наивно бросилась за правду на собрании. Но тут её и ушли.

Сбежала она в поисках лучшей доли из своей глухомани в Москву на кондитерскую фабрику в шестнадцать лет и поселилась в общежитии при фабрике.

Вечерами после работы у стен общежития под окнами молодых работниц собирались такие же молодые ребята с соседнего завода. Они звали своих подружек и заводили новые знакомства с бесшабашностью нерасчётливой фабрично-заводской среды.

Вот Танька однажды и встала к окну.

Ей было шестнадцать лет, и она была хороша, очень хороша.

Белокожая, с пухлыми губами, тонким, изящным носиком, с округлыми формами невысокой фигурки, с искрящимися глазами и лукавой улыбкой. Танька могла покорить кого угодно.

Мусин влюбился буквально с первого взгляда и понял: это навсегда.

Бессмертные Бизе и Мериме рассказали нам, как это бывает.

Он был среднего роста, тщедушен, с невыразительным, незапоминающимся лицом.

Совсем не красноречив, скорее напротив.

Но безумной силе его любви могли бы позавидовать абсолютно все молодые люди моей образованной молодости. Там, в институте, в этом смысле царил дух практичности и осторожности. Но об этом не здесь.

И хотя, забегая вперёд, замечу, она не смогла родить – сказалось нелёгкое детство с перетаскиванием всяких тяжестей по хозяйству, а может быть и простуда – он даже мысли не допускал о разводе.

И вот здесь началось самое интересное. Татарская мама Мусина категорически восстала против русской Таньки. В ход были пущены все средства. Татарский курултай всех родственников собрался для строгого предупреждения наметившемуся отщепенцу.

Над обильными татарскими пловами, сочными манты, бэлишами, горами отварного мяса и прочих кушаний старшие заговорили.

Ему напомнили о заветах предков, о великой истории татар, о необходимости почитания в мусульманских семьях старших младшими. Ещё приводили многочисленные при-

меры распавшихся браков с русскими, и многое другое было сказано нерадивому молодому татарину.

Всё было тщетно. Миша их почтительно слушал, слушал, но с Танькой встречаться не перестал.

Тогда мать начала срочно подыскивать татарскую невесту. Благо этого добра во всех нациях нашей вечно воюющей державы стало предостаточно.

Потянулись татарские невесты, скромные, с глазами опущенными долу, безмолвные – одна краше другой. Но стоило появиться сватам в дверях, как Миша Мусин выскакивал в окно. И сваты уходили оскорблённые. Татарская родня Миши решила: парень пропал.

Шли месяцы и даже годы. Против воли матери Мусин не мог жениться и не мог бросить Таньку по причине безумной неугасающей любви. Он был безнадежно ею болен.

Однажды в компании приятелей парень немного поддал и в таком виде наткнулся на особо ретивого милиционера. Он попал в обезьянник отделения милиции Левобережного района. Мусин успел сообщить о приключившемся с ним матери и Таньке поутру следующего дня.

Когда Танька примчалась в ОВД Левобережной, она застала напуганных Мишу и татарскую маму и отчитывающего их милиционера, грозившего оформлением пятнадцати суток.

Милиционер даже не догадывался, какой ураган сейчас на него обрушит маленькая женщина.

Весь водопад витиеватого мата с угрозой посадить самого милиционера она вылила за пять минут на голову опешившего стража порядка. Заодно пригрозила дойти до самого высшего начальства и выяснить, чем занимается ОВД, если «хватают на улице приличных людей незнамо за что».

На Танькины крики и визги сбежалось всё ОВД. Подивились, почесали в затылке и решили отпустить всех поскорее от греха подальше. Что связываться с сумасшедшей бабой!

Домой все трое шли молча. И тут непримиримая татарская мама сказала:

«Собирай вещи и переезжай к нам из своего общежития».

Любила ли Танька своего мужа? Пожалуй, нет. Она по-царски спокойно позволяла себя любить.

Они прожили вместе всю свою короткую жизнь, и оба умерли с разницей в несколько месяцев.

В нашей конторе вообще умирали рано.

Книга 3

Школа. Институт. Работаый

Александра Дмитриевна vs Елена Ивановна

...И где бы ни бывали мы,
тебя не забывали мы,
как мать не забывают сыновья.
ты – юность наша вечная,
простая и сердечная,
учительница первая моя!...

Александра Дмитриевна, убогонькая, приземистая старушка лет за шестьдесят с жиденькими шатеновыми короткими волосиками очень любила богатеньких.

В далёких пятидесятых ими были номенклатурные партийные работники и генеральская верхушка. Всем остальным уготован был более скромный жребий независимо от ума, работы, знаний и прочих достоинств. Ну а если ты – не

член партии, то потолок в карьере достигался очень быстро.

В классе у Александры Дмитриевны такие отпрыски влиятельных семейств были, и Вовочка Капитонов – самый избранный среди избранных. Мальчик тихий, неприметный и упитанный, ничем не выделяющийся в учёбе. Чего нельзя сказать о его школьной форме.

Если бедному Имаметдинову на собранные деньги купили самую дешёвую, то Вовочка носил только форму из лучшей шерстяной материи – из чесучи.

Пыжась от сознания собственного благородства, представительницы родительского комитета, купив форму, раздели бедного Имамеда перед всем классом, предварив это действие речью о своём сострадательном благодеянии.

Полураздетый Имамед стоял и смущённо улыбался перед классными приятелями, а потом стал натягивать штаны и куртку. Нас всех должна была прошибить слеза, но вместо этого дети растерянно смотрели на жалкую одежду серого цвета из дешёвой ткани уродливой ворсистой структуры. Словом – тряпка и тряпка, которая быстро сваливалась в катушки. До чесучи благодетели из родительского комитета не дотянули.

Так вот. Вовочкин папа был членом ЦК – высокий, плотный, с неуловимым сходством с колхозным хряком на сытом лице, не очень обременённом интеллектом. Что такое ЦК, с чем это едят и чем это грозит, мы, маленькие детки начальных классов, ещё не понимали, но по особому состоянию,

в которое впадала трепещущая старушка при появлении вышеозначенного папы, чувствовали необычность момента.

Сей папаша мог заглянуть и в середине урока, прервав объяснения учительницы на полуслове, которое всегда разрешалось радостным приветственным возгласом. Она с угодливой готовностью и внимательно выслушивала речи товарища Капитонова по поводу учёбы сыночка, отвечала на вопросы, утвердительно кивала и растекалась в улыбку при прощании. Проводив его до двери, возвращалась всегда озарённая, с умильным выражением лица и с каким-то внутрь себя направленным взглядом.

А когда так же в середине урока постучался и вошёл папа другого мальчика, по фамилии Худяков, худой мужчина без капитоновского румянца на бледных щеках, встреча проходила не в столь изысканных тонах. Худяков извинился и не занял больше минуты.

Но и этого оказалось достаточно, чтобы ещё две поминать его перед всем классом недобрым словом за нарушение святого времени урока.

Ещё была девочка по имени Оленька Алексеева. Тихий ангел в веснушках, с белой кожей и с золотистыми косичками. Её небесно-голубые глаза всё время смотрели ласково и наивно на грешный мир, а папа был генералом. Как нетрудно догадаться, убогая старушка не могла пройти мимо этого ангела, и когда ангел заболел обыкновенной простудой, не только регулярно её навещала, но и проводила с ней уроки

на дому.

Потом наивная Александра Дмитриевна вдохновенно рассказывала в классе, как Оленька терпеливо выслушивает её объяснения, пишет диктанты и считает.

– Какая девочка, какая терпеливая, ну просто прелесть, – заключала умиротворённо старушка.

– Я её спрашиваю: «Оля, ты устала? Может, передохнём?» – продолжала умильно рассказывать Александра Дмитриевна – А она отвечает: «Нет, нет, что вы!»

И вот я тоже заболела и никак не могла понять, почему в мою тесную келью в многонаселённой коммуналке никак не заглянет Александра Дмитриевна. Ждала её, ждала, да так и не дождалась.

Но так как я без всяких объяснений Александры Дмитриевны училась легко, то долго по этому поводу не расстраивалась.

Однако не всё так просто у светлых ангелов. Уяснив, что в классе выделяются по учёбе две девочки – моя подруга Наташка Р. и я – Олина маменька решила через Олю пригласить нас в гости, оказав тем самым особое нам расположение, а заодно присмотреть для дочери полезных подруг.

– Приходите ко мне в гости, – зазывала Оленька, обученная мамой с кем дружить – у меня такие красивые попугаи.

Попугаями нас приманить не удалось, потому что мы сами не попугаи – не приручаемся, о чём с неожиданной резкостью ответили ей и высмеяли расчетливое гостеприимство.

А всего-то и было нам не больше девяти лет!

Тогда взоры небожителей обратились к более податливым. Ими оказались тёзки избранной пары. Для психологического комфорта у Вовочки появилась подружка Оленька Бычкова, а у Оленьки Алексеевой – Вовочка Салин. Заодно к психологическому комфорту избранных деток добавилась и полезная для будущего тренировка в общении с противоположным полом, разумеется, в самых пасторальных тонах. Приручение маленьких статистов особых трудов не потребовало. Салин был в самую пору, ибо матушка его – работник райкома партии. Обе небесные пары подобно сизым голубкам на жёрдочке просидели вместе за партами все начальные классы в самой непосредственной близости от любимой учительницы, радуя её глаз своими нерушимыми союзами. А потом, когда генеральская Оленька и партийный Вовочка начали взрослеть, психологическому сопровождению была дана отставка, ибо больше в нём не нуждались.

Где-то к концу четвертого класса накануне дня рождения партийного отпрыска Вовочки Александра Дмитриевна заговорщически объявила:

«Дети, кому Вова Капитонов что-то сказал, соберитесь внизу в раздевалке и ждите меня».

Было это произнесено как бы между прочим вполоборота, когда Александра Дмитриевна, по утиному переваливаясь, заковыляла к выходу из класса в конце уроков.

Нам с Наташкой Вова Капитонов не изволил ничего ска-

зять. Я уже собралась уходить, но въедливая Наташка Р. схватила меня за рукав, усадила на подоконник как раз напротив раздевалки и заставила ждать небесное явление, с вызовом и презрением уставившись на выход из раздевалки. И вот оттуда, группируясь вокруг Александры Дмитриевны, потянулись приглашённые на великий банкет.

В те голодные года господа из ЦК уже знали вкус в жизни и дни рождения своих драгоценных детишек справляли нередко в ресторанах. Делалось это не для приглашённых статистов, а исключительно как необходимая мера в сложном процессе ваяния из отпрысков будущих лидеров и крупных начальников. Уже с младенчества отрок должен приучаться к великосветскому размаху в подходящей торжеству обстановке. На следующий день все оставшиеся за бортом памятного события были посвящены в подробности гулянки.

А убогонькая старушка всё возмущалась неприличным поведением за праздничным столом Лёши Филимонова, сына уборщицы.

Лёшка сначала растерялся от партийного изобилия в ресторане, а потом набросился на все дотопле невиданные в его бедной жизни деликатесы и жрал их, не останавливаясь, запивая лимонадом. В тот момент окружающий мир для Алёши померк, а остались только яркий квадрат праздничного стола и вполне разумная мысль, что такая обильная трапеза, такая халява больше в его жизни не повторится.

Ушла от нас куда-то генеральская Оленька, весьма скром-

но просуществовал в школе в старших классах и партийный Вовочка. Сын райкомовской мамы оказался неплохим и неглупым парнем, а Оленька Бычкова тоже как-то растворилась в тумане времени.

Но по всей жизни мы, две маленькие девочки, пронесли свою фронду – не спешили лизать кое-чего кое-кому и не спешили принимать на веру спущенные сверху истины.

Разнообразна и богата палитра человеческих характеров, с которыми пришлось встретиться на широком полотне жизни, и печальный вывод: я не люблю людей, – грустный итог в конце.

Прелестным исключением была моя учительница по музыке Елена Ивановна.

Музыкальная школа располагалась при общеобразовательной, и уровень её преподавателей был весьма высок, к тому же все учителя – энтузиасты.

Елене Ивановне было почти сорок лет, и жила она на старом Арбате в комнате с двумя древними старушками в чепцах – мамой и тётушкой. В комнате кроме старушек был ещё рояль, а по стенам висели семейные фотографии в рамках. На одной из них высокая и неуклюжая юная Елена Ивановна с жиденькими короткими чёрными кудряшками стояла, косясь, расставив ноги носками внутрь, неприкаянная и скобоченная.

Такой она и сохранялась всю оставшуюся жизнь, как бы застыв в той далёкой чистой юности.

Эта старая милая арбатская Москва давно исчезла, но доброта Елены Ивановны как самое дорогое наследство оставило в душе её учеников свой след.

Она не умела ругать за невыученный урок и только говорила: «Опять ты не выучила пьесу. Я вижу, как твои пальчики тычутся в клавиши как слепые щенята».

Каждый раз к празднику или экзамену Елена Ивановна на свои скудные средства покупала для учеников открытки и надписывала их добрыми пожеланиями. Всегда прямая, в чистой белой блузке с рюшечками, сидя в маленькой каморке под лестницей, где в нашей общеобразовательной школе был расположен её класс, она терпеливо, подобно маленькому фонарщику из известной сказки, зажигала в нас свой скромный огонь доброты и любви к музыке. Открытки дарились торжественно и трогательно.

Елена Ивановна носила на руке старинное золотое кольцо в виде ветки с изумрудами – её единственное ювелирное украшение.

Была в её девственной жизни тайная и непреходящая любовь, и звали его Дмитрий Кабалевский.

Сам композитор, конечно, не догадывался о существовании любящей его старой девы и тем более, как даже внешне на неё похож – такое же узкое лицо с немного вытянутыми вперёд губами, такая же романтическая возвышенность манер. Они были как брат и сестра, как две не встретившиеся половинки, и если бы судьбе было угодно их столкнуть в молодости,

сти, получилась бы счастливая и неразлучная пара.

О встрече со своим кумиром скромная Елена Ивановна даже не помышляла.

Как-то я пришла на урок после просмотра фильма «Оливер Твист» и смутила её дерзким вопросом, знает ли она, кто это такой. Она пробормотала что-то невнятное, и урок начался.

Когда я уходила, Елена Ивановна окликнула меня в дверях и робко, покраснев, произнесла, что она знает, кто такой Оливер Твист и кто написал этот роман.

И вот через много лет я встретила свою учительницу в троллейбусе. Подсела к ней, и мы разговорились. И Елена Ивановна, вспыхнув густым румянцем, сказала, как бы оправдываясь: «А знаете, я вышла замуж».

Это была правда, и звучало приблизительно так: «Оказывается, я не хуже других».

В пионеры

В пионеры Иммамедда принимали почему-то позже всех. Видимо не сразу доверили ношение красной тряпки, а может и ещё почему. Поэтому он подвергся торжественному охомуванию уже в единственном числе, а не скопом как мы все.

Скороговоркой дикого текста здесь не отделаешься, а надо произносить проникновенно, с чувством, отсекая каждым словом любое отступление в прошлую несознательную

жизнь. В конце речи у окружающих должно сформироваться убеждение в твоём полном очищении и преображении. В общем – к новой жизни готов.

А перед клятвой посвящаемого необходимо было выступить проверенному товарищу. Он благословлял своего друга и уверял собравшихся, что ошибка исключена и выстрел точный.

Проверенным товарищем оказалась я. Меня предупредили о высокой ответственности и о необходимости подготовить речь.

Я не знала, как её готовить и о чём говорить. Но с непонятной беззаботностью решила, что нужные слова в сакральный момент сами польются от души, простые и светлые. И всем понравится.

Не тут– то было. Дело осложнилось тем, что великое событие по понятиям организаторов должно было проходить в торжественном, святом для каждого пионера месте. И таким местом их придурковатые мозги посчитали кладбище.

И вот холодным зимним днём – хорошо ещё, что не ночью – у железной могильной ограды сгрудились учителя, родители и классные друзья Иммамеда. Он всё принимал обречённо, но не без задней мысли, светившейся в глазах юморного татарина. Раз Родине надо – хоть чёртом стану!

Итак, меня прислонили к ограде и стали ждать. Шёл снег, и было неуютно от холода.

Прошла минута в молчании. Тихий Ангел пролетел.

И тут я с ужасом осознала, что слов нет, а вместо них из моего замерзшего рта начали вылетать нечленораздельные звуки. В принципе они были началом первого слова сложившейся в голове фразы, но почему-то на смену первому слову приходило слово из другой фразы. Фразы теснились в голове и спорили друг с другом за первенство и какая лучше. И доносившиеся до окружающих отрывки слов были результатом этой мучительной борьбы между фразами. Как в разлаженном оркестре, когда неумелый дирижёр запутался, какой скрипке отдать предпочтение в следующем такте. Речь моя перешла в мычание, и этот срам пришлось немедленно прекращать.

О хорошем мальчике Иммамед заговорил классный руководитель. Тогда все, наконец, вздохнули и поняли, зачем они здесь. А главное – какая это ответственность быть принятым в пионеры над могилой Зои Космодемьянской. Возвышенные настроения толпы слились почти в некрофильном экстазе, придав моменту незабываемый колорит. Дух прославленной партизанки был с нами и над нами.

Иммамед оттараторил заклинание складно, не в пример мне. Видимо готовился всю ночь.

А может бессмертные мощи или могильная аура Зои Космодемьянской по разному влияли на биологию живых организмов. Вот, например, меня они подавили, а Иммамед – вдохновили.

Задолго до этого, когда наш класс принимали в пионеры,

Наташка Р. категорически отказалась участвовать в свальном грехе. Я тоже.

Состоялось классное собрание, где нас по-отечески упрекали в несознательном поведении и великодушно дали время одуматься. Я очень была угнетена. Это была первая в жизни сшибка с обществом.

Накануне решающего собрания ранним утром в окно постучала Наташка. Как чувствовала, что я могу прикинуться больной. Хитрость не удалась, и пришлось плестись на эшафот. Она на него взошла, предложив обществу поцеловать её в уста, не говорящие по-фламандски, а я испугалась и сдалась.

Суд Соломона

Страна долгое время была охвачена повальными перевоспитаниями.

Перевоспитывали все, всех и всюду. На производстве, в институтах, в школах.

Девушки брали на перевоспитание своих будущих мужей, испытывая самоотверженную необходимость связать судьбу с морально увечным, каким-нибудь пьяницей или классово неграмотным субъектом. Благо, есть что перевоспитывать.

Товарищеский суд абсолютно чужих друг другу людей собирался на заводах по поводу неправильного поведения очередного перепившего накануне бедолаги, конструктор-

ские бюро не отставали в изобличении семейных адюльтеров несчастных сотрудников, руководители партийных ячеек распинали несознательных, неактивных, политически отсталых.

Словом, шмон шел по всей стране. Все лезли в личную жизнь и душу друг друга, руководствуясь каким-то высоким моральным долгом.

Еще было модно брать с заблудших обещание исправиться и подводить итог своим собраниям с формулировкой: «Собрание постановило взять имярек на поруки...».

Для молодых дур это кончалось особенно трагично – уставший от перевоспитания муж начинал ей просто бить морду. Тогда она на собственной шкуре постигала простую истину: человека бессмысленно перевоспитывать. Либо принимай его таким, каким он создан природой и семьей, либо не связывайся.

Это общее сумасшествие зарождалось уже в школе, где обязательно на собраниях надо было показательно ругать – за отметки, за поведение, за обособленную позицию, за отрыв от коллектива. Короче говоря, воспитание шло полным ходом.

Некоторые к перевоспитательной тенденции относились безразлично, молча и отстранённо. Шумело общество, шумело и стихало.

Но были и сладострастные поклонники перевоспитательной стихии. Вьедливые, ревнивые блюстители мифической

морали, горлопаны, громовержцы обличительных шабашей.

В старшем классе школы ко мне стали подходить учителя со странным предложением, не хочу ли я возглавить комсомольскую организацию. Не вполне ясно сознавая, за что такая честь, я категорически отказывалась. По некоторым размышлениям, не переставая искренне удивляться неожиданному обороту судьбы, пришла к убеждению, что школа испытывала дефицит в идейных кадрах. А иначе, кому в голову пришло бы обратиться к моей скромной персоне.

Наконец, приставания кончились. Почётная миссия была переадресована Ленке Соломон. Её уговаривать не пришлось.

Есть же люди, внешность которых с юных лет чётко соответствует содержанию!

Вот такая и была у Соломон.

Квадратное лицо, даже немного расширяющееся книзу, бесцветные наглые глаза-буравчики, тонкие злые губы с выступающей вперёд нижней челюстью. Нос острой морковкой задран несколько кверху. Голова сразу переходила в кургузое туловище. Заплывшая шея едва проглядывалась. Голос под стать внешности – грозные, агрессивные интонации в разговоре. Её первоначальным движением всегда было желание подавить своего собеседника.

При этом в ход шли не логические аргументы, а злой буравящий взгляд и наступательный стиль общения. Это действовало. С ней старались не связываться.

В старших классах она облюбовала жертву в виде интеллигентного мальчика, Олега Грачёва, молчаливого и неглупого. В штаны к нему лезла нагло и настойчиво. Наконец, опомнившись от её гипнотических приставаний, Олег попросил оставить его в покое, добавив с обескураживающей искренностью, что так и не понял, что это такое между ними было.

И вот такое чудовище возглавило комсомольское собрание как комсорг школы.

Она восседала за длинным столом и зычным голосом перечисляла пункт за пунктом повестку дня, где, конечно, нашлось место и перевоспитательной тематике, и наставительным упрекам в адрес нерадивых, и т.д. и т.п.

Зал безнадежно затих, уныло принимая этот маразм как неизбежное, а я с ужасом осознала, какая дикая роль была уготована мне, согласись я на нее, и благодарила судьбу, что отвела меня от такого греха.

Соломон же была в своей стихии.

Небось, свою птицу счастья в жизни успела схватить, и не за хвост, а за горло.

Страты

Избирательность памяти отражает характер.

Особенно это касается незначительных на первый взгляд эпизодов.

Лида Карева. Она стояла в отдалении от входа в 31 школу в начале сентября и отстраненно смотрела на веселую толпу бывших одноклассников.

Я пробегала мимо, спеша на первый день занятий, и еще не знала о произошедшей реорганизации.

– Лида, привет! Ты чего стоишь? Пойдем, а то опоздаем.

– А я уже не в этой школе, – сказала, мельком взглянув в мою сторону, сухо, без улыбки.

– Как так?

– Нас всех разделили. Вы, белая кость, остались в 31-й, а мы – черная кость. Вот нас, черных, и погнали в 60-ю.

Она была из бедной семьи, всегда бледная и грустная, в учёбе ничем не выделялась. Значит, по

закону наших джунглей не заслужила места под солнцем.

Нам было не больше 13 лет.

Кому математика?

Пронырливая Ратнер Нинка дружила со мной только до порога математического кружка МГУ, что был на Моховой рядом с нашими домами. Как только мы переступали порог аудитории, она срывалась как оглашенная и мчалась к самым умным мальчикам кружка, активно елозя всеми частями тела вокруг них, пока ничего не подозревающие простодушные таланты с жаром обсуждали непростые домашние задания. Всем своим видом демонстрируя полное слияние с из-

бранным братством и изредка вставляя как своя те или иные замечания типа: «Вот и я так же думала! Вот и у меня так же получилось!», она абсолютно забывала о моей скромной персоне, робко стоявшей в стороне.

После занятий мальчики разъезжались по домам, а Нинка, оставшись одна, опять обо мне вспоминала и шла домой вместе со мной. Как-никак жили рядом, так сказать по соседству, и учились в одной школе.

Кому нужна была математика, а кому – математик. Ох, и ушлая девка была эта Нинка Ратнер!

Антропология МИФИ

Первое знакомство со священным чертогом под названием МИФИ прошло в актовом зале.

Нас, поступивших, наставлял начальник первого отдела, мужчина лет пятидесяти пяти-шестидесяти.

Плотная, упитанная фигура, уверенный, хорошо поставленный командный голос, гладкое, полноватое лицо с широко открытыми выпуклыми глазами. Но больше всего запомнился рот – пухлые губы, сладострастные и капризные. Чувствовалось, что их хозяин живёт сытой жизнью, любит женщин и не привык ни в чём получать отказ.

Самоуверенный сибарит из КГБ первым делом приказал порвать отношения со всеми иностранцами.

Я готова была, но никаких иностранцев на горизонте не

наблюдалось.

Далее нас предупредили, что эта зараза будет цепляться к нам везде – в кафе, в домах отдыха, на берегу моря, в бане, в походах по горам Кавказа и уж тем более в ресторанах.

Поэтому, дети, не ходите в Африку гулять.

Затем привёл поучительный пример отчисления из МИФИ одного гениального студента, за которым гонялась иностранная шпионка, наша проститутка Маруська Сидорова. Она была завербована, где бы вы думали, – в ресторане! И студент поддался мозолистой руке страсти.

– Хороша была, стерва, – мечтательно причмокнул губами наставник молодежи, но тотчас взял себя в руки и насупился.

Вызванный срочно в МИФИ отец пойманного в сети несмышлёныша, поражённый известием, начал жонглировать стульями перед носом сына прямо в кабинете наставника.

Но это не помогло. Наставника от КГБ не убедило. Он понял, что Маруська Сидорова глубоко запустила свои завербованные коготочки с иностранным маникюром в самое нутро гениального студента.

А так как студент был выпускником, то получил распределение не в заветный радиоактивный рай под названием Курчатовский институт, а на фабрику по производству синтетических стиральных порошков. К чёрту полетела будущая карьера облучаемого у реактора молодого гения.

И, увы, не испытать ему операции героического Павла Гу-

сева из фильма «Девять дней одного года». Вот такой облом!

Забегая вперёд, замечу: через несколько лет качество советских стиральных порошков возросло.

Спасибо шпионке Маруське Сидоровой.

– Так что ребятки, – продолжал губошлёп – никаких немцев, французов, американцев, датчан, шведов, негров чтобы рядом с вами не было.

В этот момент я задумалась о непредсказуемой природе страсти. Немцев, французов, американцев, датчан, шведов действительно на наших улицах в шестидесятых днём с огнём было не сыскать, а вот с неграми – никакой напряжённости. Толстые и тонкие, высокие и не очень, с губами как у нашего оратора и даже ещё толще, чёрные как квадрат Малевича и всевозможных шоколадных оттенков – они бродили по Москве всюду.

Мы тогда как раз освобождали их от проклятого ярма капитализма, разжигая по всему миру огонь свободы. Их руками, разумеется.

И как-то сразу живо представила себе, что один из этих московских негров возьмёт и влюбится в меня. У меня вообще и раньше наблюдался очень серьёзный и основательный подход ко всему.

Если обещать – обещание надо выполнять. Обещать не влюбиться невозможно – это же чувство.

Осознав, что от меня требуют практически невыполнимое, я и спросила, как быть в такой ситуации, когда негр,–

сразу в КГБ бежать, а потом повеситься или наоборот.

– Хотя враг не дремлет, но с негром это наименее вероятно – уверенно парировал наставник, не усмотрев алогизма в вопросе и неожиданно обнаружив осведомлённость в моих интимных предпочтениях.

– Ну а всё-таки, если случится? – настаивала я при полной тишине в аудитории.

Тогда он посмотрел на меня внимательно и сказал, что мальчики института мне это не дадут сделать. Мальчики в аудитории от души засмеялись. А я засомневалась, но больше вопросов не задавала. У меня всегда была заниженная самооценка.

На протяжении всей учёбы этот тип больше не встретился, но какое-то неуловимое присутствие духа Чеширского кота из КГБ ощущалось в институте во всём.

Потом пошло выступление преподавательского состава МИФИ.

Нас долго и настойчиво уверяли в нашей избранности. Под конец мы все раздулись как лягушки из басни Лафонтена, но лопаться начали уже в дальнейшей жизни, когда наступил кризис возраста и переоценка ценностей.

А пока мы были самыми умными, самыми передовыми и в авангарде лучших в великой стране.

Словом, задурили нас надолго, отравив своими бреднями. А многих и навсегда.

Первые же лекции в огромных просторных аудиториях не

обошлись без конфуза.

При выходе из лекционной аудитории молодых девиц прогнали через строй нагловатых ерничающих парней старших курсов. Они сбежались смотреть на юных девственниц, отпуская разудалые шуточки, перебрасываясь друг с другом двусмысленными замечаниями, причмокивая, присвистывая и от души потешаясь над нашим смущением. Мы чувствовали себя как на невольничьем базаре где-нибудь в Геленджике.

В этот момент захотелось одеть чадру. Правда ощущение быстро прошло и никогда более не возвращалось. Однако в глаза смотреть мужчинам с тех пор я так и не научилась. Напугали.

А вот в мои настойчиво заглядывали. Причём так неожиданно, что я останавливалась, как вкопанная. Глаза были наглыми и смеющимися, будто знали что-то такое обо мне, чего я сама не знала. Натыкалась я на них и на институтской лестнице, и на дорожке, ведущей в МИФИ, и в нашей читалке. Но в читалке хоть можно было спрятаться за перегородкой, уткнувшись носом в лекции и поджав под себя ноги – их тоже разглядывали.

Обладатели смеющихся глаз вовсе не собирались останавливаться и знакомиться. Просто их забавляли наивные девицы, решительно взявшиеся за учёбу.

Мальчишкам МИФИ ничего не было чуждо, и они не очень обременяли себя соображениями морали. А как иначе, если

вступительная речь была такой вдохновляющей.

Поехали мы с институтскими подругами в дом отдыха от МИФИ в Коллонтаево.

Ходили мы на лыжах весь день, а наши мальчики не вылезали из номеров студенток педагогических вузов. Веселье там шло полным ходом, и пили тож...

Вечерами морозное небо в Коллонтаево оглашалось криками будущих хозяев жизни, и высокие звёзды слушали в дупель пьяный хор двадцати глоток:

Она, она, жареные раки...

Приходи ко мне на ночь,

Я живу в бараке.

Незамысловатый репертуар не менялся.

Потом, поиздержавшись на дам-с, молодые гусары прибежали к нам денег просить, обещая вернуть в институте, хотя до этого с нами не были знакомы.

Видимо мужики-халявщики рассчитывали, что мы, истосковавшись по их вниманию в Коллонтаево, клюнем на возможное продолжение знакомства в институте.

Ну, это как клянчить деньги на баб у жены, уверяя её что всё равно к ней вернуться, никуда не денутся.

Короче, мы, девочки, очень скоро обнаружили, что в МИФИ при всём многообразии представителей мужских особей вокруг нас стоящие экземпляры попадались редко.

Как и в жизни.

А если и попадались, то цвести им долго не давали. Обрывали первоцветы рано. Не знаю кто. Может быть Маруськи Сидоровы.

Но бывали и такие, что свои первоцветы не доверяли кому попало, а доносили сокровища по назначению, сиречь под крыло влиятельному тестю. Некоторые из первоцветов, особо целеустремленные, к крынке со сметаной подходили сразу, а иные в нерешительности кружились в брачном танце вокруг да около какое-то время. Наиболее хитроумные заставляли эту крынку саму бегать за ними и лезть в рот.

Ну, во всяком случае, пополнение армии зятьёв успешными карьеристами в семьях генералов всех родов войск, а особенно КГБ-эшных, а также работников Внешторга, дипломатов и прочей советской голопятой, так сказать, элиты шло полным ходом. Приезжие первоцветы, что попроще, соглашались и на простую мамзель с московской пропиской. Базар жизни шёл полным ходом.

Но были трагические исключения.

Одна бедная девушка, не разобравшись, что к чему, покончила жизнь самоубийством, отвергнутая. Прощались с ней в институте как раз против того места, где на доске отличников висела фотография вероломного любовника, некоего Ашкенази. Другая бросилась с балкона на вечеринке, когда её молодой муж, студент МИФИ, тоже роковой отличник Караганов, привёл туда же свою новую подругу.

Мальчики резвились с размахом.

Как я теперь понимаю, настоящее бескорыстное чувство вспыхнуло на нашем курсе один раз.

И фамилия его была Волков. Он блестяще учился, но перешёл к нам на факультет, чтобы быть рядом с ней, чем всполошил весь деканат. Серьёзные дяди из деканата учуяли, что молодому таланту мешают учиться. Разобравшись, что это не Маруська Сидорова, а своя, они вызвали Надю на ковёр. Отцы-иезуиты не стали поджаривать несчастную на огне, потому как Надя клялась искренне, что к этому безобразию никакого отношения не имеет. Над ней сжалились, и они пошли по жизни дальше вместе.

Были и другие экземпляры посложнее, но недоступные и с весьма высокой самооценкой.

Вспоминается, как однажды в перерыве между лекциями я заглянула в пустую аудиторию, где стоял рояль.

Села, заиграла ноктюрн Шопена. Практики давно не было, и мои деревянные пальцы тарабанили неуклюже по клавишам, вызывая воспоминания о давних музыкальных студиях. Но даже в таком исполнении трудно было испортить гениальную музыку. Я забылась – за роялем со мной раньше это часто случалось.

И вдруг дверь открылась, и вошёл высокий темноволосый юноша с умным незаурядным лицом и пронизательным взглядом. Ласково улыбаясь, попросил разрешение послушать.

Смущённая, я кое-как доиграла до конца, а потом мы разговорились. Говорил в основном он хорошо поставленным голосом и очень уверенно.

И в этой уверенности, а особенно в интеллигентной манере общения чувствовалось резкое отличие от многих студентов МИФИ, какая-то породистая особость, которая обычно сопровождается хорошим вкусом во всём в жизни.

А сердце моё учащённо билось, и я едва осмеливалась взглянуть ему в глаза. Неужели принц?

Получив ответы на вопросы, давно ли я играю и каковы мои музыкальные предпочтения, он вдруг неожиданно и как бы между прочим вплёл в разговор упоминание о своей невесте. Она учится в музыкальном училище и тоже играет.

Меня грамотно спустили с небес, послав сигнал ни на что не надеяться и деликатно обозначив причину интереса исключительно к музицированию, а не ко мне, чтобы я знала своё место.

Странно, но это вспоминается до сих пор. Я тогда позавидовала его невесте.

Остальных студенток МИФИ их боевые друзья заранее предупреждали вести себя прилично, не выходя из роли боевых подруг. И во многих случаях потому, что папы и мамы боевых подруг не стали крупными начальниками, ну вроде того КГБ-эшного губошлёпа.

Роль боевой подруги поневоле пришлось и мне примерить на себя.

Я как раз завершала чертёж цветка лилии со сложным сечением, и при следующей выдаче милые женщины, раздатчицы чертежей из хранилища, предупредили, что мой чертёж активно использует некий студент. Может быть ваш знакомый?

Знакомым оказался препротивнейший тип. Он юлил и хихикал, не зная, что сказать в своё оправдание, но почему-то решил, что в качестве компенсации можно проехать со мной в автобусе по дороге из института домой. Не помогло. Чертёж ему больше не выдавали.

Разумеется, это уж совсем был отброс.

МИФИ действительно авангард не только в области науки, но и в области человеческих отношений. Прообраз этих отношений реализован сегодня один к одному по всей стране.

Помню, дала свои лекции для подготовки к экзамену одному студенту. Когда же сама обратилась к нему с аналогичной просьбой, получила спокойный отказ. И такой случай в моей практике был не единичным.

Некоторые экземпляры мужских особей МИФИ заслуживают особого упоминания.

Наш школьный учитель математики всё время восхищался мальчишками старшего класса. Среди них был некто Алексей Баданов – объект повышенного внимания девичьего коллектива моего класса.

Я только и слышала: Баданов, Баданов, Баданов... Он поступил в МИФИ на год раньше меня, и на вечере выпускни-

ков школы нас познакомили.

Снисходительный взгляд через полуопущенные веки, небрежный кивок в мою сторону избалованного и утомлённого красавца с лицом английского лорда.

К тому времени цель нашей жизни для меня хоть и была таинственной загадкой, но я голову над ней не ломала и чудеса не подозревала. Словом, ещё безмятежно спала.

В институте красавец-лорд еле-еле кивал при встрече. Мои подруги, заметив эти кивки, с благоговейным шёпотом выясняли степень нашего родства. Видимо Дориан Грей отечественного разлива производил сильное впечатление. Но его высокомерие и самолюбование удерживали меня от попытки подойти заговорить первой.

И вот, спустя много лет в Большом зале Консерватории на вечере хора МИФИ на сцене среди хористов – студентов и преподавателей – я увидела обезьяну.

Седой старый сатир с изжёванным лицом, морщинами на лбу и глубокими складками от носа к углам рта просто пугал очевидностью прожитой развратной жизни. Это была маска-портрет Дориана Грея в конце романа.

Кто он, и почему его вообще с таким неприличным лицом выпустили на сцену?

Сатир улыбнулся кому-то в зале, и я с ужасом узнала Баданова.

Не знаю, какому тестю он себя преподнёс, но видно жизнь была бурная.

Однако не все находились в глубокой спячке как я.

Помню, весёлая стайка девушек из моей группы покупала билеты в театр Сатиры и между делом травили анекдоты. Девушки МИФИ тоже иногда любили невинно расслабиться.

«Пани Ковальска, пани Ковальска, Вы что, не девушка?!»

«А что, уже?»

«Давно уже!»

«Тогда – ой, ой, ой!»

Не засмеялась только я.

Сначала на мои вопросы отшучивались, а потом Танька Сакали с досадой объяснила, что я – дура.

Я и сама об этом догадывалась с первых дней пребывания в Alma mater, путаясь в лабиринтах тёмных переходов солидного здания.

В один злополучный день в поисках своей лекционной аудитории, но уже опоздав, решила прислушаться к теме начавшейся лекции. Для этого, как мне казалось, надо было прижать ухо к непрозрачному матовому стеклу плотно закрытой двери аудитории.

Но когда ухо коснулось стекла, лектор почему-то замолчал.

«Видимо надо прижаться поплотнее, слишком тихо говорит» – решила я.

Отклячив зад и вывернув голову набок, прижалась изо всей силы и услышала негромкий смех.

Но лектора опять не было слышно.

Я отпрянула от стекла и немного подождала. Слышу, опять лекция продолжилась.

«Ага, лови момент. Надо услышать, о чём он».

Как только вернулась в предыдущую позицию, лектор опять замолчал, а аудиторию потряс взрыв хохота.

«Не везёт мне. Наверно, что-то смешное чертит на доске. Веселая лекция.

А прижмусь-ка я лицом к стеклу. Может, что увижу».

И вот моё лицо плашмя жмётся изо всех сил к стеклянной двери, растопыренные ладони упираются туда же, нос превращается в лепёшку, губы расползаются в свиной пятак, а глаза сосредоточенно вращаются, выискивая воображаемую доску, где должно быть чертят интересную картинку.

Гомерический хохот двухсот глоток. Смеётся уже весь факультет. А мне сквозь матовое стекло ничего не видно.

Громовые раскаты потрясают лекционный зал, как только прижимаюсь к стеклу. И так несколько раз подряд.

Видимо тема была настолько интересной, живой и остроумной, что вышедшие после звонка из аудитории студенты более старшего курса – это оказался не мой факультет – шли с весёлыми лицами и почему-то смеялись, заведя меня.

В таком святом неведении абсолютно во всём, кроме леса формул и каскада лабораторных работ, семинаров и изматывающих сессий, пролетели почти шесть лет.

И я вылезла из джунглей сумматоров, интегралов, дифференциалов, теории графов, теории вероятности, мат. ста-

тики и прочих премудростей с всклокоченной головой, блуждающим взглядом, поцарапанная, одичавшая, но целая и невредимая во всех остальных смыслах.

Готовый специалист!

До сих пор не знаю, какой мудрости отдать предпочтение - «знание – сила!» или «во многия знания многия печали»?

Воронков

Сережка Воронков, мой однокурсник, гулял по-черному – бесстыдно, беспробудно, никем не брезгуя.

При этом был хорош собой, блестяще учился и имел во всем поразительно пытливый ум.

Перевелся он к нам из института радиоэлектроники, где математику давали в меньшем объёме. Поэтому, часто пересекаясь со мной в читальном зале Ленинки, поначалу задавал элементарные вопросы. Ровно через год он уже не нуждался ни в чьей помощи.

А диплом Воронкова, со слов его руководителя, вполне тянул на кандидатскую.

После окончания института Сергей проштудировал юридические статьи и добился комнаты от предприятия как молодой специалист.

Оказывается, есть такой закон. Только многие ли о нём знали?

Да, он был порочен. Всё познавал на собственном опыте

с размашистой неосторожностью, абсолютно лишенный лукавства и лжи, как будто чуждый инстинкту самосохранения или как будто не получил этих навыков в семье. Казалось, он спешил с какой-то обречённой отчаянностью, предчувствуя недолгую жизнь.

Марина была курсом младше. Обожала его исступленно, безоглядно.

Мы видели, как в ожидании конца лекции, затаив дыхание и почти окаменев,

эта молодая девушка, никого не замечая, стояла как верный пес, устремив взгляд на заветную дверь аудитории.

Сколько прошло лет, а я до сих пор помню ее дрожащие от волнения руки.

Он на ней женился, начал приводить домой шлюх и..... прямо в ее присутствии.

Она в слезах и отчаянии жаловалась друзьям.

Затем они разошлись.

Сергей несколько лет писал диссертацию, проведя множество сложных экспериментов и расчетов. И однажды, неосторожно оставив на диссертационном фолианте включенный электрический чайник, отлучился в соседнюю лабораторную комнату. Когда он вернулся, от диссертации остался один пепел. Повторить опыты больше не было возможности, а диссертационные записи почему-то были в единственном экземпляре.

После этого Сергей как-то сник, стал много пить, ушел в

себя и через три месяца в полном одиночестве умер от разрыва сердца.

Он принёс много горя тем, кто его любил. Но он был такой, какой был – грешный, жадный до жизни, неосторожный и нерасчётливый. И не нам его судить.

Говорят, Марина вышла замуж, и вроде всё как у людей. Но!

Она до сих пор вспоминает его и жадно выпрашивает у общих друзей, как он умирал.

Ужас.

Одиночество

У нее был период в жизни, когда она с нетерпением ждала ночь, чтобы забыться от безысходной действительности. В мире снов было лучше, чем в монотонной яви. Ей было уже за тридцать, а не было ни детей, ни мужа, ни любовника. Будущее проступало контурами отчаянного одиночества.

Когда один непутевый развратник, весьма расчетливый, решил, наконец, вписаться в рамки семейной жизни, то в поисках достойного примера он в разговоре с ней почему-то сравнил себя с благородным Дэвидом Копперфильдом, который ищет свою Агнесс.

Она хотела возразить, что современные умницы Агнесс с их врожденной скромностью, целомудрием и нерасчетливостью остаются одни-одинёшеньки. Но промолчала.

Он женился на той, что с рыбьей немотой годами сидела рядом с ним, переживая все его романы, и всем своим видом убеждая его в том, что ей ничего от него не надо, кроме него самого, (но это последнее, разумеется, в скобках).

Сходство с Агнесс было весьма спорным, тем более, что на этом сидении все достоинства его тени и заканчивались.

При случайной встрече поинтересовалась, как течет его семейная жизнь.

– Ты же знаешь, я всегда ляпаюсь, – был ответ.

Да, она это знала.

Саша Селезнев

*«... мне и рубля не накопили строчки,
краснодеревщики не слали мебель на дом...»*

Саша Селезнев был гениальным программистом. На его примере реализовалось редкое совпадение профессии и хобби. Это знали все. И когда Сашу послали в наше посольство в Сирию для наладки программного обеспечения (Software) на три месяца, то по истечении этого срока пришел запрос оттуда на задержание его ещё на неопределенное время, потому что он не только справился с основным заданием, но уже приступил к оптимизации системы на уровне железок (Hardware).

Был он как волк-одиночка – всегда молчаливый и сосредоточенный на своих программах. Часто оставался на рабо-

те на всю ночь у компа, а утром встречал коллег с красными от бессонницы глазами, после бесчисленных чашек крепкого чая. Это была его жизнь, и другой ему не надо было.

Часто я обращалась к Саше за советом, если в моей задаче наступал ступор.

И вот что удивительно – он всякий раз не только указывал верный путь, точно схватывая проблему, но и освещал вопрос шире. Как и бывает с талантливыми людьми, он всегда был щедр на профессиональную помощь.

Поэтому, когда Саша обратился ко мне по поводу какой-то детали в моей программе клавиатурного драйвера, моему ликованию не было границ. Как же, сам Селезнёв спрашивает!

Он, к примеру, оптимизировал язык СИ так, что программа в загрузочном виде занимала в семь раз меньше места, чем аналогичная в оригинальном варианте языка.

Когда нас сокрушительно разгоняли в начале девяностых, я почувствовала тоску, что навсегда расстанусь с таким профессионалом, о чем ему и сказала. В этом не было ничего личного. Просто так складывалась жизнь – мне в одну сторону, ему в другую.

Мне по возрасту уже пора было перемещать центр интересов на своих маленьких детей, да и другие бытовые проблемы встали со всей очевидностью.

Ему же предстоял поиск новой работы. Не сомневаюсь, что на новом месте он быстро получил признание как в УИС

АПН.

Саша был разведен. Где-то воспитывался его единственный ребенок. Говорили, что развод с женой переживал сильно и в женщинах был разочарован.

Похоже было на правду, т.к. ни одной одинокой коллеге нашего Управления Информационных Систем переломить ситуацию не удалось. А попытки, и весьма изощренные, имели место.

Жил он после развода в комнате в коммунальной квартире и в быту, видать по всему, был неприхотлив.

Как-то признался, что любит походы с палатками и посиделками у костра больше всего на свете. Саша вообще-то о себе никогда ничего не рассказывал, ибо по природе был замкнут.

В светло-голубых глазах его всегда светилась мысль и внутренняя сосредоточенность.

Приблизительно к концу моего пребывания в АПН мне удалось в отделе фильмографии договориться о напечатании лично для меня книги Стивена Коэна о Бухарине. Тогда все о ней говорили, но в продажу книга еще не поступила. Любезная сотрудница отдела фильмографии пошла мне навстречу и через два-три дня принесла отпечатанный оттиск.

Передавая его, она извиняющимся тоном попросила оттиск вернуть, потому что господин Фалин, тогдашний глава АПН, случайно увидев напечатанное, изволил потребовать всё себе.

Я в сердцах выругалась и высказалась о бесцеремонности вельможного хапуги. Чтобы не подводить милую женщину, договорилась вернуть книгу через три дня.

Книга оказалась ничего особенного, – так, конъюнктура момента.

Один ловкий конъюнктурщик Коэн рассказал нам о великом пролетарском проходимце Бухарине. Меня больше всего поразило, что этот попрыгунчик, пока в ЧК вышибали зубы у его ближайшего друга и соратника, – лучше сказать подельника, – Сокольникова, премило отдыхал в походе по горам Кавказа.

Но вернемся к Фалину, труженику на ниве советской идеологии, для которого, конечно же, такие люди как я вообще не люди.

Перезревший фрукт советской эпохи, «...попивая вино тайком, проповедывал воду публично...», а потом вовремя смылся.

Короче – быстренько перебрался на оплеванный им же Запад и уже давал интервью о своих великих «прозрениях» и о том, как он пытался, преодолевая себя ради блага Родины, идя наперекор своей совести (!), всю свою «подвижническую» жизнь повенчать розу здравого смысла с жабой социализма.

Но его ламентации так и остались криком в пустыне! Так он, бедный, и бился в тенетах ради отечества по мере своих скромных сил. Словом, жертва режима.

Весь этот бред весьма образованный – а чем еще было заниматься, если не стеснялся у других из под носа книги воровать, пока на него другие работали – Фалин нёс на фоне своего очаровательного, утопающего в зелени дома в Западной Германии.

Саша так и остался нищим, хотя был кладезем недюжинных возможностей.

Фалин, никакой пользы никому кроме себя не принеся, поимел всех и вся.

И разве что-нибудь изменилось?

Мишина

На первом курсе надо было принюхаться всем ко всем.

Понимали это не все. Ведь возникали союзы, кратковременные или долгие на всю жизнь, и

молодёжь инстинктивно искала друзей, без которых дальнейшее существование было невозможно.

Зачастую одиночество – благо. Но мы ещё этого не осознавали.

Поэтому начались первые посиделки, предлогом для которых были любые праздники, а сутью в конечном итоге – поиск своей половины.

Естественно, встреча организовалась на женской половине группы, как наиболее остро сознающей бег времени. И было это в маленькой квартирке Наташи Стекольниковой на

Речном вокзале.

В две убогие смежные комнатки набилось до тридцати человек молодых и ищущих.

Шум, гам, смех, шутки – всё то, что посылает друг другу сигнал: «моё – не моё».

Тут, как водится, только гляди в оба.

Кто-то бросает лёгкие пальцы на клавиши пианино.

Да, нас, девиц, «...лёгкие пальцы на нежные струны бросать...» учил ещё Овидий. Это мы знаем.

Утончённая музыка должна подчеркнуть ухоженность и красоту этих пальчиков, кистей рук и запястий. Здесь отличилась Маринка Полищук. Она решительно вытеснила меня с вертящегося стула, превратив глупые и пресные арпеджио школьной недотёпы в игривую мазурку Шопена. Царственно и небрежно, а главное ненавязчивым каскадом звуков переливалось и сверкало – лови мою романтическую душу.

Потом – короткое застолье с неприхотливой снедью. Тут уж глаза в глаза с подхваченной вовремя шуткой и остроумным парированием в ответ. Главное быстро и экспромтом.

Встали, потянулись и пришло время гитары.

Гитара вместе с Косыревым исторгла из своего чрева полублатной шансон. Он пел, еле открывая губы и полуприкрыв глаза, как бы нехотя откровенничая с невидимым слушателем. Предполагалось донести до общества – цель нашей жизни для Косырева уже не таинственная загадка. И для него, такого разочарованного вечного странника, тоже долж-

на была найтись своя понимающая грудь, на которой он наконец отдохнёт.

Некоторые сидели в углу, мрачно размышляя, зачем они здесь.

Ребятки ещё не проснулись для жизни и пришли по инерции.

В другой угол вжался скучающий Игорь Бурлаков. Игорь сразу понял, что баб не предвидится. Поэтому на всякий случай запасся никому не известным дружком себе под стать. Оба бывалых завсегдатая далеко не таких постных пирушек, быстро оценив ситуацию, по-деловому заняли дислокацию на той части стола, где громоздился армянский коньяк. Игорь не любил зря тратить время. Они вдвоём налегли, причём стоя, на восхитительный и дорогой напиток. Оба, изредка бросая скольльзящий взгляд на веселившихся детишек, как бы увлечённо о чём-то говорили между собой и как бы по инерции наливали рюмка за рюмкой бесплатную выпивку.

Ну, а чем ещё заниматься настоящим мужикам в ясельной группе?

Ну и наконец, всем пирушкам венец – танцы. Танцы – манцы – зажиманцы.

А места то и нет в окраинной хрущёвке.

Поэтому на середину вышла самая смелая – Наташка Мишина. И предыдущие номера померкли.

Под звуки зажигательной румбы Наташка выдала всё, чем полна была её целеустремлённая натура.

Не сходя с места, ловко извивая полноватный стан, пытаясь в тщетном усилии что-то раздавить на полу то одной ножкой, то другой, она источала всем флюиды надежды на неземное блаженство.

Народ безмолвствовал. Вся женская половина во главе с хозяйкой скисла.

Боже, сколько лет прошло, а я до сих пор помню: метались её бёдра

*«... Как пойманные форели,
То лунным холодом стыли,
То белым огнём горели...»*

Бёдра Мишиной, обтянутые тёмной материей с искринкой, полные, упругие как крутой холодец, била мелкая дрожь. То они замрут, то опять под призывные звуки румбы начиналось их умопомрачительное вращение. Дивилась я такой прыти и стояла, разинув рот.

Во второй части выступления нам демонстрировали поэтические таланты.

Прислонясь к стене и мечтательно запрокинув голову, рациональная Мишина проникновенно читала Лорку.

И была там форточка, и форточка распахнулась, и порыв ветра ворвался к девушке в комнату.

И девушка испугалась и не знала, что делать. Ах, зачем, зачем она впустила ветер?

Увы, впустила ветер!

Я стояла и думала, но уже с закрытым ртом: «А зачем,

действительно, она впустила ветер? Может поэт имел в виду погоду? А может форточка неплотно была закрыта и это не порядок. Видимо, имелось в виду, что внезапный сильный стук форточки её испугал. Ну что ж, романтично, но непонятно. А спрашивать нельзя. Все вроде поняли и молчат. Я тоже буду молчать».

На этом чтица устало прикрыла глаза и тихо скользнула в тень.

Программа была выполнена на сто процентов. Не останавливаясь, в течение пяти-семи минут пулемет бил вкруговую, неприцельно, в кого попадёт. И вы хотите сказать, что после такого обстрела ещё кто-то остался в живых?

Жатва не заставила себя долго ждать. Уже на следующий день стало ясно, что первым на поле боя пал Женька Громыко.

Мишина на этом не остановилась. ореол загадочности был как ежедневная униформа вкупе с лукавой то ли усмешкой, то ли полуулыбкой. И когда на её пальчике засияло невиданное кольцо, густо усеянное сверкающими камешками в квадратной оправе, я осмелилась подойти, заморожённая их блеском.

«Наташа, это что за камни?»

«Бриллианты» – тихая, смущённая улыбка.

«Боже, такие большие и так много!» – мой восторг уже приближался к экстазу.

« Откуда такая красота?»

«От бабушки» – просто и с достоинством тихим голосом ответил ангел, втыкая в лабораторный стенд проводочки.

Дворянское происхождение налицо. А какая порода, а какая статья. Недаром я что-то чувствовала.

Шли дни, месяцы и годы. Текла жизнь. И я забыла про кольцо от бабушки.

Как-то в троллейбус вошла простоватая баба с баулами, положила свою руку на поручень. И засверкало знакомое кольцо, «невиданное кольцо, густо усеянное сверкающими камешками в квадратной оправе» – великолепная чешская бижутерия.

Но в людях Мишина разбиралась прекрасно. Теперь о грустном.

Шла я по институтскому дворику и на скамейке увидела Наташиного мужа. Как понимаете, Наташка в девках не задержалась. Она вышла замуж за врача. Он, наверно, любил румбу и Лорку.

Мы были хорошо знакомы.

Сидит и смотрит прямо мне в лицо и не здоровается. Я была в шоке и очень обиделась.

Через несколько дней в разговоре с Мишиной всё-таки упомянула этот эпизод.

«Да, он ждал меня и сидел в полной прострации. Он никого не видел» -сказала она.

Оказывается её Сережа прислушивался с ужасом и горечью к разговорам группы молодых людей, студентов МИФИ.

Они читали записную книжку с телефонами знакомых девушек.

Грязные, пошлые шутки в адрес каждой перемежались с детальным описанием её интимных особенностей, громким ржанием и детализацией всего того, о чём мужчине говорить не пристало.

Сергей, не раз присутствовавший при родах и сам их принимавший, слушал в большой печали, и на лице его было выражение глубокого горя.

Да, Наташка Мишина в людях умела разбираться.

Побушевали, побушевали вечеринки и затихли. Что из них вышло, не знаю. Как-то немного пар сложилось у нас на факультете к выпуску. То ли люди друг другу надоели, то ли центробежные силы оказались велики и всех разнесло по каким-то своим компаниям, то ли учёба осточертела так, что досуг спешили провести вне знакомых стен и вдали от институтских лиц. Что есть, то есть.

Но одна вечеринка в параллельной группе запомнилась, потому что кончилась скандалом. Готовились к ней долго и возбуждённо. Обсуждали заранее что, сколько, когда и кто – всё по деталям.

В лидеры группы постепенно выдвигались двое – Надя Прудникова и Мясоедов. Имя не помню.

Шутили, смеялись и ждали с нетерпением предстоящее веселье.

А после вечеринки до конца института близко не подошли

друг к другу.

Надя просидела всю институтскую жизнь рядом с неприемным тихим парнем, и оба они абсолютно спокойно демонстрировали свою самодостаточность, практически ни с кем из группы не общаясь.

Когда же на старшем курсе на групповом собрании Мясоедов был выдвинут институтским руководством на депутатскую должность (!) и оставалось только послушно поднять руки, Надя выступила.

И она сказала, что Мясоедов – подлец, что таких людей, как он, к власти пускать ни в коем случае нельзя, и если мы сейчас дадим слабину, то этот карьерист пойдёт дальше, круша всё на своём пути, по трупам.

Многие, многие студенты в МИФИ выросли рано, потому что, скажем правду, были просто умны.

Бурлаков

*...Жизнь есть товар на вынос
торса, пениса, лба.*

*И географии примесь
к времени есть судьба...*

Об Игоре Алексеевиче Бурлакове, моём весьма способном сокурснике и некоторое время сотруднике, надо говорить долго и осторожно.

Рождённый под знаком Близнецов, вечно мятущийся и противоречивый, он шёл к своей цели зигзагами. Иногда эти зигзаги переходили в затяжные петли, и оставалось только крутить пальцем вокруг виска.

Но Игорь Алексеевич цель из виду не выпускал с пеленок. И укладывалась она в триаду – деньги, связи, власть.

Поначалу понять это было очень сложно, но в результате некоторых промахов в своём поведении он вдруг неожиданно раскрывался где-нибудь на жизненном повороте к вящей растерянности старых знакомых. Тогда – то до них и доходило, что Алексеича они не знали.

По матери Бурлаков был прибалтийский еврей, а по отцу – русский.

Эти две реки текли в нём, прихотливо перехлёстываясь, но никогда не смешиваясь, усиливая ещё больше противоречивость характера.

Своё еврейство он тщательно скрывал, поэтому и сам себя выдавал.

Скрывал потому, что был очень осторожен и весьма труслив.

Однажды я спутала имя одного из его друзей, назвав его Борей. Невинная оговорка вызвала строгий взгляд и ответ с непонятно акцентированной чеканкой слов: «У меня нет и никогда не было друзей по имени Боря».

В другой раз, комментируя каждую фотографию своего семейного альбома, он обнаружил незнание лишь одной, где

в крупном формате был сфотографирован мужчина с лицом еврейского раввина. Быстрота, с которой Алексеич отмахнулся от фото бородатого еврея,

выпавшего из общего повествовательного ряда, и попытался её засунуть в самый конец альбома, говорила в пользу обратного – Игорь хорошо его знал. Были и другие моменты его неприличного отношения к своей древней и достойной нации, но пусть это осталось на его совести.

Отец Игоря Алексеевича «... был простой и добрый малый...», в жизни любил удить рыбу. О ней он и говорил при гостях, так как другие темы ему были малодоступны.

Поэтому, когда обсуждалась последняя культурная новинка или прочитанная книжка за светской болтовнёй во время трапез в доме Бурлаковых, разомлевший папа мог вдруг вставить волнительные воспоминания о последней рыбалке. Но на страже всегда была недремлющая супруга. Она останавливала его вполголоса: «Лёша, не об этом речь, не об этом речь», и Лёша послушно замолкал. Ещё папа почему-то любил ездить в командировки и был весьма благосклонен к дружеским выпивонам.

Еврейская мама там рулила всем. Она внимательно следила за формированием жизненных ценностей дитяти, за его друзьями и даже подружками. С последними у мамы были особенные отношения.

Мамины ласковые зазывания в дом новых подруг сына имели своей единственной целью её нейтрализацию путём

осторожного аналитического поиска за гостеприимным весёлым столом недостатков наивной жертвы. После ухода гостя все её реальные и мнимые слабые места ненавязчиво объяснялись сыну, чтобы, не дай бог, сын не уделил юной особе места в своей жизни более, чем положено по плану, и не нарушил порядок своей железной поступи к главной цели.

Цель разбивалась на этапы, первый из которых – защита диссертации. Следующим шагом должна была последовать выгодная женитьба, открывающая сынуле путь наверх. Ответственный шаг предполагалось совершить годам к тридцати, когда уже состоится защита и будет с чем прийти к высокопоставленному тестю. В сенях у последнего Игорь Алексеевич, надо отдать ему должное, топтаться не собирался.

Поэтому маму, а заодно и Игоря Алексеевича, пока устраивали взрослые особы женского пола и желательно замужние.

Игорь Алексеевич вообще-то был бабником. Баб он бросал первым. А зачем долго затягивать, когда этого добра сколько угодно вокруг, а Алексеич в этом деле любил разнообразие, правда, в рамках определённого вкусового коридора.

Замужняя баба подходила как нельзя лучше. В случае расставания ей было потом на чьём плече выплакать свою несчастную женскую долю. И в этом смысле Игорь Алексеевич при подборе очередной утешаемой проявлял христианскую гуманность.

Итак, стратегия ясна, а вот тактика поражала своим коварством. Игорь Алексеевич, вспоминая своё происхождение по папе, при реализации очередного амурного плана натягивал на себя личину простого парня. В этот охотничий период он был немного нерешителен, раздумчив, с некоторым флёром романтичности в зелёно-голубых глазах, весь погружён в свои диссертационные проблемы, в иных житейских делах как бы рассеян и беспомощен. Очень хотелось ему помочь и вообще научить жизни, что очередная клуша и летела делать с самоубийственной слепотой.

Поначалу Алексеич смущался и даже порывался вырваться из цепких объятий, обнаруживая девственную пугливость юного Иосифа, будто не подозревал об истинной причине деловой встречи наедине.

Взрослую мадам это подстёгивало ещё больше. И решив, что в ловко расставленные силки, попался неискушённый зверь, она наращивала штурм, и неприступная крепость сдавалась.

Штурм Алексеич очень любил. В этой игре только он хорошо знал, кто – охотник, а кто – жертва.

И это тайное знание добавляло особую пикантность его очередному грехопадению.

Когда утомлённые любовники делали передышку, Игорю Алексеевичу приходилось терпеливо выслушивать lamentации о жизни с опостылевшим мужем. Весь сценарий он знал заранее, и сердце его втайне радовалось печальной исповеди

простушки. Он вообще умел хорошо слушать и был уверен, что такая горькая чаша его то уж точно минет.

Во всем остальном жизненный путь героя нашего времени очень напоминал берёзовую аллею, где по краям стояли нежные берёзки-подруги, ни на что не претендующие и дарившие Игорю Алексеевичу сень живительной прохлады в жаркий день.

Порядком подустав от приставаний многочисленных поклонниц, он запутался в нюансах их приёмов охоты на него. Кто-то звонил ему и молчал в телефонную трубку.

Алексеичу это надоело, и он приступил к задаче поиска методом исключения.

А так как Игорь Алексеевич от природы был очень коварен, то однажды, подкараулив меня за углублённой работой, – то есть выбрав момент, когда я никого не замечала вокруг, – он подкрался и неожиданно грубым голосом возопил над моим ухом: «Ты почему звонишь мне и молчишь в трубку?»

Мой ошарашенный вид дал Алексеичу возможность вычеркнуть из круга подозреваемых женского пола ещё одного человека.

Этот метод внезапности в выбивании показаний я запомнила на всю жизнь.

Также стройным рядом в такт берёзкам выстраивались друзья по беззаботным пирушкам. Где только ни проходили памятные встречи – на дачах, в квартирах после отъезда в

отпуск родителей и даже в знаменитом Замоскворечье. Туда, как на правёж, насупленная компания молодых студентов-мифистов давно торила путь, и Игорь Алексеевич с готовностью молодого жеребца выскакивал с ними вместе на отгонный выгул. Там их уже поджидали развесёлые грудастые и податливые замоскворецкие давалки.

Шли гурьбой, сосредоточенно и молча. Потом было весело.

Если родительский отпуск длился месяц, то гудели у Алексеича весь отпускной сезон. Здесь уже обслуживание было с доставкой на дом. После Алексеич появлялся на работе с перепитым лицом.

Но молодость брала своё, и Игорь Алексеевич быстро восстанавливал форму. А когда аспирантские занятия развернулись в полную силу, от загулов перешёл к постоянным связям с замужними в полезном для здоровья режиме. И мама на время успокаивалась.

Вообще-то Игорь Алексеевич не очень заострял внимание своих друзей на дальнем просвете в конце аллеи. Расчет был верный, ибо большая часть стройных берёзок и ветвистых дубов вряд ли, узнав о маячившей в конце аллеи цели, продолжала бы давать Алексеичу пристанище в своей сени.

Во всяком случае, критическим теориям нашего героя о гнилости власти, которая была, якобы, эквивалентна обыкновенной помойке, о семейном ярме, навязанном свободным

Номо Sapiens мужского пола неизвестно зачем и прочим витиеватым вольнолюбивым мыслям быстро бы пришёл конец. И окружение Алексеича отшатнулось бы от своего учителя гораздо раньше, чем он перестал бы в нём нуждаться.

А Игорь Алексеевич не любил, когда его бросают. Он предпочитал это делать сам.

И ничего страшного, хотя и печально, что после его многочисленных лекций о несчастливой доле женатого мужчины, один из его друзей, осознав наконец с помощью Алексеича ошибку ранней женитьбы, пошёл в уборную и повесился на ремне.

Как-то Алексеич с раскатистым смехом рассказывал об одном своём друге, который собирал чемодан на глазах жены и отправлялся в дальнюю командировку на соседнюю улицу, чтобы вволю отдохнуть от семейных уз. Игоря Алексеевича это очень потешало.

Да и сам он не чужд был пошутить в том же духе. Он объявлял матушке, что едет ко мне домой для обсуждения некоторых моментов нашей работы. Визит удивлял меня кратковременностью и некоторой бесцельностью, нехарактерной для Алексеича. Потом он исчезал. Значительно позже я поняла, что Игорь Алексеевич пользовался мной как прикрытием на случай матушкиного звонка.

А сам ехал к своей любовнице, жившей в моём округе. Другие его приятели тоже метались в тщетной попытке примирить свободолобивые и неординарные мысли почита-

емого друга со своей убогой реальностью, что приводило к расставанию с жёнами и поискам следующего святого идеала.

А идеалом, внушённым Игорем Алексеичем своим адептам, был следующий девиз: «Она должна позволять с собой делать всё и любить так беззаветно, чтобы о замужестве и не думалось».

Короче говоря, женщине назначалась роль тряпки. И им в голову не приходила мысль о природной актёрской способности слабого пола. Что и сыграло впоследствии с Алексеичем злую шутку.

С властью тоже отношения были непростыми. С большим удовольствием ругая её перед друзьями, он скромно умалчивал о розовой мечте своего детства – вскарабкаться туда наверх из последних сил, только наверх. Он мыслил себя в будущем большим начальником, и всё, что делал, включая аспирантские бдения над книгами, было направлено исключительно для прочного попадания в высокое кресло. От друзей он также скрывал, что те из них, кто слишком всерьёз примут его рассуждения о гнилой власти и останутся у подножия социальной лестницы, будут в будущем просто сброшены со стремительно идущего вверх паровоза. Потому что нужные застолья с нужными людьми к тому времени приобретут качественно новый уровень.

А сейчас, ещё не попав в ряды избранных судьбой и её баловней, можно поругать счастливых, усиленно скрывая

свою зависть к ним. Для задушевной беседы в этом случае подходили даже простые пивные забегаловки с витающим внутри духом демократии и мужской вольности.

С женитьбой дело обстояло тоже непросто. Конечно, в конце вышеозначенной аллеи жизни она его ждала, куда денешься. Но то, что подход к этому мероприятию у Игоря Алексеевича будет чрезвычайно продуманным и таким, чтобы выстрел прозвучал только раз, догадывались немногие.

Другим можно было ошибаться среди стаи хищных тигриц, но только не Алексеичу.

Поэтому, услышав о разводе своего ближайшего друга, он был на седьмом небе от радости -

у него то будет совсем не так.

Так что брезжил свет в конце аллеи, всё ближе заветная цель, и, когда после очень серьёзных трудов, он блестяще защитился, тут же наступило время следующего логического шага согласно его плану.

Испёкшаяся булочка наконец-то дала себя откусить. Но не простой замоскворецкой давалке, а дочери высокопоставленного военного, в квартиру которого в генеральском доме многообещающий зять ненавязчиво переселился.

Осчастливленная особа вела себя точно в соответствии с вышеупомянутым девизом. Однако Игорь Алексеевич не учёл, что её тайная затянувшаяся тоска о классическом замужестве может сильно повредить здоровью. А так как во всём он имел твёрдое целеполагание в отличие от своих мно-

гочисленных дружков, то развод по причине невозможности иметь детей от горячо любимой супруги ему показался вполне закономерным. И любовь мгновенно куда-то испарилась.

В общем, «... суха теория мой друг, а древо жизни вечно зеленеет...», и плоды с него не всегда бывают сладкими.

Следующий выстрел был более удачным, тем более, что теперь Игорь Алексеевич заранее проверил избранницу не только на соответствие девизу.

Итак, приближаемся к триаде, сиречь к концу аллеи.

Уже пожухли листочки на многих деревьях, оставленных за ненадобностью позади, и Игорь Алексеевич наконец вступил в высокий чертог счастья.

Вот он уже крупный банкир. Далекое в прошлом остались пивные забегаловки, весёлые подружки и внимающие ему преданные друзья. Нет, кое-кого в светлое завтра он прихватил с собой. Тех, кто как и он поднялся к порогу заветного чертога. Мимо же остальных он катил в своём заграничном авто и как бы не замечал отставших от праздника жизни.

В одежде тоже произошла разительная перемена. Вместо размахистого студенческого свитера и вечно расстёгнутой на верхнюю пуговицу простой рубахи без галстука теперь – солидный импортный костюм. На голове модная чёрная кепочка, совсем не та, что в молодости роднила его с незамысловатым русским парнем Васей из той же забегаловки. А та, что носят некоторые члены правительства, то есть власть, так ненавидимая Игорем Алексеевичем в молодости. Чтоб

довершить окончательно портрет преображённого, надобно сказать и об обуви – мягкой, изящной, из кожи шевро.

Власть приняла Алексеича благосклонно, и, казалось, аллея жизни стала аллеей его успеха.

Но здесь он затеял с властью роковую игру. Какая ему шлея под хвост ударила, не знаю.

И неуёмное честолюбие, гнавшее Алексеича всю его недолгую жизнь, понесло его в оппозиционный банк, где, надеясь на роль ферзя, он оказался пешкой в чужой политической возне. И в один прекрасный день бравые ребята-омоновцы в устрашающих масках ворвались в банк и положили всех сотрудников на пол.

Потом, как обычно, обнаружили растрату. Директору банка удалось скрыться, а Игорю Алексеевичу с сотрудниками пришлось долго и упорно доказывать, что они, оставшиеся, – белые и пушистые.

Этот нервный стресс, возможно, инициировал ту болезнь, которая за два года и привела его к смерти.

Ему было чуть за шестьдесят.

Так закончилась аллея его жизни, по которой он упорно шёл в суете, трудах и грехопадениях.

THIS IS THE END OF SOLOMON GRANDY.

Талантливый Женька

«Какой гибнет актёр!» – воскликнул Нерон,

когда легионеры пришли вспарывать ему брюхо.

В решительно распахнувшуюся дверь семинарской аудитории МИФИ вошли двое.

Некто Хапалова, лектор по истории КПСС, и крупный немолодой мужчина в сером костюме, какие шили на заказ в партийных ателье.

Мужчина растёкся по преподавательскому столу вытасченной на берег медузой, а она пристроилась сбоку. Лицо у мужчины было дебелое, и сам он весь какой-то сдобный, а в голосе что-то декламационно-театральное. Как потом выяснилось, партийный бонза действительно трепетно относился к театру.

И экзекуция началась. По существу нас пригласили на казнь.

Начали с того, что мы вызываем недоумение в деканате. Очень странная группа, непонятная, мутная. Чем мы живём, к чему стремимся, о чём спорим, на какой идеологической платформе стоим все вместе и каждый по отдельности, чем занимаемся в свой досуг – всё это, оказывается, в деканате никак не поймут. Правда, не сказали, кто конкретно заинтересовался в деталях нашим бытом. Много позже до меня дошло – в нашей группе не оказалось сексота.

И вот они пришли выяснить нашу платформу и наши хобби, – пояснила строго партийная медуза.

Такая повальная инертность, особенно накануне столе-

тия великого Ильича, наводит на некоторые размышления, – подхватила Хапалова.

Они стали поднимать всех по очереди и выяснять, чем занят досуг каждого. Растерявшиеся и застигнутые врасплох двадцатилетние студенты лихорадочно выдумывали ответ, более или менее правдоподобный в зависимости от находчивости.

Среди нас проявились таланты: у неуклюжих – танцоров, у косноязычных – декламаторов, у тугоухих – вокальные данные, у равнодушных к поэзии – поэтический дар. Нашлись даже и акробаты, и слушатели каких-то партийно-патриотических курсов, а также поисковики останков тел погибших воинов в Великой Отечественной.

А Маринка Полищук встала и торжественно объявила, что готовит доклад к столетию, но забыла сказать к чьему. И тогда Серёжка Домашенко поспешил пояснить партийной медузе, что Маринка готовит доклад к своему столетию.

Серёжка вообще был очень находчив. Однажды у доски он абсолютно не знал, как подступиться к задаче. Тут на его счастье преподаватель обнаружил ошибку в исходных условиях. Сергей повернулся к аудитории и торжественно объявил, что поэтому и не мог её решить.

Очередь неотвратимо приближалась ко мне. В голове от страха помутилось, тем более, что я решительно не могла обнаружить ни одного таланта у себя и погружалась от сознания своего ничтожества ещё глубже в состояние паники.

Не говорить же им, что в свободное время ничегошеньки не делаю, лежу и плюю в потолок.

Запахло 37-м годом и отчислением из института. Так у нас выгнали на первом курсе еврея Витьку Кокорева. Фильтр на вступительных экзаменах прохутился.

Оплошность обнаружили уже после его поступления. И хотя парень на первой сессии успешно сдал математику грозной Купцовой, но оказалось, не вышел челюстью. У него верхняя челюсть чуть-чуть выступала над нижней, и вся кафедра английского языка завопила о невозможности с такой челюстью изучать иностранный. Это неизбежно подтвердилось на экзамене по английскому, как нетрудно догадаться.

В тот момент о картавости самого живого из всех живых они, видимо, запомнили.

Витьку, тихого, робкого юношу, вытурили в Лесотехнический. Там с такими челюстями брали спокойно.

С челюстью у меня было всё в порядке, но мало ли что.

И когда я встала и растерянно молчала в грозной тишине, сзади раздался голос Ромы Гаспаряна. Он долго и красноречиво описывал мои достоинства, повергнув меня в тихое изумление, чем меня и спас. А я о них и не догадывалась.

Но вот дошла очередь до Женьки Громыко. Сначала ме-дуза поинтересовалась, имеет ли он отношение к члену правительства Громыко. У Женьки всегда была быстрая реакция. Он точно рассчитал, что честный отрицательный ответ понизит его шансы, а врать – опасно. Поэтому надо было

изобразить такую мизансцену, в которой положительный ответ напрашивался как бы сам собой, и если не получал своего вербального подтверждения, то исключительно по причине врожденной скромности. Поэтому, несколько ослабившись и наклонив голову в еле заметном утвердительном кивке, мнимый родственник Громыко полуприкрыл глаза и задержал паузу, как бы давая понять медузе, что одарит его более подробным ответом наедине, не при всех. Бонзе это очень понравилось. Но уж когда Женька признался, что всей душой любит театр и даже там играет, все вопросы к нему отпали.

Как ни странно, театральная слабость Евгения была правдой. Он совсем свихнулся, перестал ходить в институт. Приближалась зачётная сессия.

И дотошная Наташа Стекольниковичева разузнала, где этот театр.

Тёмным зимним вечером, оседлав необходимые троллейбусы, автобусы и метро, мы добрались до театра завода ЗИЛ – маленького убогого театра на окраине Москвы.

Задача была высмотреть, где же это Женька развернул свой талант, но ни в коем случае не попасться ему на глаза.

Перед спектаклем в ярко освещённом фойе театра юные актриски живо интересовались, пришёл ли Женя. Из подслушанного разговора, где только и слышалось имя Женя, мы уяснили, что Громыко здесь – главное действующее лицо, непререкаемый авторитет, режиссёр, и даже сам выступ-

пает в спектакле.

И вообще, таакой мужчина ...

Ах! Невозможно, невозможно...

Пробравшись осторожно в предбанник закулисья, мы реши-
ли там затаиться до первого звонка.

И тут к нам выплыл Женька. Стекольщикова преврати-
лась мгновенно в помидор и онемела.

Ошарашенный Громыко спросил, кто нас сюда пригласил.
Из меня вырвалась первая же пришедшая на ум фамилия
– Кирсанов. Услышав непростую фамилию, Женька немно-
го успокоился и даже поверил, что наша встреча абсолютно
случайна.

Так и произошло в моей жизни первое знакомство с муж-
ской глупостью.

Он скользнул за кулисы, а мы в зрительный зал.

Не успели мы с Наташкой осторожно притулиться в зад-
нем ряду тёмного зала, как туда ввалилась рота солдат. Они,
шумно топоча сапогами, заняли все кресла, удачно скрыв на-
ше присутствие за своими широкими спинами. По разнаряд-
ке и для галочки, а заодно для пустующего театра реализо-
вывалась программа культурного просвещения в рядах Со-
ветской Армии.

И мы облегчённо вздохнули.

А зря – судьба готовила нам ещё одно нелёгкое испытание.

По ходу увлекательной пьесы заводская девица с лицом
русской Маньки, а по пьесе с сценическим именем Руфь, вы-

тащенным откуда-то из глубин подсознания драматурга, целый час металась по сцене.

Она никак не могла решить, к кому же наконец нырнуть в койку – к развесёлому кудрявому оболтусу Васе, или идейно выдержанному передовику производства Степану.

Вася, вечно поддатый любитель жизни и враг порядка, часто прогуливал смену, за что и подвергался общественному остракизму на всех шумных собраниях завода.

Это терзало нежную душу девицы и приводило к длинным объяснениям с Васей, который всё никак не хотел уступать её Стёпке. Руфь грозила ему неотвратимым разрывом целомудренной дружбы, если он не возьмётся за ум и не выполнит годовой план по производству каких-то деталей. Вася не хотел вставать на путь исправления и Руфь отпускать тоже не хотел.

А вот Степан, сосредоточенный и серьёзный, долго и нудно объяснял запутавшейся Руфи, как умеют страдать и ждать настоящие мужчины. Не торопить события, но на контрасте с такими оболтусами как Василий наглядно демонстрировать свои очевидные преимущества. Речь перемежалась отступлениями на заводские темы с упоминанием о перевыполненных Степаном производственных планах.

Содержательная беседа Степана повергала Руфь в ещё большее смятение.

И когда Степан уходил, она протягивала руки в зал и молила солдат подать ей спасительный совет. Солдаты сидели

затаив дыхание. Они и сами, находясь в плену остросюжетной драмы, были в растерянности.

Все так были увлечены запутавшимся треугольником, что несколько раз по ходу пьесы хотелось крикнуть: «Да брось ты этих крокодилов, Руфь».

Для вящей убедительности накала страстей персонажи садились на самый край рампы и спускали ноги вниз. Это по задумке режиссёра Женьки должно было символизировать единение со зрителями во время задушевных бесед героев пьесы и находить отклик в душах солдат.

И неискушенные солдаты треугольнику сочувствовали.

Но режиссёр Женька Громыко пошёл ещё дальше. В промежутках между страданиями, подобно хору в греческом театре, объяснявшему слушателям дальнейший ход пьесы, на сцену выскакивала группа приплясывающих девиц. Погонял их сам режиссёр Громыко, идя за ними в приплясе и при-топе, широко раскинув руки, чтобы они не разбежались, а следовали по сцене в заданном направлении. Группа, как табун молодых кобылиц, гонимых по степи опытным чабаном, кружилась по сцене под звуки граммофонной пластинки, а голос из-за кулис повествовал залу о сложном психологическом тупике, затянувшем несчастную Руфь в пролетарском мюзикле.

Разумеется, исстрадавшееся сердце Руфи под конец советской пьесы отдало предпочтение положительному Степану.

Так тебе и надо, Васька! Нужно было все развесёлые и задушевные беседы с колеблющейся девицей вести на краю койки, а не болтать ногами на краю рампы. Дело бы тогда сдвинулось с мёртвой точки.

Но наивные солдаты не догадались Василию крикнуть из зала, чтобы он кончал глупую суету, а вёл себя как настоящий защитник Отечества во время отпуска и не только.

И всё бы ничего, да только стоило приплясывающему Женьке с табуном кобылиц выбежать на сцену, как в гомерическом хохоте я сползала на пол между кресельных рядов и, затыкая себе рот рукой, выла и стонала, боясь встретиться с Наташей взглядом. Она была не в лучшем состоянии.

А главное, Женька был безумно смущён, и под эти залихватские притопы между нами устанавливалась телепатическая связь, где каждый знал о состоянии друг друга.

Бежали мы оттуда после спектакля, очертя голову.

Его всё-таки в семье привели в чувство. Он кое-как сдал сессию и остался в институте.

И наступив себе на горло, кинув в печали молодых кобылиц, Женька покинул убогий театрик.

Сомнамбула

Существуют ли вещие сны?

Думаю, да.

В них нет фотографической ясности, чётких лиц персо-

нажей, и всё как в тумане.

Но кто-то невидимый доносит до тебя основную мысль и не словами, а ощущениями.

Возникает атмосфера общего тревожного состояния, не привязанного иной раз к конкретному лицу, но настойчиво витающий дух тревоги и неизбежности заставляет потом долго размышлять о неясных посылах.

По четвергам во втором МОЛГМИ на кафедре медицинской кибернетики проходили еженедельные семинары, где заслушивались доклады по текущим задачам отдела.

Недавно пришедший к нам доктор физико-математических наук Кунин тоже читал доклад.

Он был выгнан из какого-то института вместе со своей молодой любовницей Викторией за длительную связь, намозолившую глаза всем партийным структурам своей затянувшейся аморальной тупиковой безнадежностью. У Кунина была жена и шестнадцатилетний сын.

Доктор наук написал своей любовнице диссертацию и тянул эту связь долгие годы по жизни, не решаясь разорвать с семьёй. У нас эти гонимые нашли как бы приют.

Реализацию его долгих обещаний разорвать с семьёй уставшая от ожидания Виктория попыталась подтолкнуть своим разводом и, хлопнув соответствующим документом об стол, потребовала от него тех же действий.

Итак, семинар состоялся в четверг. По окончании всех докладов уходящий Кунин наклонился ко мне и вежливо

попросил отодвинуть мой локоть, немного прижавший его пальто. На мгновение встретилась с ним глазами. На умном интеллигентном лице спокойно и приветливо светились карие глаза. Это был его последний взгляд, последний отпечаток, оставленный в моих воспоминаниях о нём.

В ночь с воскресенья на понедельник мне снится умопомрачительный сон, к тому же двухуровневый. Двухуровневых снов прежде никогда не видела.

В тёмной комнате веником размазываю я кровавое пятно по полу, и телепатическим образом мне внушается мысль о чьей-то смерти. Кто-то обязательно должен умереть. Но кто?

Странная мысль о моём сотруднике Игоре Бурлакове вертится в голове. «Уж не он ли?» – с ужасом думаю и просыпаюсь. Но не в реальность, а во второй сон, где мысль о неизбежной смерти становится очевидной, как и мысль о её непостижимой связи с моим коллегой.

Наконец, проснувшись окончательно, решаюсь позвонить ему и спросить, всё ли в порядке в его семье. Но поразмыслив, передумала. Итак в нашей жизни достаточно психов. Зачем множить их число, пугая окружающих глупыми звонками.

Пришёл понедельник, за ним – вторник, а в среду Игорь сам позвонил и сказал, что умер Кунин.

Вот кому уготовила судьба принести во сне весть о смерти.

Кунин умер в десять часов вечера в понедельник. Нака-

нуне, запутавшийся между семьёй и любовницей, он провёл с Викторией всё воскресенье, где в слезах и отчаянии она поставила его перед окончательным выбором и дала время – один день на ответ.

А роковым вечером понедельника жена застала его на кухне на стуле мёртвым с телефонной трубкой в руках.

Второй сон с его воплощением в жизни разделил ровно год.

Тогда мне позвонил Игорь и сказал, что умер Володя Денисенко, наш сокурсник. Ему было всего тридцать восемь лет. Ума не приложу, почему опять весть о смерти нёс Бурлаков. Ну, уж как было, так было.

Ровно год назад я во сне как бы мыла пол у Игоря дома. В реальной жизни его гостеприимная мама часто приглашала друзей сына к себе в дом.

Всё неясно, всё в туманной дымке. И входит в комнату его мать и просит меня поскорей кончать мытьё, потому что сын с институтскими друзьями должен прийти. Молчаливой толпой они вошли и направились тут же в другую комнату. Все мне знакомы, но никто со мной не поздоровался.

Озадаченная и заинтригованная, прямо с грязной мокрой тряпкой вошла я к ним.

За столом, накрытым белой скатертью, неясно вырисовывались молчаливые и грустные профили моих институтских приятелей. Никто не повернул ко мне головы и не проронил ни слова.

Постояла я, постояла и, так и не получив приглашения, вышла.

Проснулась, подивилась сну и забыла.

А через год мы хоронили Володю, собравшись у морга мединститута. Поехать на кладбище я не смогла. А мои однокурсники, поразмышляв, где помянуть его после похорон, отправились к Бурлакову. Все, кроме меня.

Первое чувство, когда прозвенел телефонный звонок с печальной вестью, была злость.

За неделю до этого в телефонном разговоре Володька сказал, что у него есть женщина, с которой он встречается и на которой, видимо, женится. В голосе не было никакой радости. Я знала, что его первая жена недавно вышла замуж, и его ребёнок будет теперь называть отцом чужого дядю.

Полная убеждённость в совершённом самоубийстве охватила всех, и выводить его друзей из заблуждения родные Денисенко не стали ни на похоронах, ни после.

Он выбросился из окна тринадцатого этажа, не издав ни единого звука.

– Подумайте только, – шептались на похоронах – так ненавидеть жизнь, чтобы лететь вниз, стиснув зубы.

И злость на Денисенко, который посмел из рисунка моей молодости стереть далеко не лишний штрих, переполняла меня. Эгоизм и по отношению к престарелым родителям, и ко всем своим друзьям – вот единственное объяснение, пришедшее тогда в голову. Меня обокрали, бросив косвенно

укор, что, будучи жива, не остановила предельное отчаяние человека.

И тогда после похорон я начала думать, впав в какое-то лихорадочное состояние на три дня.

Володька Денисенко по ночам садился напротив и молча следил за моими потугами. А я обращалась к нему, вспоминая каждую деталь нашей институтской жизни, исступлённо распутывая загадку его смерти. Что он говорил, как и над чем смеялся, что любил, чем увлекался. Ничего не помогало, полный мрак. Ещё и ещё раз прокручивалось всё по новой.

И вдруг вспомнилось приглашение к нему домой на первом курсе всей группы. Он жил где-то на Дмитровском шоссе.

Несомненно, это он, сидевший в тёмном углу, протянул мне кончить запутанного клубка.

Вечеринка как вечеринка, но только одна странность. Между улицей и порогом его квартиры на первом этаже не было даже намёка на разницу в уровнях. С земляной тропки человек сразу попадал в прихожую, а сам высокоэтажный дом стоял в глубине сада далеко от шумной магистрали.

От таких непрестижных этажей люди отказывались, а Володькин отец, будучи полковником, вполне мог получить квартиру получше. Значит, не захотел. А не была ли для этого веская причина? Мысль обратилась к окну и неясная догадка заставила меня позвонить Наташе Стекольниковой.

Она то и сказала, что Володя очень любил свои цветы,

росшие у него под окном. Часто он поливал их по ночам и, чтоб не заморачиваться, вылезал к ним прямо из окна.

По кусочкам, как мозаика пазла, начала складываться картина несчастья.

Ровно за год до смерти Денисенко, когда мне приснился злополучный сон, его родители получили новую квартиру на тринадцатом этаже. А накануне Володиной смерти уехали на дачу и оставили ключи будущим супругам – ему и его новой невесте Груне. На тринадцатом этаже пара и заночевала.

И когда, утомлённый и издёрганный жизненными неурядицами, покинутый женой, расставшийся поневоле с ребёнком, примирившись с перспективой нового брака с не очень любимой женщиной, он забылся рядом со своей Груней в глубоком сне, Смерть пришла к нему.

Она взяла маленького Володю за руку, ласково подвела его к окну и сказала, что там за окном цветы ждут его. Ведь он давно их не поливал. Неужели забыл? Посмотри, как, залитые лунным светом, склонили они свои пахучие головки и ждут, ждут тебя. И он, распахнув знакомые створки, шагнул в своё детство, в свой цветочный рай. Хлестал дождь, дул сильный ветер, а испуганная проснувшаяся Груня не успела даже окликнуть Володю, с ужасом следя, как он привычным взмахом перебросил две ноги через оконную раму и исчез.

Он летел в бесконечность молча, так и не издав ни одного крика. Он крепко спал.

Тут то и пришло объяснение – Володя Денисенко был

сомнамбулой.

Мне стало легче, и я его отпустила.

Маринка

Эрудиция Полищук восхищала и подавляла одновременно.

Однажды, не выдержав диапазона её знаний, я решила спросить, читает ли она газеты.

Я их не читала.

Ответ был последним ударом, рассеявшим остатки моей надежды хоть в чём-то с ней сравняться.

– Массу – сказала она небрежно, несколько выпятив нижнюю губу и как бы удивляясь нелепости вопроса.

Как-то на рабочий стол из её сумки вместе с учебниками выпал томик стихов Марины Цветаевой. Отставленный нарочито в стороне, но так, чтобы помозолить глаза окружающим, томик через некоторое время, как и было задумано, попался любопытным казахским глазкам Шиндаулетова. И по любезному разрешению хозяйки Бахыт углубился в его изучение.

– Ты любишь стихи, Марина? – оторвавшись от томика стихов, спросил Бахыт.

– Да, очень! Разве можно их не любить? – удивлённый взлёт бровей и томный вздох.

– А я вот к ним равнодушен. И, кстати, не всё в них пони-

маю.

– Ну, здесь нужно иметь особый дар постижения сокровенного. Не всем это доступно.

– Мне, наверное, не дано. Вот, например, ничего не понял в одном стихотворении.

– В каком? Могу помочь – великодушно предложила Маринка тёмному потомку кипчаков.

Она быстро промелькнула глазами по витиеватым строчкам, полным недосказанности и полунамёков, и ещё раз удивленно вздохнула.

Ну что здесь может быть непонятного? Ты спрашиваешь, о чём оно? Боже мой, Бах. Ну, конечно, о любви.

Вот слышишь музыку стиха в строчках о синем небе. Это весна врывается в душу женщины и шумит на фоне синевы ветвями набухающих почками берёз. Теперь понял? Опять не понял?

Причём здесь синий взгляд из-под козырька, спрашиваешь ты? Господи, ну это же надо чувствовать! Слияние синевы глаз с синей полосой на фуражке любимого, как символ счастья, вступившего на порог. Откуда он взялся? Ну, как ты не понимаешь – с фронта.

Причём здесь стук в дверь? Ну, это ещё проще.

Вот представь себе. Она истосковалась. Он стучит и в проёме распахнутой двери – читай, здесь написано – на фоне голубого неба появляется со своими голубыми глазами. По моему, великолепный поэтический образ.

Бах никак не схватит суть и всё нудит и нудит. А Маринка, воодушевлённая его непониманием, распаляется всё больше и больше.

Мне, сидевшей рядом, тоже предложено оторвать нос от учебника, прочесть туманные строки и разъяснить что к чему. Но так как я ни в какое сравнение не шла с двумя гигантами мысли, то признание в своём тупоумии далось легко и органично.

Запутанно, говорю, и непонятно.

И вот тогда коварный азиат, вдоволь натешившись романтическими всплесками лебединых Маринкиных рук, начал свою ехидную отповедь.

Он сказал, что первое, на что надо обратить внимание, это на дату написания Цветаевского шедевра. Вот, Маринка, посмотри здесь, в конце стиха – 1939 год. В этот год продолжали арестовывать людей. Врывались к ним с громким стуком. Было их несколько и один из неожиданных гостей – в военной форме. Отсюда и фуражка, с козырьком, разумеется, и синим околышем. Ну, а голубые глаза – зловещее совпадение. Разве у палачей не бывает голубых глаз? И вовсе не весна ворвалась в дом испуганной женщины, и не любимый стоит в проёме дверей на фоне небесной синевы.

Всё это говорилось неспешно, усмешливым тенорком и с торжествующей назидательностью.

Под конец Маринке объяснили, что она ничего не поняла в стихотворении и, возможно, вообще ничего не понимает

в поэзии.

Все притихли.

На следующий день в аудиторию семинара вошла дама с гордо поднятой головой. На ней был самый праздничный наряд в элегантной чёрной гамме цветов. Лицо её было покрыто толстым слоем персиковых румян, а густо накрашенные ресницы и веки, как два обжигающих луча, устремились в самое лицо дерзкого азиата Шиндаулетова. Она шла прямо на него красивой расслабленной походкой, как бы неся в подарок свою женскую суть как высшую награду. Если, конечно, он способен понять и оценить.

Вот такой был наш женский ответ дерзкому кипчаку!

Бахыт невинно устремил свои раскосые глазки в потолок, и ни один мускул его загадочного лица не дрогнул. И о чём он думал в тот момент, истории осталось неизвестно.

Азиат, что вы хотите. Ведь они народ какой непонятный. Будут молча слушать вас, слушать, согласно кивая головой, а потом спокойно вытащат кинжал и зарежут.

Вот так, батенька, а вы говорите. Иными словами, дикий народ!

Херувим в логове гориллы

Приятель, студент-мифист, пригласил меня на день рождения своего сокурсника. Сокурсник закончил МИФИ с красным дипломом по кафедре теоретической физики и по-

ступил в аспирантуру на той же кафедре. Всё это я узнала позже, а пока мы выбирали ему подарок и вечером пошли к назначенному часу.

Великолепный кирпичный многоэтажный дом сталинской постройки высился на фоне вечеряющего неба как оплот надежности и символ достатка его обитателей. Мы поднялись в просторном подъезде на нужный этаж и вошли в большую роскошную квартиру.

Вдоль длинного коридора справа и слева располагались жилые комнаты, в конце налево было помещение кухни, а справа по другую сторону коридора – ярко освещённая большая гостиная со столом посередине. Не многие в те времена жили в таких апартаментах.

Нас встретили молодая хозяйка, неприметная двумерная особа нашего возраста, и её муж, мифист. И если жена напоминала скорее невзрачную серую куропатку, то муж выделялся привлекательной внешностью.

Высокий статный брюнет с удивительно белой кожей и румянцем на лице с правильными благородными чертами. Во всей фигуре чувствовались сила и гибкость, как у профессионального пловца, и в то же время некая хрупкость херувима.

Мы вручили молодой паре свои скромные подарки и, пока накрывался стол и подходили другие гости, присели на диван в первой комнате слева от входа. Нас тут же заняли просмотром альбома фотографий их маленького сына. На них

запечатлены были все моменты его жизни от рождения до настоящего времени, когда мальчику исполнилось три года.

Малыш сфотографирован был во всех ракурсах на фоне дачной аллеи, в конце которой на ухоженном участке высился дом. На фотографиях молодая пара с коляской сидела на садовой скамейке, бродила по садовой дорожке, позировала у розовых кустов.

Наконец, нас пригласили в гостиную.

Гости расселись вокруг стола, и наступила напряжённая тишина.

Хотя все кроме меня знали друг друга, но создавалось впечатление, что никто не понимал, с чего начать. И тогда заговорила хозяйка. Она вдруг стала объяснять, какой у неё талантливый ребенок. Он уже в три года знает буквы. Потом нам рассказали, как на её работе ей все завидуют, что у неё такой необыкновенный муж. Работала она учительницей русского языка в младших классах. В лицах была пересказана беседа с директором школы, которой молодая утёрла нос, когда объявила, что неотразимый супруг окончил институт с красным дипломом и поступил в аспирантуру. Директора школы, женщину, якобы, даже передёрнуло – у неё такого мужа не было. Ха-ха-ха! Муж при этом сидел смирно и слегка усмехался.

Потом она рассказала, что познакомилась со своим херувимом ещё в школе. Затем, уже будучи в студенческой поре, отправилась с ним в поход, а далее – сами понимаете, как...

Молодая мадам тараторила безумолку, не интересуясь ни гостями, ни другими темами кроме темы своего успеха в личной жизни.

Самоуверенная, самовлюблённая бледная немочь ещё долго не закрывала рта, взахлёб посвящая гостей, как ей удалось схватить свою птицу счастья.

Мы слушали молча и если, поднапрягшись, понимали «как», то пока не понимали «почему».

Даже роскошная квартира впридачу к такой невзрачной особе казалась уж совсем примитивным аргументом.

И тут я увидела краем глаза расстроенное и скисшее лицо её подруги. Она пришла со своим мужем. Простой белобрысый парень с добрыми глазами, совсем не мифист, и не отличник, и не аспирант, а обыкновенный преподаватель физкультуры.

Когда песнь торжествующего хвастовства наконец смолкла, он предложил просто выпить за дружбу. И столько простодушной искренности и доброты было в незамысловатом тосте, что мне сразу стало как-то тепло на душе.

Его выслушали со снисходительным терпением, как будто ничего толкового и не ждали. Очень жаль, что белобрысый неудачник не в состоянии понять, каким диссонансом его тост и он сам выглядят на фоне таких головокружительных пассажей о настоящем счастье.

В значительной части студенческой элиты МИФИ категория бескорыстной дружбы в обычном человеческом смысле

была сродни глупости.

Но гостеприимные хозяева должны проявлять великодушные, и все послушно выпили, молчаливо сочувствуя жене неудачника.

А он, бедный, что-то уловил в вытянутом лице супруги и присмирел. Тогда я неожиданно для себя протянула к нему свой бокал и продолжила его тост за дружбу и подмигнула – мол, знай наших и мы не лыком шиты. Белобрысый парень опять воспрял, начал с воодушевлением что-то говорить о преданности, высоких порывах и верных друзьях, – трогательный и искренний человек.

Потом красный дипломник МИФИ, аспирант, физик-теоретик и вообще красавец-мужчина взял гитару и начал петь о чёрном коте. Он, оказывается, ещё умел и петь. Абсолют и совершенство, рядом с которым мы все ощущали себя неполноценной расой. А жена преподавателя физкультуры совсем сдулась.

В это время домой после работы пришёл тесть. Пока он раздевался и хрюкал в прихожей, отличник МИФИ, аспирант и просто красавец-мужчина продолжал бренчать о коте и тех, кому не повезёт, если чёрный кот дорогу перейдет. Очень содержательная песня.

И тут в гостиную вошёл тесть. Здесь то и начинается разгадка – «как» уже было ясно, а вот подоспело и «почему»...

В прямоугольном проёме двери появилась квадратная фигура низкорослой гориллы.

Ширина плеч спорила с ростом приземистой фигуры, шея вообще отсутствовала, голова была вжата в плечи, а черты квадратного лица повергали в дрожь и изумление. Длинные руки и короткие ноги усиливали сходство с приматом. Рыхлое лицо было красным, будто существо постоянно прикладывалось к самым крепким напиткам. Из-под низкого лба с выступающими надбровьями смотрели маленькие глазки. Красный мясистый нос и готовые вот-вот расползтись в зловещей улыбке лягушачьи губы завершали картину. Существо приблизилось к столу, село на свободный стул и заговорило скрипучим голосом.

Горилла неторопливо цедила приветствие, наводя ещё больший ужас. В голосе слышались ласковые интонации, приглашающие на казнь. Передо мной был классический образ заплечных дел мастера, и живо представился топор, которым он будто играл, перебрасывая с одной руки в другую.

Херувим в этот момент пошёл на кухню за чаем.

– А где мой зятёк? – проскрипела горилла, и все поняли, кто в доме хозяин.

И вернувшийся с кухни зятёк суетливо подвинул свой стул к стулу тестя.

– Поближе, поближе садись – расплываясь в отвратительной гримасе, снисходительно скомандовала горилла.

Херувим с опущенным взором примостился под боком у гориллы, как любимая игрушка обезьяны. На простолоудинском лице заплечных дел мастера играла довольная улыбка

с оттенком неуловимой пошлости. Казалось, это существо и не могло улыбаться иначе.

Так они и сидели оба, повергая в недоумение контрастом обликов: белокожий красавец-херувим, как бы воспяряющий ввысь, и краснокожее рыло с маленькими хитрыми глазками, навалившееся на стол всем своим кургузым телом без шеи.

Что общего между ними, стало окончательно ясно, когда спустя несколько дней я встретила в библиотеке ГПНТБ красавца-херувима. Он не ответил на моё приветствие и не счёл нужным скрывать, что меня помнил. Это нормальный цинизм – я была из тех людей, с которыми ни к чему церемониться и в которых он совсем не нуждался.

Шёл тысяча девятьсот семьдесят второй год, – год моего окончания МИФИ, института, полного таких вот «*eminently practical men*».

Много лет спустя, вспоминая свою многонаселённую коммуналку, я призадумалась, почему мои родители – мама врач-педиатр, отец инженер-строитель, – всю жизнь трудившиеся не покладая рук, жили так бедно, а уж о дачах вообще не помышляли.